АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XII

3

МАЙ — ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1963

СОДЕРЖАНИЕ

Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Д. Андреев и Л. Р. Зиндер (Ленинград). О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка 15
Р. Ружичка (Лейпциг). О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке . . 22
Ю. С. Степанов (Москва). Некоторые основания трансформационного синтаксиса французского языка 32
В. Милтнер (Прага). О дистрибуции членов предложения в хинди . . . 37
Ю. М. Лотман (Тарту). О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры 44
Об общеславянском лингвистическом атласе 53

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Г. Морозова (Москва). О «безъязычных глухонемых» и об овладении ими словесной речью 58
Г. А. Хабургаев (Москва). К вопросу об интерпретации падежного синкретизма в русских говорах 68
В. З. Панфилов (Москва). О происхождении склонения в нивхском языке 74
В. В. Шевороткин (Москва). О хетто-лувийском характере карийского языка 83

КОНСУЛЬТАЦИИ

М. В. Мачавариани (Тбилиси). О взаимоотношении математики и лингвистики 85

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Г. А. Лесскис (Москва). О зависимости между размером предложения и характером текста 92

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

И. К. Белодед (Киев). Основные проблемы общего языкознания в новых работах украинских ученых 113

Рецензии

В. А. Редькин (Москва). *V. Kiparsky*. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache 119
Т. М. Николаева (Москва). *F. Hiorth*. Zur formalen Charakterisierung des Satzes 124
Р. М. Фрумкина (Москва). *G. Herdan*. Type-token mathematics . . . 127
П. Н. Денисов (Москва). *P. C. Paardekooper*. Inleiding tot de ABN-syntaksis 129
Л. П. Крысин, Е. И. Убрятова (Москва). Сб. «Памяти В. А. Богородицкого (К столетию со дня рождения)» 132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 137

Технический редактор *Д. А. Фрейман-Крупенский*

Т-04635 Подписано к печати 18. V. 1963 г. Тираж 5965 экз. Зак. 1935
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 12,33 Бум. 4¹/₂ л. Уч.-изд. листов 14,2

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ РАЗРАБОТКИ ВОПРОСОВ ПИСЬМЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР *

Руководствуясь историческими решениями XXII съезда КПСС, советские языковеды прилагают свои усилия к тому, чтобы подвести главные итоги развития науки о языке в СССР, наметить основные задачи, определить наиболее важные направления развития советского языкознания и внести посильный вклад в дело строительства коммунизма в нашей стране.

В советскую эпоху, когда во всех областях жизни народов СССР широко и интенсивно развертываются процессы, ведущие к сближению наций и национальных культур, в общественно-политической, экономической жизни, в искусстве, литературе, в культуре (в широком смысле) каждой социалистической нации возникло и возникает много новых явлений, не известных ей раньше, до революции, и способствующих, как указывал Н. С. Хрущев, «выравниванию» уровня развития всех наших народов. В «выравнивании» уровня развития материальной и духовной культуры всех народов СССР в нашу эпоху огромную роль играют наука, среднее, специальное и высшее образование, плодами которых в одинаковой степени пользуются все народы СССР. Все эти процессы в конечном счете обусловлены общностью материальной жизни и социальных условий. В этих условиях складываются и новые, общие для наших народов традиции в искусстве, литературе, в духовной жизни народов СССР, развертываются процессы, сближающие нации и их культуры.

В этой связи перед языковедами встают вопросы: как развертываются лингвистические процессы в нашей многонациональной стране? Каковы наиболее общие социально обусловленные закономерности развития языков народов Советского Союза? Советские языковеды должны ответить на эти вопросы, глубоко и всесторонне исследовать происходящие в нашей стране процессы развития национальных литературных языков народов СССР, обусловленные общими закономерностями развития советского общества.

*

В первые годы существования Советского государства благодаря указаниям Коммунистической партии и Советского правительства в центр внимания лингвистов были поставлены проблемы, связанные с изучением на основе марксистской методологии живых языков, их роли в жизни общества, в развитии национальных культур, в полной ликвидации неграмотности — векового наследия дореволюционной России. Решением этих проблем языковеды внесли свой вклад в осуществленное советскими народами культурное строительство.

* Статья подготовлена В. В. Виноградовым, Ю. Д. Дешериевым, В. В. Решетовым, Б. А. Серебренниковым, П. Я. Скориком, Н. А. Баскаковым. В основу статьи положен текст доклада, прочитанного В. В. Виноградовым на пленарном заседании Координационной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (20—24 ноября 1962 г.).

На основе ленинской национальной политики было организовано языковое строительство в нашей стране: создание письменности, школ на родных языках, орфографии, терминологии, учебных пособий, теоретических исследований по всем языкам советских народов, что способствовало значительному расширению общественных функций литературных языков. Вместе с тем велась борьба за замену наиболее сложных древних и средневековых письмен более совершенной и практически необходимой для народов СССР графикой (сначала на основе латинского, а затем по требованию подавляющего большинства народов СССР на основе русского алфавита). Недостатки и сложность таких письменностей (например, арабской, древнееврейской или уйгурско-монгольской, которыми пользовались некоторые народы до Великой Октябрьской социалистической революции) в известной мере тормозили успех образования, просвещения: так, за первые семь лет существования советской власти в Узбекской, Казахской, Азербайджанской, Таджикской, Туркменской социалистических республиках процент грамотности на родном языке при использовании арабского алфавита вырос всего в два с лишним раза по сравнению с дореволюционным периодом; за вторые семь лет, т. е. за период применения нового латинизированного алфавита, процент грамотности в среднем увеличился в шесть раз.

Многие народы, главным образом ранее пользовавшиеся арабским письмом, по собственной инициативе перешли на русский алфавит. Периоду перехода на русский алфавит предшествовал период латинизации письменности многих языков народов СССР. Необходимость этого промежуточного этапа отстаивали некоторые языковеды, в то время считавшие, что массовый переход на русский алфавит мог бы быть превратно истолкован как своеобразное проявление шовинизма; предполагалось также, что латинский алфавит в ряде случаев может лучше передать особенности звукового состава языков народов СССР. Практика, однако, показала, что латинский алфавит создавал ничем не оправданную изоляцию языков народов СССР от русского языка, в чем нередко были заинтересованы националистические элементы в национальных республиках. Переход на русскую графическую основу необходим был для народов СССР по ряду причин политического, экономического и культурного характера; при этом учитывалось также братское сотрудничество русского и других народов СССР и то обстоятельство, что известная часть нерусского населения Советского Союза уже владела русским языком, являвшимся языком межнационального общения народов нашей страны. Переход на русскую графику в условиях многонационального Советского государства обеспечил, с одной стороны, устранение алфавитного разнобоя в национальных школах, а с другой — улучшение преподавания и усвоения русского и родных языков. Перевод алфавитов многих языков народов СССР на русскую основу несомненно дал положительные результаты, хотя орфографии и алфавиты, созданные на русской графической основе, не всегда отличались достаточной степенью совершенства и продуманности; это ставит перед языковедами задачу дальнейшего улучшения некоторых ныне существующих алфавитов и орфографий.

Вся эта работа сопровождалась изучением всех языков и их диалектов в связи с проблемой диалектной базы[1], уточнением фонемного состава младописьменных языков, особенностей их грамматического строя, изучением закономерностей развития различных языков и т. д.[2]. Таким

[1] Отметим, что иногда при выборе диалектной базы использовались нелингвистические критерии — учет численности говорящих на данном диалекте, его географического положения, наибольшей культурной развитости его носителей и т. д.

[2] Правда, было бы неправильно думать, что вся эта работа в полном ее объеме

образом, здесь перекрещивались практические и теоретические задачи, связанные с изучением и развитием языков народов СССР.

Наши языковеды и языковедческие учреждения не уделяют достаточного внимания постановке и решению важных вопросов усовершенствования орфографий и алфавитов, упорядочения научной и общественно-политической терминологии. Между тем эти вопросы имеют большое практическое общественное значение. Попытки унифицировать алфавиты близкородственных языков, в частности тюркских, до сих пор не увенчались успехом; напротив, в последние годы имели место факты, способствующие усилению разнобоя в алфавитах, например, тюркских языков; практически к этому ведет включение дополнительных букв, которых нет в алфавитах остальных литературных языков народов СССР, пользующихся графической основой русского письма.

Образование фонда общей лексики в национальных языках народов СССР выдвигает в качестве одной из первоочередных задач вопросы упорядочения и сближения научной и общественно-политической терминологии путем хотя бы утверждения единых орфоэпических и орфографических норм там, где это возможно и целесообразно. Между тем вопросы орфографии заимствованных русских и советско-интернациональных слов, твердо вошедших в лексический состав национальных языков, решаются для разных языков неодинаково даже в пределах РСФСР.

За годы советской власти народы нашей страны достигли огромных успехов в своем политическом, экономическом и культурном развитии. Все эти достижения в той или иной мере отразились во всех литературных языках народов Советского Союза. Ныне в СССР существует 15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов. Многонациональную семью страны Советов составляют более 130 наций, народностей и этнических групп, говорящих на различных языках, из которых около 70 являются письменными (литературными). Из них младописьменными являются около 50 языков.

В 20—30-х годах, т. е. в первый период развития указанных литературных языков, были достигнуты следующие результаты: 1) завершены работы по созданию письменности для ранее бесписьменных народов и учреждены национальные школы с преподаванием на родных языках; 2) ликвидирована неграмотность в короткий срок благодаря созданию письменности и национальной школы; 3) подготовлены кадры для национальной школы; 4) созданы и выпущены массовыми тиражами необходимые учебники и учебные пособия по родным языкам; 5) разработаны общие и специальные методики для всех национальных школ; 6) организована работа по улучшению алфавитов, упорядочению орфографии и терминологии; 7) созданы литература, периодическая печать на родных языках; 8) использованы родные литературные языки в развитии национальных культур, в изучении русского языка; 9) развернута научно-исследовательская работа по фронтальному изучению всех языков и их диалектов; 10) исключительно расширены масштабы лексикографической работы, особенно в области двуязычных и толковых словарей.

В этот же период наметились следующие основные тенденции в развитии литературных языков: 1) сильное развитие словарного состава литературных языков и обогащение их за счет многочисленных лексических заимствований из русского языка; 2) развитие синтаксических систем письменных языков не только за счет использования внутренних, потенциальных возможностей данных языков, но и благодаря влиянию русского

проводилась заново. Диалектные базы некоторых литературных языков народов СССР наметились еще до Октябрьской революции. Перевод письменности с арабского алфавита на латинский, а позднее — на русский потребовал в основном разработки системы обозначений гласных фонем.

языка, заимствованию из него синтаксических приемов моделирования, возникновению калек и т. д.; 3) упорядочение, установление норм фонетических систем литературных языков, проникновение в состав этих систем заимствованных из русского языка отдельных фонем вместе с заимствуемыми словами; 4) упорядочение, установление норм морфологических систем литературных языков, развитие, расширение их словообразовательных возможностей; 5) возникновение и развитие стилистических вариаций, новых стилей во всех литературных языках.

Вместе с тем в этот период были допущены и серьезные ошибки: 1) попытки создания письменности на родном языке очень малочисленным этническим группам вопреки реальной необходимости (например, для некоторых этнических групп Крайнего Севера, отдельных тюркских, финно-угорских, иранских, кавказских этнических групп, которые впоследствии отказались от письменности на их родных языках и стали пользоваться русским и другими литературными языками соседних братских народов); 2) проявление пуристических тенденций в области разработки литературных языков; 3) попытки перевода на письменные языки различной литературы без учета реальных потребностей носителей этого языка; 4) появление опасности отрыва младописьменных языков от живых народно-разговорных языков, лежащих в их основе (вследствие вредного увлечения некоторых языковедов и переводчиков терминотворчеством, неологизмами, немотивированными заимствованиями и т. д.); 5) недостаточное внимание к общим, сближающим народы моментам в развитии культур и языков различных советских народов; 6) недооценка и недопонимание научного, культурно-исторического и общественно-политического значения возникновения и развития фонда общей лексики в литературных языках народов СССР.

Советское общество высоко ценит роль родного языка в жизни каждого народа, в развитии его культуры, в просвещении носителей этого языка. Поэтому письменность, созданная для народов, не имевших ее, явилась могучим орудием в руках советской власти для наиболее быстрого приобщения ранее отсталых народностей к современной передовой культуре, достижениям науки и техники, искусства и литературы. По мере развития Советского государства, развития экономики и культуры народов Советского Союза функции их национальных языков расширялись путем: 1) организации переписки и делопроизводства в советских, партийных и других местных органах на родном языке; 2) проведения всех основных общественных мероприятий в пределах данной союзной или автономной республики на родном языке; 3) создания средней школы с преподаванием на родном языке; 4) постепенного частичного или полного перехода высшей школы на родной язык (например, в УССР, АрмССР и ГрузССР); 5) издания литературы на родных языках — общественно-политической, учебной, научной, художественной (оригинальной и переводной), а также развития периодической печати на родном языке (газеты, журналы); 6) развития театрального искусства на родном языке (драмы, оперы, эстрады); 7) подготовки национальных кадров почти всех специальностей на родном языке.

Подавляющее большинство младописьменных языков народов автономных республик и автономных областей, а также малых народностей национальных округов впервые в советскую эпоху стало выполнять функции литературных языков. Расширение их общественных функций происходило планомерно: сначала литературные языки были использованы только для ликвидации неграмотности, постепенно, по мере подготовки национальных кадров на этих языках, развертывалось преподавание в национальной школе, начали издаваться газеты — республиканские и районные.

С 20-х и 30-х годов основные общественные мероприятия районного и сельского масштаба проводятся уже на национальных языках, издается общественно-политическая, художественная и учебная литература; работает национальный театр, ведутся радиопередачи, организуется художественная самодеятельность на родном языке и т. д.

В новой Программе КПСС особо подчеркивается, что «Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы»[3]. В осуществлении этой цели в условиях многонационального Советского государства выдающаяся роль принадлежит русскому языку, который, как справедливо подчеркивается в новой Программе КПСС, «фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»[4].

Русский язык, принадлежащий к числу наиболее развитых языков мира, служит ныне не только средством межнационального общения для всех народов Советского Союза, но и является также языком международного общения (один из официальных языков Организации Объединенных Наций). Для народов же Советского Союза русский язык имеет особенно важное значение как средство сближения и единения этих народов, их совместного труда в строительстве коммунизма, как один из основных источников обогащения и развития других национальных языков Советского Союза.

Вместе с тем русский язык не является обязательным государственным языком СССР. В. И. Ленин считал совершенно непозволительным, чтобы русский язык насильственно навязывали другим народам: «...мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*»[5]. Коммунистическая партия и Советское правительство строго следуют этому указанию В. И. Ленина. Русский язык играет огромную прогрессивную роль в жизни народов СССР, в развитии их языков. Он содействует обогащению, дальнейшему развитию их, оказывает на них благотворное влияние. Поэтому не может быть и речи о соперничестве русского языка с другими языками народов СССР, о вытеснении им последних. В нашей стране созданы все необходимые условия беспрепятственного развития всех национальных языков.

Советские языковеды, идя навстречу настойчивому желанию нерусского населения нашей страны, должны создавать научные, научно-популярные труды, учебники, учебные пособия, толковые и двуязычные словари, сопоставительные грамматики русского и национальных языков, которые способствовали бы коренному улучшению преподавания и изучения русского языка в национальных республиках и национальных округах. Трудящиеся национальных республик законно требуют от школы, от ученых-языковедов, чтобы они помогли им овладеть не диалектными вариациями русского языка, а богатым и могучим русским литературным языком.

Русский язык не только служит источником обогащения и развития языков советских народов. Он в свою очередь обогащается путем заимствования из языков народов СССР слов, отражающих специфические явления в их материальной и духовной культуре.

При рассмотрении вопроса о влиянии многочисленных языков народов СССР на функционирование русского литературного языка в националь-

[3] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 112.
[4] Там же, стр. 116.
[5] В. И. Ленин, Нужен ли обязательный государственный язык?, Соч., 4-е изд., 20, стр. 55.

ных республиках (как и в вопросе о взаимоотношениях русского литературного языка с его диалектами) необходимо выявить как положительные, так и отрицательные стороны этого явления. Положительным является, например, обогащение русского языка лексикой, отражающей различные особенности быта и культуры народов СССР. Однако в воздействии многочисленных языков советских народов на русский литературный язык в национальных республиках обнаруживаются и такие явления, против которых надо бороться таким же путем, как мы боремся с диалектными особенностями самого русского языка, нарушающими его нормативность и т. д. К числу таких явлений относятся, например, искажение качественных и количественных особенностей согласных и гласных фонем русского языка, неправильная постановка ударения, неправильное сочетание слов, нарушение стилистических и орфоэпических норм русского литературного языка и т. д. Недопустимо, к примеру, чтобы в национальных республиках возникали свои орфоэпические нормы русского литературного языка.

Следуя заветам Ленина, необходимо бороться за чистоту, нормативность и совершенство всех литературных языков народов СССР, за чистоту, нормативность русского литературного языка, являющегося не только национальным языком русского народа, но и языком национального общения, который как важнейшее средство общения и братского сотрудничества народов СССР принадлежит всем советским людям.

*

Как подчеркивается в новой Программе КПСС, главным в исследовательской работе в области общественных наук является «...изучение и теоретическое обобщение практики коммунистического строительства, исследование основных закономерностей экономического, политического и культурного развития социализма и перерастания его в коммунизм, разработка проблем коммунистического воспитания»[6].

В соответствии с этим из всего многообразия проблем науки о языке на первый план выдвигаются те, которые непосредственно связаны с теоретическими и практическими задачами развернутого строительства коммунизма в СССР, с изучением закономерностей развития и взаимодействия языков народов нашей страны в советскую эпоху. Важнейшей из них является комплексная проблема «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». Созданный при Академии наук СССР Научный совет по этой проблеме призван объединять, координировать и направлять усилия языковедов в разработке наиболее актуальных как теоретических, так и практических вопросов языкознания, связанных с изучением современного состояния, закономерностей и перспектив развития языков народов СССР.

Проблема развития национальных литературных языков — одна из важнейших и актуальных проблем советского языкознания. В развертывании процессов развития литературных языков с давней письменной традицией и младописьменных языков в советскую эпоху наблюдались общие и специфические закономерности.

Все литературные языки в советскую эпоху сильно расширили свои общественные функции в соответствии с развитием советского общества, широким развитием общественно-политической и научно-популярной литературы, прессы, максимальным расширением сети школ, вузов, просветительных учреждений, повышением общественного и культурного уровня всех слоев советского общества.

---

[6] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 127—128.

В то же время необходимо иметь в виду, что объем общественных функций разных языков неодинаков, это различие сохранится и в будущем. Не является секретом то, что общественные функции бесписьменных и некоторых младописьменных языков весьма ограничены. Однако отсюда не вытекает умаление роли и значения младописьменных языков в жизни их носителей в современную эпоху. Нельзя забывать того факта, что одним из важных средств взаимообщения подавляющего большинства младописьменных народов автономных республик, областей и национальных округов в быту, в повседневной жизни являются их родные языки. Эти языки призваны играть большую роль в развитии культуры их носителей, в усвоении ее достижений в советскую эпоху, в усвоении русской культуры и культуры других народов. Велика роль родного языка и при изучении русского языка. Эта роль будет повышаться по мере развития двуязычия у малых народов автономных республик, областей и национальных округов.

Вопрос о расширении или сужении тех или иных общественных функций письменных (литературных) языков полностью входит в компетенцию самих народов. Сами народы решают такие вопросы, исходя из конкретных специфических условий развития каждого народа, его кровных жизненных интересов. С учетом всего этого и следует развернуть всю лингвистическую работу по изучению закономерностей развития и взаимодействия языков народов СССР в нашу эпоху. Здесь недопустимо ни забегание вперед, ни попытки искусственного ускорения тех или иных процессов в развитии литературных языков. Во всей своей работе советские языковеды должны исходить из основных положений новой Программы КПСС и решений XXII съезда нашей партии.

Социологические проблемы науки о языке очень сложны. Они требуют всесторонней ориентации, учета самых различных факторов — политических, экономических, культурно-исторических, философских, литературоведческих, этнографических и т. д. Вопрос осложняется еще и тем, что не разработаны специальные методы исследования языка в социологическом плане. Тем не менее жизнь, советская действительность, развитие современного общества повелительно требуют, чтобы языковеды уделили должное внимание разработке социологических проблем языкознания, имеющих огромное теоретическое и практическое значение.

*

Остановимся на более специфических лингвистических вопросах, связанных с обобщением опыта проведенных исследований и характеристикой основной проблематики, подлежащей разработке.

Национальные литературные языки обогащаются прежде всего во взаимодействии. В этом отношении особенно благотворным является влияние русского литературного языка на развитие литературных языков всех народов СССР. Достаточно указать на то, что новые явления, связанные в той или иной мере с влиянием русского языка, обнаруживаются во всех языках народов Советского Союза. Такие факты мы находим прежде всего и главным образом в области лексики, а также в фонетике, синтаксисе и отчасти морфологии. Так, в литературных языках народов Средней Азии значительное количество новых научных и общественно-политических терминов заимствовано из русского языка и через его посредство — из других языков. Узбеки, казахи, киргизы, азербайджанцы и другие тюркские народы усвоили ряд русских звуков, ранее отсутствовавших в их языках, что свидетельствует о глубоких процессах воздействия русского языка на эти языки. В тюркских языках народов Средней Азии с проникновением русских и советско-интернациональных слов появились

новые типы слогов, изменяется природа ударения — наряду с фиксированным ударением на последнем слоге появилось разноместное ударение. Расширились словообразовательные возможности и появились новые словообразовательные модели, ранее отсутствовавшие в этих национальных языках. В них изменились типы синтаксических конструкций в сторону развития сложных конструкций, характерных для русского литературного языка. Количество примеров можно было бы значительно увеличить. Все это свидетельствует о сложных процессах взаимодействия языков народов СССР и особой роли русского языка в этих процессах.

Некоторые национальные языки в советскую эпоху развиваются, сохраняя нормы и диалектные основы литературных языков, существовавших и в дореволюционное время (например, русский, украинский и некоторые другие старописьменные языки). В то же время старые, сложившиеся в условиях феодальной раздробленности письменные языки, сильно отличавшиеся от разговорных языков широких народных масс, были заменены новыми литературными языками, в основу которых легли диалекты, отражавшие обычно живую разговорную речь подавляющего большинства данного народа (например, узбекский, туркменский и некоторые другие языки).

Формирование и бурное развитие младописьменных языков в советскую эпоху обеспечивалось благодаря осуществлению следующих мероприятий: 1) установление ведущего диалекта, исследование его основных особенностей и места в формировании младописьменных литературных языков; 2) разработка алфавитов; 3) установление орфографических норм, т. е. разработка правил орфографии и создание орфографических словарей; 4) развитие основных принципов терминологии и составление первичных терминологических словарей; 5) нормирование грамматической структуры, в основных чертах соответствующей нормам грамматики ведущего диалекта при использовании некоторых особенностей и других диалектов данного языка; 6) нормирование лексики путем составления национально-русских, русско-национальных и толковых национальных словарей, в которых устанавливается не только состав лексики, но и определяются нормы ее употребления; 7) унификация произношения и разработка орфоэпических норм литературного разговорного языка.

Сложные процессы формирования и развития различных литературных (письменных) языков народов СССР нуждаются в углубленном исследовании. При исследовании литературных языков особое внимание должно быть обращено на разработку следующих проблем: 1) теоретические и исторические вопросы возникновения и развития литературных языков в СССР; 2) основные вопросы взаимодействия литературного языка, общенародного разговорного языка и диалекта в социалистическом обществе; 3) закономерности развития отдельных литературных языков в советскую эпоху; 4) проблема развития, расширения общественных функций различных литературных языков; 5) основные принципы разработки описательной грамматики современных литературных языков; 6) создание описательной грамматики, лексикологии нового типа, учитывающей основные особенности формирования, современного состояния и пути дальнейшего развития литературного языка; 7) создание сопоставительной грамматики, фонетики, лексикологии русского и национального языков. Сопоставительное изучение разносистемных языков в наше время практикуется широко как в теоретических, так и в практических целях. Однако существующие сопоставительные работы далеко еще не отвечают предъявляемым к ним требованиям. Объясняется это тем, что еще не разработаны приемлемые для лингвистических и педагогических целей принципы и методика сопоставительного изучения структур родственных и неродст-

венных языков. Необходимо предусмотреть в планах научных учреждений исследования, посвященные этим вопросам.

Большего внимания заслуживает и проблема стилистики, представляющая собой широкое поле совместной деятельности для языковедов и литературоведов. Подавляющее большинство литературных языков народов СССР впервые в советскую эпоху подверглось стилистической дифференциации. Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» принимает меры, чтобы организовать надлежащую работу по разработке проблемы стилистики литературных языков и особенно языков художественной литературы. За последнее время в этой области созданы капитальные труды, выдвинуто значительное количество новых проблем и тем, важнейшими из которых являются: 1) стилистика русского языка; 2) стилистика национального литературного языка; 3) вопросы изучения языка художественной литературы; 4) о стиле писателя; 5) стиль языка и стиль речи; 6) проблемы перевода с одного языка на другой; 7) сопоставительная стилистика русского и национальных языков и др.

*

Проблема взаимодействия языков относится к числу наиболее сложных и важных проблем языкознания. В разные исторические эпохи процессы взаимодействия языков, обусловленные социальными причинами, происходили по-разному. Языки народов Советского Союза дают наиболее разительные примеры взаимодействия в самых разнообразных лингвистических условиях. В этой связи следует отметить исключительное значение в условиях многонационального Советского государства проблемы двуязычия. Поэтому изучению типов двуязычия в СССР, особенно двуязычия, где вторым языком служит русский язык — язык межнационального общения народов Советского Союза,— должно быть уделено особое внимание.

При разработке проблемы взаимодействия языков в центре внимания советских языковедов должны стоять: 1) наиболее характерные для советской эпохи процессы взаимодействия языков народов СССР в разных условиях и результаты этих процессов; 2) основные пути, направления дальнейшего развертывания процесса взаимодействия языков советских народов. При разработке весьма важной проблемы взаимодействия языков необходимо, исходя из анализа конкретного языкового материала и конкретных условий взаимодействия языков, выяснить: 1) к каким лингвистическим последствиям приводят различные социальные причины при взаимодействии языков; 2) какова роль различных социальных факторов в разные исторические эпохи в развитии процессов взаимодействия языков; как конкретно протекают процессы взаимодействия в различных языках в разных социальных, исторических условиях.

Трудно дать исчерпывающий анализ всех возможных форм (типов) взаимодействия языков в СССР. Отметим из них наиболее важные и распространенные, находящиеся в прямой зависимости от исторических, социальных (в широком смысле), лингвистических, этнических и прочих условий, в которых протекают указанные процессы: 1) типы взаимодействия языков, определяемые характером контактирования между носителями взаимодействующих языков (так называемые маргинальные и внутрирегиональные контактирования и их разновидности); 2) разновидности взаимодействия языков, характеризуемые языковой формой взаимообщения их носителей (литературный язык, диалект, разговорный язык и др.); 3) разновидности, определяемые средой, в которой происходят процессы взаимодействия языков (среди сельского и городского населе-

ния, колхозников, рабочих, интеллигенции и т. д.); 4) разновидности взаимодействия родственных языков: контактирование близкородственных языков, их диалектов, языков более отдаленного родства (например, взаимодействие диалектов русского, украинского и белорусского языков; русского и иранских языков; взаимодействие русского и балтийских — латышского, литовского языков; взаимодействие русского и молдавского языков и т. д.); 5) разновидности взаимодействия неродственных языков (славянских и тюркских, иберийско-кавказских и тюркских, финно-угорских и тюркских и т. д.). Здесь следует учитывать наличие большего или меньшего количества типологических схождений и расхождений между взаимодействующими языками; 6) при определении типов взаимодействия языков народов СССР необходимо также учитывать характер политических, экономических, культурных взаимоотношений между носителями взаимодействующих языков; 7) существенное значение для определения форм, типов взаимодействия языков, характера протекания этих процессов имеют также особенности культурного развития взаимодействующих народов, их численность, наличие или отсутствие древних письменных традиций, наличие или отсутствие письменности; 8) общественные функции, выполняемые каждым из взаимодействующих языков, характеризуют не только роль каждого языка в жизни общества, но и темпы, интенсивность, масштабы, сферы взаимодействия языков.

Процессы заимствования лексических и иных элементов, способствующие дальнейшему развитию и обогащению заимствующих языков, являются специфическими чертами развития подавляющего большинства литературных (письменных) языков народов СССР в советскую эпоху. Лексика является основной сферой действия процессов заимствования рассматриваемого типа.

Взаимодействие языков в различных районах СССР имеет некоторые общие и специфические черты, обусловленные общностью исторических судеб соответствующих народов, особенностями их политического, экономического и культурного развития, историческими связями между ними. В СССР существуют три основных типа взаимодействия языков: 1) взаимодействие русского языка и литературных языков народов СССР; 2) взаимодействие литературных языков народов СССР с местными диалектами; 3) взаимодействие местных диалектов различных языков народов СССР в областях со смешанным национальным составом.

В связи с рассмотрением проблемы взаимодействия языков следует указать на то, что нет таких общих, единых закономерностей развития и взаимодействия многочисленных и разнообразных языков народов СССР, которые позволили бы говорить о возможности их слияния путем возникновения единой фонетики, единой морфологии и единого синтаксиса. Подвергнутая критике теория «слияния языков» И. В. Сталина находилась в прямом противоречии с процессами, происходящими в языках народов СССР. Вопрос о смешении и скрещивании языков в брошюре И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» представлен весьма упрощенно. Имеется серьезное противоречие в самой постановке вопроса о скрещивании языков: невозможность скрещивания языков И. В. Сталин объяснял устойчивостью грамматического строя и основного словарного фонда, но тем не менее он считал неизбежным слияние национальных языков в один общий международный язык в эпоху после победы социализма во всемирном масштабе, как будто в эту эпоху грамматический строй и основной словарный фонд языка перестают быть устойчивыми. Явления смешения и скрещивания языков в действительности представляют собой частные случаи более общих процессов взаимодействия и взаимовлияния языков, воздействия одного языка на другой. В одних случаях процессы взаимо-

действия языков ведут к обогащению взаимодействующих языков, в других — к языковой смене, в третьих — к глубокому взаимопроникновению элементов взаимодействующих языков и т. д.

С проблемой взаимодействия языков связан, как уже отмечалось выше, и вопрос о двуязычии (билингвизме). Двуязычие можно изучать в разных аспектах — собственно лингвистическом, психологическом, социологическом и т. д. Несмотря на всю важность изучения двуязычия в плане собственно лингвистическом и психологическом (именно в этом плане, в основном, изучаются языковые контакты в зарубежном языкознании) для советских языковедов, исходящих из практических нужд нашей страны, важнейшим является социологический аспект исследования типов двуязычия в СССР. В тех же случаях, когда ставится вопрос об усовершенствовании знания двух языков, на первый план будет выступать социолого-лингвистический аспект исследования двуязычия.

Двуязычие, как это вытекает из самого термина, предполагает знание как родного, так и второго, чаще всего — русского языка. Это жизненно необходимо для народов такого многонационального государства, каким является Советский Союз. Из развития двуязычия вовсе не следует вытеснение одного языка другим, напротив, двуязычие способствует более глубокому знанию и родного языка, и общего языка межнационального общения.

С уважением относясь к национальным чувствам, традициям, особенностям, партия будет «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения»[7]. В. И. Ленин указывал, что «...национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе...»[8]. В полном соответствии с этим указанием В.И. Ленина в новой Программе КПСС подчеркивается: «С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий,— значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней.

Все вопросы национальных взаимоотношений, встающие в ходе коммунистического строительства, партия решает с позиций пролетарского интернационализма, на основе неуклонного проведения ленинской национальной политики. Партия не допускает ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей»[9].

На всех этапах развития Советского государства Коммунистическая партия ставила и решала проблему языка, полностью учитывая всю ее специфику, всю сложность ее постановки и решения в многонациональном государстве.

Перед советскими языковедами стоит задача всестороннего освещения опыта языкового строительства, языковой политики СССР. Отражение и обобщение этого опыта в нашей лингвистической литературе нельзя

---

[7] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 115.

[8] В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., 4-е изд., 31, стр. 72.

[9] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 113.

признать удовлетворительным. Организацию научных исследований, в которых будут освещены основные вопросы создания письменности, разработки литературных языков, использования последних в просвещении широких народных масс, в развитии их культур в эпоху строительства социализма и коммунизма, призван осуществить Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций».

Задачи Научного совета, конечно, не ограничиваются разработкой перечисленных проблем. По мере развертывания работы должны быть выдвинуты и новые актуальные проблемы и темы. Научный совет должен оказывать большую помощь лингвистическим учреждениям национальных республик в их теоретической и практической работе, а также высшим учебным заведениям и школам. Разумеется, исследование языков народов СССР должно быть организовано не только в аспекте задач разработки комплексной проблемы «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». Предстоит большая работа по изучению языков народов СССР в историческом, сравнительно-историческом, типологическом, историко-типологическом плане, в плане разработки проблем общего языкознания и применения новых методов в языкознании и т. д. Исследования языков народов СССР особенно большой интерес представляют в плане разработки той проблематики, которая была выдвинута в докладе Л. Ф. Ильичева «Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы общественных наук», прочитанном на Общем собрании Академии наук СССР 19—20 октября 1962 г.

Решение одной из важнейших задач советского языкознания — всестороннего изучения и осмысления закономерностей развития национальных языков, их взаимодействия и взаимосвязи в соответствии с развитием социалистических наций СССР, взаимодействия и взаимосвязи национальных языков с русским языком, усиления международного значения русского языка — явится реальным вкладом советской науки о языке в развитие культуры советского народа — строителя коммунистического общества.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Д. АНДРЕЕВ и Л. Р. ЗИНДЕР

О ПОНЯТИЯХ РЕЧЕВОГО АКТА, РЕЧИ, РЕЧЕВОЙ ВЕРОЯТНОСТИ И ЯЗЫКА

Противопоставление языка и речи является одной из основных особенностей, отличающих современное языковедение. Тем не менее вопрос о сущности этого противопоставления нельзя считать бесспорным и ясным не только в деталях, но и в общих чертах. Первоначальная концепция Ф. де Соссюра понимается в наши дни различными языковедами по-разному и во многих случаях, по-видимому, совсем не так, как это представлял себе сам автор концепции. Поэтому, хотя точка зрения Соссюра считается общеизвестной и всем понятной, полезно остановиться на ней еще раз и выяснить, что же в действительности было им сказано.

Несмотря на то, что Соссюр употреблял три термина: язык (langue), речь (parole) и речевая деятельность (langage),— противопоставление понятий было у него по существу двучленным, а именно — язык противопоставлялся речи, тогда как третий член (речевая деятельность) был охарактеризован им столь неотчетливо, что его место и отношение к первым двум остались фактически нераскрытыми. «Взятая в целом,— пишет Соссюр,— речевая деятельность многоформенна и разносистемна; вторгаясь в несколько областей, в области физики, физиологии и психики, она, кроме того, относится и к индивидуальной, и к социальной сфере; ее нельзя отнести ни к одной из категорий явлений человеческой жизни, так как она сама по себе не представляет ничего единого»[1]. В речевой деятельности Соссюр различает две стороны: социальную — язык, представляющий собой систему знаков, существующую «в силу своего рода договора», и индивидуальную — речь, определяемую как «индивидуальный акт воли и понимания, в котором надлежит различать: 1) комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом с целью выражения своей личной мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации»[2].

Из приведенных выдержек явствует, что Соссюр противополагает язык процессу говорения — понимания, а речевая деятельность оказывается чем-то вроде объединения языка с процессом его функционирования. Именно поэтому мысль Соссюра о существовании речевой деятельности как понятия, отличного и от речи и от языка, не получила дальнейшего развития в лингвистике. Правда, Л. В. Щерба употреблял термин «речевая деятельность», но вкладывал в него не соссюровское, а собственное понимание, фактически используя его в значении соссюровского «parole».

Смысл теории Щербы заключается, однако, не в этом терминологическом сдвиге, а в том, что он заменил соссюровское двоичное противопоставление троичным, вычленив понятие языкового материала (текста) и соот-

[1] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 34—35.
[2] Там же, стр. 38.

неся его, во-первых, с языком, во-вторых, с процессом говорения — понимания. Под языковым материалом Щерба имел в виду «не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы»[3]. По Щербе, язык (словарь и грамматика) связан с языковым материалом как организующая его система.

В настоящее время наибольшее распространение получило такое толкование речи, при котором щербовское понятие языкового материала объединяется с понятием процесса говорения — понимания. Вместе с тем не только необходимо различать эти термины и отличать от них понятие языка, но и дополнить эту триаду новым понятием — «речевая вероятность».

Для полной ясности предлагаемой нами концепции нужно представить всю картину того, что имеют обычно в виду, когда говорят о языке. Прежде всего это, разумеется, самый процесс говорения (письма) и понимания, а затем и тексты, будь то книги, рукописи, надписи на различных предметах или записи на граммофонных пластинках, магнитофонной ленте и т. п. Во всех этих случаях мы имеем дело с двумя связанными, но тем не менее принципиально различными явлениями: с одной стороны, с двусторонним речевым актом говорения и понимания, с другой — с речью, т. е. с говоримым (написанным) и воспринимаемым текстом.

При непосредственном устном общении наличие речевого акта очевидно, но самостоятельность существования речи, участвующей в этом акте, осознается не всеми. Это объясняется тем, что в данном случае речь выступает в форме акустических колебаний, имеющих весьма кратковременное существование. В других ситуациях — при чтении текстов или при слушании звуковых записей — наличие речи не может вызвать никаких сомнений, но не очевидна двусторонность речевого акта: упускается из виду, что речь, воспринимаемая сейчас, когда-то была написана или наговорена. Эта неочевидность находит свое объяснение в том, что текст (запись) предстает перед воспринимающим в уже готовой и рассчитанной на долгое хранение форме, причем источник и условия создания текста могут быть даже и неизвестны.

В устном общении фаза понимания почти синхронна с фазой говорения, и обе они практически совпадают со временем существования речи. При любых же формах записи текста время, расходуемое на создание текста, и время, нужное для его восприятия, оказываются, как правило, неизмеримо меньше, чем время существования речи (например, надписи в древнеегипетских пирамидах).

Кроме сказанного, различие между двумя формами речевого общения — непосредственной и опирающейся на фиксированную речь — усугубляется еще и тем, что в последнем случае один и тот же текст может быть многократно использован для восприятия различными людьми и в разное время[4].

Итак, необходимость различать процесс говорения и понимания, который мы предлагаем называть речевым актом (по Щербе — «речевая деятельность»), и созданные в этом процессе тексты, которые мы предлагаем называть речью (по Щербе — «языковой материал»), едва ли может оспариваться. Речевой акт и речь (тексты) только и даны непосредственно нашему наблюдению. Нетрудно увидеть, что ни тот, ни другая, ни оба

---

[3] Л. В. Щерба, О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв.», М., 1956, стр. 254.

[4] В дальнейшем мы для простоты не оговариваем каждый раз различие между устной и письменной формой речи.

вместе не тождественны языку. Более того, как уже было сказано, этим двум явлениям противопоставлены не только язык, но и речевая вероятность в терминологическом понимании этих слов.

Обратимся сначала к выяснению понятия языка в его противопоставлении понятию речи. На речевом акте здесь останавливаться нет необходимости, так как он связан с языком через порождаемые в процессе говорения — понимания тексты, т. е. речь. Это достаточно очевидно и не требует особых объяснений.

Для простоты изберем в качестве объекта не национальный язык в целом, а подъязык какого-нибудь писателя, скажем Пушкина. Исследовав все произведения Пушкина, т. е. все созданные им тексты, мы можем составить перечень всех встречающихся в них слов, т. е. словарь Пушкина. (Такой перечень и содержится в «Словаре языка Пушкина», изданном АН.) Разложив затем каждую встретившуюся в пушкинских текстах словоформу на морфемы, мы можем составить перечень всех наличных там морфем. Выделив те из них, которые служат для выражения грамматических отношений, мы получим инвентарь грамматических морфем, употребленных Пушкиным. Дальнейший анализ произведений Пушкина даст нам набор грамматических категорий, встречающихся в них, парадигм словоизменения, обусловленных этими категориями, перечень частей речи и членов предложения, набор синтаксических конструкций, наконец — перечень фонем, типов ударения и т. п. Совершенно очевидно, что совокупность перечней всех этих разнородных единиц отвлечена от речи, но не есть сама речь. Равным образом ошибочно было бы думать, что сумма подобных перечней исчерпывает то, что следует назвать языком (в нашем примере лучше сказать подъязыком Пушкина), хотя они и являются частью этого понятия.

Язык — не просто сумма перечней языковых единиц. Во-первых, в каждом из этих перечней наблюдаются связи между элементами, определяющие его внутреннюю организацию, так что элементы и связи между ними представляют собой не просто неупорядоченный набор, а некую обладающую внутренней организацией систему. Во-вторых, самый состав элементов определяется в языке не только их свойствами, но и отношениями между ними. Когда мы говорим, что в русском языке шесть гласных, то при этом имеется в виду шесть единиц, словоразличительно противопоставленных друг другу: *а* в слове *пять* противопоставлено *е* в слове *петь*, поскольку эти слова воспринимаются как разные только за счет различия между *а* и *е* (*p'* и *t'* в данном случае звучат практически одинаково в обоих словах). Несмотря на то, что *а* в слове *пять* звучит непохоже на *а* в слове *пат* — во всяком случае не более похоже, чем на гласный в слове *петь*,— эти два *а* не составляют двух разных единиц языка. Различение *пять* и *пат* осуществляется благодаря противопоставлению твердых и мягких согласных, а не за счет качества гласного. Таким образом, три разных звучания (*е* в *петь*, *а* в *пять*, *а* в *пат*) образуют только две единицы языка. Это обусловлено теми связями и отношениями, которые существуют в системе языка, т. е. наличием противопоставления *е* первому и второму *а*, и отсутствием такого же по характеру противопоставления между a_1 и a_2. Итак, можно сказать, что и сами свойства элементов в известной мере зависят от отношений между элементами.

В свою очередь не только языковые единицы, но и перечни этих единиц вступают в определенные взаимоотношения, образуя более сложные системы, также имеющие свою внутреннюю организацию, которая делает их не равной простой сумме таких перечней. В русском языке существует три времени (прошедшее, настоящее, будущее) и два вида (совершенный, несовершенный). Если бы вид и время не образовывали, взаимодействуя,

своеобразную систему с собственной внутренней организацией, то каждое из времен выступало бы в двух видах, что дало бы шесть видо-временных комбинаций. Известно, однако, что формы настоящего времени совершенного вида отсутствуют в русском языке и, следовательно, его видо-временная система содержит только пять сочетаний вместо шести. Здесь ясно видно, что система из двух перечней обладает собственными свойствами, которые не полностью определяются свойствами вошедших в нее перечней.

Описанная выше система конститутивных элементов языка является необходимой для организации текста, но одной этой системой речь еще не порождается. Должен существовать определенный порядок элементов в их предшествовании и следовании при вхождении в текст, т. е. алгоритм[5] синтеза текста. Точно так же должен существовать алгоритм анализа текста, т. е. раскрытия его структуры. Оба эти алгоритма, вместе с описанной выше совокупностью всех единиц и систем единиц, перечней и систем перечней, данных в их противопоставлениях и в их связях, образуют то, что следует называть языком. Разумеется, сама статическая система элементов и алгоритм развертывания их в речь не представляют собой одного и того же. Их, однако, целесообразно объединять под общим понятием языка, поскольку оба эти аспекта в равной мере необходимы для возникновения текста.

Таким образом, язык есть абстракция, которая, в отличие от речевого акта и речи, не дана нам в непосредственном наблюдении. Однако язык — не единственное отвлечение от речи. Дело в том, что не все, данное в речи, может быть выведено непосредственно из свойства языка. Тем фактом, что из 41 фонемы русского языка 6, т. е. 14%, являются гласными, никоим образом не объясняется другой факт, а именно, что эти же шесть гласных составляют 42% звуков в русских текстах. Интересно при этом отметить, что хотя в английском языке не 6, а 20 гласных (из общего числа 44 фонем), доля их в английской речи даже несколько меньше, чем в русской, и составляет 39%. Сходную ситуацию мы наблюдаем в немецком языке с его 17 гласными из 40 фонем при 38% текста, занятых ими. Аналогичным образом число союзов в русском языке измеряется всего несколькими десятками (около 50), что дает сотые доли процента при общем объеме словаря русского языка порядка двухсот тысяч слов. Тем не менее, подсчитав союзы на нескольких первых попавшихся страницах, мы среди приблизительно трех сотен словоформ на страницу обнаружим в среднем от одного до двух десятков союзов, что составит уже несколько процентов от общего количества словоформ на странице.

Если обратиться к парадигмам русского словоизменения, то шесть падежей представляются равноправными в системе языка. Поведение же их в синтагматике речи свидетельствует о том, что здесь между ними нет никакого равноправия: именительный и родительный встречаются в несколько раз чаще творительного и во много раз чаще дательного падежа. Рассмотрение подобного рода фактов, заимствованных из речи, свидетельствует о том, что некоторые ее характеристики, притом далеко не маловажные, не могут быть выведены из системы языка. Мы приходим таким путем к существованию еще и другого отвлечения от речи, которое уместно назвать р е ч е в о й в е р о я т н о с т ь ю.

Система речевой вероятности в таком понимании есть совокупность относительных количественных характеристик, описывающих численные соотношения между элементами (или группами элементов) в некотором массиве текстов. Можно сказать, что речевая вероятность определяет

[5] Под алгоритмом здесь и далее понимается детерминированная последовательность правил, предназначенная для решения массовой задачи.

статистическую структуру текстов, тогда как язык характеризуется их теоретико-множественной структурой и алгоритмами их порождения и распознавания.

Таким образом, целесообразно различать четыре понятия: речевой акт, речь, речевая вероятность и язык. Между первыми двумя и вторыми имеется существенное различие, выявляющееся при развертывании их в некоторые последовательности. Первые два органически линейны: речевой акт протекает во времени (и при устной, и при письменной форме его реализации), речь, т. е. текст, существует как последовательность, линейно соответствующая речевому акту (совокупности речевых актов). В отличие от этого система речевых вероятностей и язык существуют не в виде какой-либо линейной последовательности, а в форме иерархически организованной, по существу многомерной структуры.

Возвращаясь к концепции Ф. де Соссюра, следует напомнить, что он противопоставлял речи язык как индивидуальному социальное. Этот тезис имеет широкое признание в современном зарубежном языковедении, многие представители которого считают, что процессы, связанные с говорением и пониманием, являются предметом естествознания, а не лингвистики. Такая точка зрения не отвечает объективному положению вещей. Уже речевой акт, будучи двусторонним по своей природе, поскольку он предполагает не только говорение, но и понимание, не является абсолютно индивидуальным. Это стремился показать в указанной выше статье Л. В. Щерба, который одной из задач ставил себе опровержение рассматриваемого соссюровского тезиса. Он писал: «Но само собой разумеется, что сама эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом»[6]. И далее: «...понимание ...может начинаться лишь с того, что два человека с одинаковым социальным прошлым, естественно или искусственно (научно) созданным, будучи поставлены в одинаковые условия деятельности и момента, возымеют одну и ту же мысль»[7]. С этими словами Щербы нельзя не согласиться.

Социальный момент обнаруживается менее всего в самом процессе произнесения и процессе понимания, которые протекают целиком в индивидууме; что же касается способности к говорению, то она всецело обязана социальной природе человека: только в обществе, воспринимая говоримое и стремясь повторить то, что он слышит от других, ребенок учится пользоваться своими произносительными органами для общения. Известно, что дети, унесенные в джунгли и вскормленные дикими зверями, не только не владеют способностью говорить, но и с большим трудом поддаются обучению речи, хотя их органы чувств и произносительные органы остаются вполне нормальными. В то же время даже слепоглухонемые от рождения, живущие в человеческой среде, могут путем специального воспитания научиться говорить и понимать, несмотря на то, что они лишены не только тех органов чувств, которые участвуют в речевом акте, но и зрения.

В речи социальный аспект обнаруживается с еще большей очевидностью, несмотря на то, что речь, относящаяся к тому или иному национальному языку, формируется лишь как сумма сказанного и написанного отдельными представителями этого коллектива. Однако даже в текстах, созданных отдельными носителями языка, социальное доминирует над индивидуальным. Во-первых, то общее, что присутствует в речи любого говорящего (слова, грамматические средства, фонемы), является уже

[6] Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 253.
[7] Там же, стр. 254.

в силу универсальности употребления не индивидуальным; во-вторых, то частное, что отличает людей, живущих разной жизнью, говорящих подчас об очень непохожих вещах и создающих поэтому весьма различные тексты, также имеет социальную обусловленность. Тексты, создаваемые повседневно юристом *А* и металлургом *Б*, могут существенно различаться, но это различие имеет вполне общественную природу: аналогичные расхождения обнаруживаются в той или иной степени между речью всякого юриста и всякого металлурга.

Подавляющее большинство тех элементов, которые содержатся в индивидуальной речи, заимствовано из ранее накопленного носителями языка. Лишь очень немногое создается говорящими заново. Это — отдельные слова или образные обороты, но и в данном случае новое строится не на пустом месте, а в определенной связи с уже существующими и созданными коллективом моделями. В той мере, в какой можно говорить о влиянии жизненной обстановки на формирование речи, объясняется и специфика индивидуального аспекта речевой вероятности. Может показаться, что именно статистические характеристики являются теми признаками, которые определены индивидуальными особенностями говорящего или пишущего. Известно, что статистический метод давно стал излюбленным средством исследования стиля автора. В этой связи небезынтересно процитировать А. А. Маркова-старшего, который в рецензии на статью шлиссельбуржца Н. А. Морозова о лингвистических спектрах писал: «Только значительное расширение поля исследования (подсчет не 5 тысяч, а сотен тысяч знаков) может придать заключениям некоторую степень основательности, если только границы итогов различных писателей окажутся резко отделенными, а не обнаружится другое весьма вероятное обстоятельство, что итоги всех писателей будут колебаться около среднего числа, подчиняясь общим законам языка»[8].

Переводя высказывание Маркова на предлагаемую нами терминологию, мы скажем, что за вариабельностью индивидуальных аспектов речевой вероятности скрываются статистические закономерности, общие всем носителям языка. Это общее и образует социально обусловленный аспект любой индивидуальной системы речевых вероятностей.

Социальный характер языка не оспаривается никем, и едва ли есть основания возражать против этого положения; однако не социальным характером определяется его отличие от других рассматриваемых явлений: и в языке можно увидеть некий индивидуальный аспект. Нельзя обнаружить что-либо индивидуальное в системе фонем или грамматических категорий у представителя данного языкового коллектива, но выбор слов, а также синтаксических средств вполне индивидуализованы: нет двух писателей, чьи словари и обороты были бы тождественны. Столь же важным является то обстоятельство, что новые слова всегда есть результат индивидуального творчества. Все же удельный вес индивидуального столь незначителен в языке, что ни в коей степени не колеблет его социальную природу.

Из рассмотрения вопроса об индивидуальном и социальном в языке становится очевидным, что, строго говоря, нет таких аспектов языка, речевой вероятности, речи, речевого акта, которые не были бы в той или иной степени социально обусловленными. Причину этого легко понять, если обратиться к развитию языка и системы речевых вероятностей у индивидуума. Овладение языком начинается у ребенка с того, что он слышит, а потом и осознает обращения к нему окружающих его людей. Когда после многих неудач ребенку удается, повторяя как-то элементы услы-

[8] А. А. Марков, Об одном применении статистического метода, «Изв. имп. Акад. наук», 1916, 6-я серия, X, 4, стр. 242.

шанного, добиться того, что понимают его желание, мы имеем дело с его первыми речевыми актами. Именно сквозь призму этого первого общения ребенок начинает уже сознательно воспринимать то, что доступно ему в речи, звучащей вокруг него.

На основе этой речи идет одновременное и параллельное усвоение языка и речевой вероятности — хотя и в разном темпе: прежде всего ребенок овладевает некоторым запасом элементов языка и его основными структурными закономерностями. Вероятностные же отношения воспринимаются гораздо медленнее и в силу их самой природы — с меньшей точностью. Только через длительное общение с рядом людей юный носитель языка научается создавать речевой материал с такой статистической структурой, что окружающие перестают его поправлять. Это означает, что его индивидуальная система речевых вероятностей пришла в должное соответствие с национальной системой.

Таким образом, онтогенетический анализ позволяет сделать вывод, что закономерности языка, представляющего собой преимущественно теоретико-множественное отвлечение от речи, проще и поэтому доступнее для овладения, чем закономерности, представляющие собой вероятностное отвлечение от речи. Отсюда и лингвистика речи неизмеримо сложнее, чем лингвистика языка.

Несмотря на различия, существующие между явлениями речевого акта, речи, речевой вероятности и языка, все они тесно связаны между собой и поэтому все составляют предмет одной единой науки — языковедения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

Р. РУЖИЧКА

О ТРАНСФОРМАЦИОННОМ ОПИСАНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. Известно, что трансформационная грамматика до сих пор не применялась для анализа многих синтаксических конструкций сложного состава. Между тем область применения трансформационной модели синтаксиса современного русского литературного языка станет значительно шире при охвате так называемых безличных предложений.

2. При трансформационном описании безличных предложений замкнутый комплекс их, как они предстают в синтаксических изложениях и в грамматиках, исчезает; более или менее единый разряд безличных предложений распределяется по разным разделам трансформационного описания или порождающей грамматики.

3. Здесь будут рассмотрены три главных типа безличных предложений: а) предложения, которые по традиции можно было бы назвать глагольными безличными предложениями (исключая инфинитивные); б) именные безличные предложения, содержащие связку и имя прилагательное; в) безличные предложения со словами так называемой категории состояния (*нельзя*, *надо*, *жаль* и т. д.).

4. 1. Исходным принципом трансформационного описания является выяснение того, можно ли возвести безличные предложения к ядерному или неядерному небезличному предложению. Если это окажется возможным и целесообразным, данное безличное предложение следует рассматривать как трансформ небезличного предложения с определенной трансформационной историей, т. е. оно может быть и трансформом трансформа ядерного или неядерного предложения или ядерных или неядерных предложений. При этом, очевидно, нужно включить в трансформационную модель и указания на очередность применения трансформационных правил в отношении других структур, а именно: а) должна ли трансформация с оператором безличности предшествовать другим определенным трансформациям (например, должна ли она предшествовать трансформации с оператором пассива); б) если трансформация, превращающая предложение в безличное предложение, занимает не первое место, то какими могут или должны быть предшествующие трансформации. Оба вопроса, конечно, связаны между собой. При этом если трансформационная модель связана, как обычно, с моделью непосредственно составляющих, то возможность применения трансформации безличности в определенных случаях ставится в зависимость от структуры непосредственно составляющих, т. е. определенного способа распространения исходного предложения.

4. 2. При невозможности или нецелесообразности рассмотрения данного безличного предложения как трансформа небезличного нужно допустить наличие безличных я д е р н ы х предложений. В модель непосредст-

венно составляющих потребовалось бы ввести, кроме первоначального правила перекодирования *Прд*→*Фи* + *Фг*[1], также и правило *Прд*→ *Фг*.

5. 1. Обратимся к анализу глагольных безличных предложений. Под таким предложением здесь подразумевается предложение с *Фг*, ядро которой имеет форму:

$$(1)\quad X + \left\{\begin{array}{ll} \text{непрош. время} & + Лц_3 + \text{ед. ч. } (+\ быть + \text{инфинитив}) \\ \text{прош. время} & + \text{ср. род} \\ будет & + \text{пасс. прич. прош. вр.} + \text{ср. род} \\ было & + \ » \quad » \quad » \quad » \quad » \quad » \quad » \\ \phi & + \ » \quad » \quad » \quad » \quad » \quad » \quad » \end{array}\right\} + \left\{\begin{array}{l} + Гкл'(+ся) \\ \\ + Гкл'' \\ \\ \end{array}\right\} + Y$$

Обязательным условием является отсутствие $Фи_1$ (номинативной группы в им. падеже); иными словами, ни X, ни Y не могут быть номинативной группой, ядром которой является имя в им. падеже. Глагольные формы 3-го лица ед. числа непрошедшего времени и среднего рода прошедшего времени, как известно, не сигнализируют о согласуемости.

5. 2. Значительная часть так называемых безличных предложений входит в основные трансформы операций отрицания, т. е. безличное предложение является результатом трансформации отрицания:

Ответ из полка пришел $\xrightarrow{T'}$ *Ответ из полка не пришел*
$\xrightarrow{T''}$ *Ответа из полка не пришло*

Документы сохранились $\xrightarrow{T'}$ *Документы не сохранились*
$\xrightarrow{T''}$ *Документов не сохранилось*

Так как фразы типа * *Ответа из полка пришло* и **Документов сохранилось* являются неотмеченными, трансформацию безличности можно рассматривать как разновидность трансформации отрицания.

$$(2)\quad Фи'_1 + X + \left\{\begin{array}{l}\text{непрош. вр.} + Лц \\ \text{прош. вр.} + \text{род}\end{array}\right\} + \left\{\begin{array}{l} Гкл' \\ Гкл'' + ся \end{array}\right\} + Y \to Фи'_2 + X + не \left\{\begin{array}{l}\text{непрош. вр.} \\ \text{прош. вр.}\end{array}\right.$$

$$\left.\begin{array}{l} + Лц_3 + \text{ед. ч.} \\ + \text{ср. род} \end{array}\right\} + \left\{\begin{array}{l} Гкл' \\ Гкл'' + ся \end{array}\right\} + Y$$

В формуле (2) специально отмечаются глаголы с суффиксом *-ся*, так как они принимают особое участие в трансформации отрицания, имплицирующей безличность. Исходные предложения, содержащие глагол

---

[1] Принимаются следующие обозначения: *Прд* — предложение; *Фи* — номинативная фраза или группа; $Фи_1$ — номинативная фраза в им. падеже; $Фи_2$ — номинативная группа в род. падеже; $Фи_3$ — номинативная группа в дат. падеже; аналогично $Фи_4$, $Фи_5$ и $Фи_6$, $Фи_i$ — номинативная группа в любом падеже; *Фг* — глагольная фраза или группа; *Г* — глагол; *Гкл* — глагол определенного семантического класса; *Лц* — морфема лица ($Лц_3$ — морфема 3-го лица): (ср.) род — морфема (среднего) рода; ед. ч.— морфема ед. числа; мн. ч.— морфема мн. числа; пасс. прич. прош. вр.— морфема пассивного причастия прошедшего времени· ϕ — нулевая морфема (связки или вспомогательного глагола).

с суффиксом *-ся*, являются трансформами разных трансформаций:

Мы встретили знакомые слова $\xrightarrow{T'}$ *Знакомые слова встретились нам*
$\xrightarrow{T''}$ *Знакомые слова не встретились нам*
Они предвидели препятствия $\xrightarrow{T''}$ *Знакомых слов не встретилось*
$\xrightarrow{T'}$ *Препятствия предвиделись ими*
$\xrightarrow{T'}$ *(Такие) препятствия не предвиделись ими*
$\xrightarrow{T''}$ *Препятствий не предвиделось*

Однако имеются и такие предложения, содержащие глагол с суффиксом *-ся*, которые нельзя возвести к ядерным предложениям:

(Впереди) виднелись огоньки $\xrightarrow{T''}$ *(Впереди) не виднелось огоньков*

В основе безличной разновидности трансформации отрицания (T'') могут лежать предложения с пассивным причастием:

Деформации обнаружены $\xrightarrow{T'}$ *Деформации не обнаружены*
$\xrightarrow{T''}$ *Деформаций не обнаружено*

$$\overset{(3)}{Фи_1} + \begin{Bmatrix} \text{род} \\ \text{мн. число} \\ Лц \end{Bmatrix} + \begin{Bmatrix} \emptyset \\ \text{был-} \\ \text{буд-} \end{Bmatrix} + \text{пасс. прич. прош. вр.} + \Gamma \xrightarrow{T''} Фи_2 + не + \begin{Bmatrix} \emptyset \\ \text{было} \\ \text{будет} \end{Bmatrix} +$$
$$+ \text{ср. род} + \text{пасс. прич. прош. вр.} + \Gamma^2$$

Очевидно, что если исключить глаголы с суффиксом *-ся* и пассивные причастия, то класс глаголов, подвергающихся обеим трансформациям, окажется весьма ограниченным: ср. **Его не лежало.* Эти глаголы, поддающиеся обеим трансформациям отрицания, составляют класс эквивалентностей в том смысле, который придает этому понятию Ю. Д. Апресян[3]. Лексические классы эквивалентностей, с одной стороны, являясь функциями трансформаций, с другой — входят как заданные классы в порождающую трансформационную модель.

Существуют и дальнейшие ограничения данной трансформации:

Он был дома $\xrightarrow{T'}$ *Он не был дома*
$\xrightarrow{T''}$ *Его не было дома*
Он дома $\xrightarrow{T''}$ *Его нет дома*

Кажется, при условии сохранения семантической инвариантности невозможна аналогичная трансформация T': *Он не дома.*

Последний пример показывает, что исходным предложением трансформации T'' является не трансформ трансформации T', но неотрицательное предложение, т. е. T'' не осуществляется после T'.

5. 3. Аналогичная трансформация без частицы *не*, т. е. трансформация, не входящая в трансформацию с оператором отрицания и являющаяся, таким образом, непосредственной трансформацией безличности, связана с установкой на количество, с количественной оценкой, а также часто с резким сдвигом в эмоционально окрашенную сферу, в стилистически маркированную речь:

Народ собрался → *Народу собралось*
Письма накопились → *Писем накопилось*

---

[2] Здесь оставляется в стороне вопрос о том, можно ли считать возможность применения T' и T'' доказательством существования категории детерминированности.

[3] См. Ю. Д. Апресян, К вопросу о структурной лексикологии, ВЯ, 1962, 3.

$$(4)\ \Phi u_1 + X + \Gamma + Y \to \Phi u_2 + X + \left\{\begin{matrix}\text{прош. время} + \text{ср. род}\\ \text{непрош. время} + Лц_3\ \text{ед. ч.}\end{matrix}\right\} + \Gamma + Y$$

5. 4. Хорошо известна трансформация безличности, превращающая личное ядерное предложение в безличную конструкцию:

$$Ветер \left\{\begin{matrix}гонит\\ гнал\end{matrix}\right\} листву \to Ветром \left\{\begin{matrix}гонит\\ гнало\end{matrix}\right\} листву$$

$$(5)\ \Phi u_1' + X + \Gamma + \Phi u_4'' \to \Phi u_5'' + X + \left\{\begin{matrix}\text{прош. время} + \text{ср. род}\\ \text{непрош. время} + Лц_3\ \text{ед. ч.}\end{matrix}\right\} + \Gamma + \Phi u''_4$$

За (5) обыкновенно должна следовать трансформация перестановки слов.

Очевидно, каждое предложение, которое можно подвергнуть данной трансформации безличности, поддается и пассивной трансформации, но не наоборот. Класс существительных, входящих в Φu_1 исходного предложения, довольно широк: *Его убило грозой, Его ранило осколком, Жгучим морозом обжигало лица.*

Какова могла бы быть семантическая интерпретация данной трансформации? Если разбить семантическо-стилистическую сферу конструкции на два дифференциальных признака, то первый совпадает с признаком пассивной конструкции: устранение деятеля (или источника действия) из центральной синтаксической позиции Φu_1, перенос его в периферийное положение; второй признак связан с обозначением стихийности или неосознанности действия, что свойственно семантическому классу существительных: им обозначается нелицо или вообще неодушевленные «предметы».

5.5.1. Тесная связь трансформации безличности с пассивной трансформацией ярко проявляется в следующих сопоставлениях. Трансформацию безличности можно рассматривать как разновидность пассивной трансформации; она входит в множество пассивных трансформаций. Имеются такие конструкции (предложения), поддающиеся пассивной трансформации, в которых замена Φu_4 группой с предлогом, соответствующим правилам управления данного глагола (предлог + Φu_i; $i \geqslant 2$), видоизменяет пассивную трансформацию таким образом, что возникает безлично-пассивное предложение. Безлично-пассивная трансформация предполагает лично-пассивную:

Они забыли книгу → Книга была забыта	:	*Они забыли про книгу → Про книгу было забыто*
Они объявили конкурс → Конкурс был объявлен	:	*Они объявили о конкурсе → Было объявлено о конкурсе*

Очевидно, что ограничения в управлении определенных классов глаголов ограничивают трансформации таким образом, что безлично-пассивная конструкция является единственно возможной, т. е. не предполагает лично-пассивную:

Ср. *Они указали на ошибку → Было указано на ошибку*

5.5.2. Аналогичным, хотя и более сложным образом представляется возможным описать структуры такого типа: если есть предложение, поддающееся пассивной трансформации, то при замене Φu_4 глагольной фразой с инфинитивом, являющейся со своей стороны трансформом трансформации номинализации, пассивная трансформация превращается в безлично-пассивную трансформацию:

(а) *Они поручили ей эту задачу → Ей была поручена эта задача*	:	*Они поручили ей выполнить эту задачу → Ей было поручено выполнить эту задачу*
(б) *Они разрешили выезд → Выезд был разрешен*	:	*Они разрешили (ему) выехать → Ему было разрешено выехать*

Конструкции с инфинитивом (а), (б) можно породить следующей трансформацией номинализации:

$$(6)\quad \left.\begin{array}{l} MS^4{:}\Phi u'_1+\Gamma'\begin{pmatrix}\textit{разрешили}\\ \textit{поручили}\end{pmatrix}+Дг^5 \\ CS{:}\Phi u''_1+\Gamma'' \end{array}\right] \rightarrow \Phi u'_1+\Gamma' \quad +инф^6+\Gamma''+\Phi u''_3$$

Трансформационное соотношение

$$(в)\quad \left.\begin{array}{l} \textit{Они решили вопрос} \\ \rightarrow \textit{Вопрос был решен (ими)} \end{array}\right| : \left|\begin{array}{l} \textit{Они решили послать его на курсы} \rightarrow \\ \textit{Было решено послать его на курсы} \end{array}\right.$$

отличается от (а), (б) только тем, что при трансформации номинализации (6) $\Phi u'_1$ в предложении MS равно $\Phi u''_1$ в предложении CS; оба имеют тождественный референт:

$$\begin{array}{l} MS{:}\textbf{\textit{Они}}\ \textit{решили}+Дг \\ CS{:}\textbf{\textit{Они}}\ \textit{пошлют}+X \end{array}$$

В (а), (б), (в) безлично-пассивная трансформация проводится после трансформации номинализации (инфинитива). Очевидно, есть такие семантические классы глаголов, что пассивная и безлично-пассивная трансформации, в которых они участвуют, соотносятся друг с другом так, что инфинитиву во второй трансформации соответствует отглагольное существительное в первой [ср. (б)]. Другими словами, пассивная трансформация в значительной мере может быть ограничена отглагольными существительными, и, таким образом, Φu_4 предложения, поддающегося пассивной трансформации, является трансформом номинализации.

5.5.3. Аналогичным способом разрешается и проблема предложений, содержащих номинативные фразы, построенные при помощи союзов *что*, *чтобы* или других средств.

$$\left.\begin{array}{l} \textit{Они сказали правду} \\ \rightarrow \textit{Правда была сказана} \end{array}\right| : \left|\begin{array}{l} \textbf{\textit{Они сказали}}\ \textit{(ей), что он не придет} \rightarrow \\ \textit{(Ей)}\ \textbf{\textit{было сказано}},\ \textit{что он не придет} \end{array}\right.$$

Исходное предложение безлично-пассивной трансформации порождается следующим образом:

$$(7)\quad \left.\begin{array}{l} MS{:}\textit{Они сказали}+\Phi u_{прид}{}^7 \\ CS{:}\textit{Он не придет} \end{array}\right] \rightarrow \textit{Они сказали (ей), что он не придет}$$

Другим видом трансформации номинализации, предшествующей безлично-пассивной трансформации, является предварительная трансформация вопроса:

$$(8)\quad \textit{Они сказали, когда он придет} \rightarrow \textit{Было сказано, когда он придет}$$

Очевидно, что очень большой круг «вопросительных» предложений входит в трансформацию (7): *Было сказано, когда* (*куда*, *где*, *почему* и т.д.).

Включение состава вопросительных предложений в трансформацию не будет излишне громоздким для трансформационной деривации безличных предложений, так как порождение вопросительных предложений входит в трансформационную модель независимо от описания данных безличных предложений.

---

[4] MS — matrix sentence, CS — constituent sentence в смысле терминологии Р. Лиза (ср. «The grammar of English nominalizations», II, IJAL, 26, 3, 1960).

[5] *Дг* — дополнение глагола. Дополнение глагола в данном смысле отличается от дополнения в традиционном смысле (объект); термин употребляется в смысле английского «verbal complement».

[6] *инф* — морфема инфинитива.

[7] $\Phi u_{прид}$ — номинативная группа (фраза) в виде придаточного (дополнительного).

5.5.4. Обратимся к пассивной трансформации, осуществляющейся переходом $Г \rightarrow Г + ся$. Одной из разновидностей таких преобразований является безлично-пассивная трансформация[8]. Изоморфизм проявляется и здесь: если есть пассивная трансформация с $Г \rightarrow Г + ся$ и $Фи_4 \rightarrow Фи_1$, то замена $Фи_4$ номинативной фразой (инфинитивной группой или «придаточным» с союзом *что*, *чтобы* или другими союзами) видоизменяет пассивную трансформацию, превращая ее в безлично-пассивную:

(9) *Они говорили правду* → *Правда говорилась ими* : *Они говорили, что он придет* → *Говорилось, что он придет*

Они указывают путь → *Путь указывается ими* : *Они указывают, что не целесообразно...* → *Указывается, что не целесообразно...*

Форма трансформации «придаточного» может зависеть от семантики глагола:

Вовсе не ***требуется, чтобы****... все слова имели...*

Трансформации пассива предшествует, таким образом, трансформация номинализации, т. е. в данном случае превращение определенного исходного предложения в «придаточное».

Очевидно, что и здесь (ср. 5.5.1) ограничения в управлении определенных классов глаголов определенными существительными могут привести к тому, что безлично-пассивная трансформация будет единственной возможной:

Кто-то рассказывал об участниках фильма → *Рассказывалось об участниках фильма*
* *Кто-то рассказывал участников фильма* → * *Рассказывались участники фильма*

Здесь могут произойти интересные усложнения:

Они предполагали перенести музыку в третье действие →
Предполагалось перенести музыку в третье действие

При этом оказывается отмеченной и личная пассивная конструкция (скобки указывают на структуру по непосредственно составляющим):

Они [(предполагали перенести) музыку...] → *Музыка... предполагалась быть перенесенною в третье действие...*[9]

$Фи_4$ внутри инфинитивной группы (*перенести...*) превращается в $Фи_1$ пассивной конструкции.

5.6.1. Некоторые небольшие классы глаголов с суффиксом *-ся* в непассивной функции особенно часто выступают в безличных структурах. Такие классы можно определить трансформационной деривацией, в которой при порождении безличных структур участвуют эти глаголы. Представляется возможным, например, описать конструкции типа *Нам не удается указать...*, *Сформулировать не удавалось*, исходя из личного предложения: если в предложении ($Фи_1 + Фг$) $Фг$ можно заменить глаголом *удаться/удаваться* (*обед удался*), то замена $Фи_1$ инфинитивом имплицирует трансформацию безличности. Другими словами, трансформация номинализации,

[8] «Безличность» здесь понимается как структура с обязательным отсутствием $Фи_1$; глагол данной структуры имеет форму 3-го лица ед. числа, заменяемую лишь формой среднего рода прошедшего времени. Таким образом, мы считаем излишним поднимать для трансформационного описания вопрос о том, является ли придаточное предложение подлежащим.

[9] Этот пример из «Летописи» Римского-Корсакова заимствован из работы Романа Мразека «Užívání prostého instrumentálu v současné ruštině» («Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české», II, Praha, 1961, стр. 236—237).

т. е. превращение определенного исходного предложения в инфинитивную конструкцию одновременно является и трансформацией «безличности». Сохранение понятия трансформации «безличности», кажется, теряет смысл.

$$10)\ \left.\begin{matrix} MS{:}\Gamma''u^{10}{+}\Gamma'{+}ся{+}(\Phi u'_3) \\ CS{:}\Phi u_1'{+}\Gamma''{+}X \end{matrix}\right] \rightarrow инф{+}\Gamma'' + X + \left\{\begin{matrix} \text{непрош. вр.}{+}Лц_3 + \text{ед. ч.} \\ \text{прош. вр. ср. рода} \end{matrix}\right\} + \Gamma'{+}ся{+}(\Phi u'_3)$$

После применения этого правила обычно следуют правила перестановки.

5.6.2. Существует класс глаголов внутри так называемых рефлексивных глаголов; к нему принадлежит глагол *представлять(ся)*, который участвует в следующей серии трансформаций (скобки указывают на структуру по непосредственно составляющим):

$$Он\ представляет\ себе\ город\ таким \rightarrow \left\{\begin{matrix} Город\ [ему\ (представляется \\ таким)] \end{matrix}\right\}$$

При наличии такого предложения оказывается применимой трансформация, аналогичная (10), но с той разницей, что вместо *Ги* здесь может быть представлено и $Фи_{приз}$:

$$(11)\ \left.\begin{matrix} MS{:}(\Phi u'_3){+}\Gamma'{+}ся{+}Дг{+}\Phi u_{прид} \\ CS{:}\ \Phi u''_1{+}\Gamma''{+}X \end{matrix}\right] \rightarrow (\Phi u'_3) + \left\{\begin{matrix} \text{непрош. вр.}{+}Лц_3{+}\text{ед. ч.} \\ \text{прош. вр. ср. род} \end{matrix}\right\} + \Gamma' + ся{+}Дг{+}что{+}\Phi u''_1{+}\Gamma''{+}X$$

Пример: *Ему показалось важным, что он проиграл матч.* Ср.: *Проигрыш матча ему представлялся важным.*

$Фи_3$ и $Фи_1$ могут иметь тождественный референт.

Безличные предложения (*Мне*) *кажется* (*вероятным*), *что*..., *Оказалось, что сюда сбежалась целая деревня* (Катаев) и ...*Оказалось, отбежал он... к границе литовской* (Пушкин) можно объяснить аналогичным способом. Ср.: *Такой исход кажется мне невероятным*; *Бумажка оказалась запиской.*

Для второго и третьего примера (с глаголом *оказаться*) формула (11) видоизменяется; *Дг* становится факультативным и ставится в скобки.

Если заменить $Фи_1$ номинативной фразой с инфинитивом или «придаточным» с союзом *что* или другими союзами и если данный глагол будет участвовать как *Г* в общей структуре $Фи_1 + Фг$, т. е. в «личном» предложении, то в этом случае трансформация номинатива включит в себя трансформацию безличности.

Условие, что *Г* появляется в $Фи_1 + Фг$, очень важно, поскольку при этом исключаются такие глаголы, как *приходиться*. Предложение *Ему приходится учиться* следовало бы описать, задав список класса таких глаголов. Структура данного предложения совпадает со структурой производных от «личных» структур предложений, но не имеет такой же трансформационной истории. Во многих случаях непроизводные глагольные «безличные» структуры (включая и структуры с нерефлексивными глаголами) представляют собой фразеологизированные обороты: *везло*, *повезло*, *надлежит*, *приходится*.

5.7. Преобразование $Фи_1$ в предложную группу, например $Фи_1' \rightarrow на + Фи_6'$, дает безличную структуру:

Громадный двор *казался очень темным* → ***На громадном дворе*** *казалось очень темно*

---

[10] *Ги* — именная отглагольная часть; отсутствие указания падежа косвенно выражает различие между инфинитивом и отглагольным существительным.

Налицо определенный изоморфизм с пассивными конструкциями, описанными в разделах 5.5.1 и 5.5.4 (*рассказывалось...*).

5.8. Довольно затруднительно дать трансформационное изложение безличных предложений типа *Ему не спится*, *Ему хорошо работается*; несмотря на простую формализацию и регулярное соответствие морфем (*Он не спит*, *Он хорошо работает*), трансформационные правила, кажется, мало способствуют объяснению таких предложений, если не снабдить их семантическим истолкованием модальности. Разумеется, надо задать и ограничения таких конструкций относительно включаемых в них глаголов. Ср. **Мне не идется*.

5.9. Представляется возможным включить в трансформационные правила и безличные предложения типа *Светает*, *Вызвездило*, *Вечереет*, *Шумело*. Такие предложения представляли бы собой трансформы трансформации безличности, которая элиминирует $Фи_1$ из структуры $Фи_1 + Фг$; при этом надо задать ряд списков глаголов и существительных, участвующих в исходных личных предложениях, поскольку ограничения классов здесь значительные:

Даль светает (Симонов)	*Светает*
Даль светала	*Светало*
Ветер... знобит (Шолохов)	*Знобило*
Снег знобил ноги (Гл. Успенский)	*Знобило*
Небо густо вызвездило (Б. Полевой)	*Вызвездило*
День (багряный) вечереет (Пушкин)	*Вечерело*
Краски темнеют	*(В глазах) темнеет*

Трансформируемость приведенных примеров ввиду ограниченности личных предложений легко оспаривается. Но для других классов глаголов (например: *стучать*, *шуметь*, *трясти*, *завозиться*) наличие личных исходных предложений очевидно и мало ограничено. Тип 5.9 должен подвергаться разбиению на классы глаголов и существительных.

6.1. Для довольно широкого круга предложений, содержащих связку и прилагательное, оказывается возможным и целесообразным трансформационное решение, аналогичное применяемому при глагольных предложениях. Если предложение структуры $Фи_1 + Фг$, имеющее распространение $Фг \to Г + Плг$[11] и $Г \to быть, стать, становиться$, является отмеченным, тогда можно применить следующие трансформации (12), (13):

$$(12)\ \left.\begin{matrix} MS{:}\,Г'и+Г''+Плг \\ CS{:}\,Фи_1+Г'+X \end{matrix}\right] \to Г'и(=\text{инф}) + X + \left\{\begin{matrix} \phi(+\text{пауза}) \\ \textit{было} \\ \textit{стало} \\ \textit{будет} \\ \textit{станет} \end{matrix}\right\} + \text{ср. род} + Плг$$

Примеры: *Проверять это было очень трудно*; *Учиться — полезно*. При определенном распространении инфинитива и постановке распространяющих его слов перед ним ø-морфема встречается без паузы: *Понятие омонима определить очень легко*.

К данной трансформации присоединяется трансформация перестановки слов и элиминирования паузы в случае ø-морфемы: *Полезно учиться*, *Весело кататься*, *Было трудно рассматривать это*, *Нецелесообразно рассматривать абсолютную величину*, *Сегодня хорошо работать*, *Вполне разумно требовать*....

$$(13)\ \left.\begin{matrix} MS{:}\,X+Г+Плг+Фи_{прид} \\ CS{:}\left\{\begin{matrix} Фи+Фг' \\ Фг'' \end{matrix}\right\} \end{matrix}\right] \to X+Г=\left\{\begin{matrix} ø \\ \textit{было} \\ \textit{стало} \\ \textit{будет} \\ \textit{станет} \end{matrix}\right\} + \text{ср. род} + Плг + что + \left\{\begin{matrix} Фи+Фг' \\ Фг'' \end{matrix}\right\}$$

[11] *Плг* — прилагательное.

Примеры: *Ясно, что эти слова не попадут в одну окрестность; Естественно, (что) абсолютного соответствия не может быть.*

Возможно и элиминирование союза *что*. Правила (12), (13) можно, очевидно, расширить, включив глаголы типа *оказываться* и допустив твор. падеж неженского рода прилагательного: *Оказывается целесообразным повторять... (чтобы ученики повторяли...)*. Ясно, что существуют определенные классы других аналогичных номинализующих трансформаций (ср. 5.5.3); ср.: *Интересно, в каких случаях подобное задание имеет решение.*

Номинализующим трансформациям часто предшествуют трансформации с оператором вопроса:

а) *Интересно, имеет ли задание решение*, б) *Интересно, какое задание имеет решение*, в) *Интересно, какое решение имеет задание*, г) *Интересно, когда задание имеет решение*, д) *Интересно, в каких случаях задание имеет решение.*

Таким образом, определенный класс трансформаций номинализации предполагает трансформацию вопроса.

6.2. Четок изоморфизм, связывающий глагольные и неглагольные (связочные) безличные предложения: личной конструкции соответствует безличная, если заменить $Фи_1$ фразой с предлогом (ср. 5.5.1, 5.5.4, 5.7). Изоморфное соответствие представлено в прилагательно-связочных предложениях:

Новый прорыв стал известен→Стало известно о новом прорыве

Более общим способом этот изоморфизм можно выразить следующим образом: номинативная группа и предложная группа в глагольных предложениях, так же как и в прилагательно-связочных, имплицируют безличность предложения.

6.3. Другой тип безличного предложения с прилагательным в глагольной части отличается от предыдущих тем, что он не возникает ни путем трансформации номинализации, которая ставит номинативную группу на место $Фи_1$, ни трансформацией, при которой $Фи_1$ превращается в предложную группу (предлог + $Фи_i$, $i \geqslant 2$). Если применить трансформацию, то она должна заключаться в элиминировании $Фи_1$; элиминирование ведет к безличности предложения:

Пруд мелок→(На краю пруда) мелко

При элиминировании $Фи'_1$ появление $Фи'_1$ личного предложения в безличном, конечно, не является обязательным. Если предложение структуры $Фи_1 + Фг$, имеющей распространение $Фг \to Г + Плг_к$[12]; $Г \to \left\{ \begin{matrix} быть \\ стать \end{matrix} \right\}$, является отмеченным, то применимо следующее трансформационное правило:

$$(14)\ Фи'_1 + \left\{ \begin{matrix} быть \\ стать \end{matrix} \right\} + Плг_к + (Фи''_3) \to X + \left\{ \begin{matrix} \phi \\ было,\ стало \\ будет,\ станет \end{matrix} \right\} + \text{ср. род} + Плг_к + (Фи''_3)$$

Потеря страшна (ему)→Страшно (ему)

Трансформация путем элиминирования полнозначного слова может показаться спорной. Напрашивается другой, кажется, более простой способ трансформационного решения этой проблемы, поскольку и для кон-

[12] $Плг_к$ — определенный класс прилагательных.

струкций типа *Мне хорошо работать*, *Хорошо, что он пришел* исходным предложением является предложение типа $Фи(Ги) + \left\{ \begin{matrix} быть \\ стать \end{matrix} \right\} + Плг_к$(ср.6.1), то возможно, что и предложения типа *Хорошо*, (*Ему*) *весело* могут быть порождены трансформацией, которая устраняет номинативную группу:

Хорошо, что он пришел → *Хорошо*

Но такой способ деривации можно было бы рекомендовать только в том случае, если бы он облегчил определение классов прилагательных, участвующих в предложениях типа *Хорошо*, *Страшно*, *Было светло*, *Тихо*. Однако совпадения или сближения семантических классов здесь нет: *На краю пруда мелко*: **Мелко, что...*, **Мелко* + инфинитив, **Тихо, что...*, **Тихо* + инфинитив. Поэтому целесообразно будет установить особую трансформацию.

7. Третья группа безличных предложений, т. е. безличные предложения со словами так называемой категории состояния, не представляет особых затруднений. Предложения типа *Надо учиться*, *Надо, чтобы он пришел*, *Нельзя разобрать лиц*, *Жаль, что вы не читаете*, *Жаль расставаться* порождаются аналогично трансформациям (12) и (13), с той лишь разницей, что исходные предложения (MS : X + *надо* + Y, X + *нельзя* + Y, X + *жаль* + Y) представляют собой непроизводные безличные предложения, которые в трансформационной грамматике нужно задать списком слов категории состояния, составляющих ядро исходных предложений, основная структура которых определяется правилом: *Прд*→*Фг*. В дальнейшем правила развертывания могут быть такого рода:

Фг→катег. сост.+$Фи'_4$+$Фи_3''$, катег. сост.→*надо*, $Фи'_4$→ существительное$_4$→ $Фи_3''$→ *ему*.

Кажется, что безличные предложения типа *Нужно книгу* можно рассматривать как трансформ соответствующих личных предложений с кратким прилагательным *нужен, нужна, нужны*.

8. Здесь были намечены лишь общие контуры трансформационного разрешения проблемы так называемых безличных предложений. Остались вне поля зрения безличные инфинитивные предложения, которые, обладая сильной модальной окраской, требуют особого описания в трансформационной грамматике (*Быть грозе*, *Нам бы так полетать*, *Ему ли нас учить*?, *Открыть мне окно*?, *Кому же ехать*?). Рассмотрение остальных наиболее крупных типов так называемых безличных предложений показывает, что единство безличных предложений в трансформационной грамматике исчезает. Они входят по своей структуре в разные типы небезличных предложений и относятся к разным главам порождающей грамматики. Область непроизводных безличных ядерных предложений ограничивается классом слов категории состояния, не входящих в парадигму прилагательных.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

Ю. С. СТЕПАНОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО СИНТАКСИСА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

1

Под предложением мы будем понимать структуру, реально существующую, т. е. доступную акустическому наблюдению (на слух и при помощи приборов) и имеющую грамматическое значение, т. е. понятную для информанта. Это определение предполагает возможность подробного описания предложения в терминах дескриптивного анализа.

Грамматически предложение характеризуется: а) наличием элементов низшего порядка (слов или эквивалентов слов — словосочетаний), характеризующихся в свою очередь принадлежностью к определенному классу (определяемому структурными методами); для определения модели достаточно показателя класса этих элементов; б) связью между этими элементами, выраженной формально.

Акустическая сторона может быть описана, по А. Хиллу, как тоновый контур: «Тоновый контур («pitch contour») есть совокупность («pattern») тоновых уровней, повышающихся до и падающих от одной вершины и заканчивающихся конечным сочленением («juncture»)»[1].

Сочленение («juncture») есть пограничный сигнал высказывания[2]. Для сочленения характерно с акустической стороны относительное повышение, понижение или сохранение данного тона и потенциальная возможность паузы. Таким образом, сочленения представляют собой фонемы[3]. [Ударения и тоны — также фонемы, характерной чертой которых является их одновременная встречаемость с другими, сегментными фонемами, гласными и согласными [их называют «супрасегментными фонемами ударения и тона» («stress phonemes, pitch phonemes»)].

Сочленения в этом смысле — также супрасегментные фонемы. Класс фонем-сочленений делится на два подкласса: 1) сочленения, встречающиеся перед паузой и называемые поэтому конечными сочленениями. Характерным представителем этого класса является сочленение, которое мы находим в конце такого французского высказывания, как *Pierre est venu* # (его графическое обозначение #); другое сочленение этого класса находим, например, при счете «без выражения», как бы «усталым голосом»: *un/ /deux/trois/quatre* #; третье — тоже при счете, но отчетливом, «выразительном»: *un // deux // trois // quatre* #, или, например, при вопросе: *On-y va* // ?; 2) сочленения, не встречающиеся в этой позиции и поэтому иногда называемые внутренними. В этом классе всего один элемент — тот тип сочленения, который находим после *est* в приведенной французской фразе: *Pierre est* + *venu* (его графическое обозначение +). Иерархия этих фонем в порядке наращения длительности паузы такова: +, /, //, #.

Все эти виды фонем на морфемном уровне комбинируются в морфемы. В данной связи важно понятие тоновой морфемы («pitch morpheme»).

[1] A. Hill, Introduction to linguistic structures, New York, 1958, стр. 28.
[2] Там же, стр. 21.
[3] Там же, стр. 68—69.

Это — конструкция, содержащая конечное сочленение и несколько тоновых фонем. Тоновые морфемы комбинируются в более широкие конструкции, так называемые тоновые суперфиксы («pitch superfixes»). Последние и создают тоновый контур (см. выше).

Изложенные здесь по А. Хиллу основные понятия весьма удобны для описания ядерных предложений — исходной точки трансформационного анализа. Однако этих понятий недостаточно. В частности, сложнее обстоит дело с конечным сочленением («terminal juncture»).

Проблема для французского синтаксиса заключается в том, что в этом языке на морфологическом уровне имеются морфемы, дистрибуция которых почти или полностью совпадает с дистрибуцией тоновых морфем, но которые не являются последними.

2

Рассмотрим следующий пример — произвольно выбранное предложение: *Il lui semblait que les événements du matin dussent avoir causé un grand trouble dans toute la maison* «Ему казалось, что события этого утра должны были произвести большой переполох во всем доме». Перечитываем теперь французское предложение и его русский перевод, останавливаясь там, где по условиям грамматического строения предложение могло бы быть оборвано без потери грамматического смысла (см. определение). При этом каждый раз мы будем читать получающиеся отрезки как законченные предложения, т. е. придавать им тоновый морфонемный контур; поэтому, например, предложение I (см. ниже) не соответствует по тоновому морфонемному составу тому же грамматическому отрезку в исходном предложении. Для упрощения покажем только разницу фонем сочленений: в исходном предложении: *Il lui semblait / que...*; в предложении I: *Il lui semblait* # (соответственно различаются все остальные разбиения). В таком случае из французской цепочки получим следующие разбиения, каждое из которых также есть предложение по основному определению: I. *Il lui semblait* #; II. *Il lui semblait que les événements du matin dussent avoir causé un grand trouble* #; III. *Il lui semblait que les événements du matin dussent avoir causé un grand trouble dans toute la maison* #.

Предложение I довольно искусственно (естественнее было бы *ce lui semblait* #), но все же его следует здесь учесть.

Русская цепочка допускает на тех же условиях следующие разбиения: I. *Ему* # (например, как ответ на вопрос: *Кому казалось, что события утра...* и т. д.?); II. *Ему казалось* #; III. *Ему казалось, что события* # [например, как ответ на вопрос: *Ему казалось, что события* (с ударением на *события*) *должны были вызвать большой переполох*?]; IV. *Ему казалось, что события утра* #; V. *Ему казалось, что события утра должны были* #; VI. *Ему казалось, что события утра должны были вызвать* #; VII. *Ему казалось, что события утра должны были вызвать большой переполох* #; VIII. *Ему казалось, что события утра должны были вызвать большой переполох во всем доме* #.

3

1. Встречаемость тоновых морфем, содержащих конечные сочленения, в русском языке ближе к встречаемости слов самостоятельных классов[4] (любое слово из самостоятельного класса может заканчивать предло-

[4] Но только не в традиционном понимании самостоятельных и несамостоятельных частей речи. Так, например, местоимение *мой* — традиционно несамостоятельная часть речи — является самостоятельным словом в структуре модели, так как может заканчивать предложение.

жение или, взятое в отдельности, образовать предложение), тогда как во французском встречаемость слов самостоятельных классов гораздо выше встречаемости тоновых морфем с конечными сочленениями.

2. Практически расхождение встречаемости и в том и в другом языке не остается постоянным: расхождение зависит от длины высказывания. В этой связи необходимо остановиться на понятии длины высказывания («utterance»). З. Харрис понимает под высказыванием «такой отрезок речи какого-либо лица, до и после чего указанное лицо молчит»[5]. Это определение довольно расплывчато. А. Хилл предложил более точное описание конца высказывания, которое можно резюмировать так: окончание высказывания есть пауза, равная или превышающая среднюю длительность конечного сочленения #. Это обозначается (*P*)[6]. Так, если русское предложение *Во всем доме* (например, как ответ на вопрос о том, во всем ли доме произошел переполох) составляет высказывание: (*P*) *во всем доме*, то оно может быть транспонировано в *Во всем*. Если же оно — часть высказывания, т. е. если высказывание достаточно длинно, то эта трансформация воспринимается как нарушение нормы: ср. *Ему казалось, что события утра должны были вызвать большой переполох во всем* # (*доме*).

Во французском эта зависимость также существует, хотя может оказаться иной, чем в русском. В двух следующих рядах примеров указана совместная встречаемость некоторых слов и тоновых морфем, содержащих конечные сочленения, в положении после (*P*) и в положении не после (*P*).

I. В положении после (*P*)	II. В положении не после (*P*) (т. е. в высказывании более длинном, чем написанная здесь часть, например, после *oui*...)
1) *j'ai* # — невозможно	1) ...*j'ai* # — невозможно
2) *j'ai vu* # »	2) ...*j'ai vu* # возможно
3) *j'en ai* # — возможно	3) ...*j'en ai* # »
4) *j'en ai vu* # »	4) ...*j'en ai vu* # »

С увеличением длины высказывания встречаемость тоновых морфем, содержащих #, приближается к встречаемости слов самостоятельных классов: в нашем втором примере *j'ai vu* # делается возможным.

3. Третий вывод: окончание высказывания или обрыв речевой цепи во французском языке должен быть предусмотрен практически до начала данного высказывания и маркирован грамматически и акустически.

Грамматически обрыв речевой цепи маркируется особой морфемой, отличной от тоновой морфемы. Совокупность таких морфем как особый структурный класс слов назовем «классом показателей законченности». Ср. русск. *Он не переставал* (3) *думать* (2) *о книге, которую только что прочел* (1) и франц. *Il ne cessait pas* (3) *de penser* (2) *au livre qu'il venait de lire* (1). В русском примере предложение может быть грамматически окончено в местах, отмеченных цифрами, причем каждый раз мы получаем грамматически законченное предложение без введения каких-либо особых показателей этого (не считая акустических, о которых шла речь). Во французском примере обрыв предложения после пункта (2) должен быть заранее, до этого пункта, т. е. до осуществления речи, маркирован показателем *y*: *il ne cessait pas d'y penser*. Обрыв предложения после пункта (3) должен быть также маркирован показателем *en*: *il n'en cessait pas*.

Слова *en*, *y* и *le* (как местоимение среднего рода) — наиболее употребительные элементы из класса показателей грамматической законченности. Этот класс морфем составляет, таким образом, параллель к тоновым морфемам, содержащим #: все морфемы этого класса встречаются только совместно с последними и поэтому могут быть названы по аналогии с ними

[5] Z. S. Harris, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951, стр. 14.
[6] См. A. Hill, указ. соч., стр. 339—341.

супрасегментными морфемами. Таким образом, в двух следующих примерах морф *en* {ã} относится к двум разным классам морфем *j'en ai* #, *j'en ai / deux*.

4

Последнее соображение важно для трансформационного синтаксиса, так как мы должны принять, что французский синтаксис знает особый вид трансформации, не известный русскому языку: грамматическое преобразование незаконченного отрезка речевой цепи в законченное высказывание.

Это положение и следует считать одним из основных для трансформационного синтаксиса французского языка. Общая особенность речевой цепи французского языка может быть в целом названа структурной закрытостью (термин С. О. Карцевского[7]). Тогда русская речевая цепь (несмотря на то, что и в ней есть открытые и закрытые подструктуры) в целом по сравнению с французской может быть названа открытой.

Трансформации усечения длинной речевой цепи можно рассматривать как усеченные ответы на некий предполагаемый вопрос, задаваемый в форме исходного предложения. Это является практически удобным способом производить эти трансформации. Так, приведенный выше русский пример *Ему казалось, что события* # можно рассматривать как ответ на вопрос *Казалось ли ему, что (именно) события утра должны были вызвать большой переполох во всем доме*? В этом случае во французском языке можно обнаружить иные модели, которые являются усечением более длинной речевой цепи, и, так как в этом языке усечение невозможно без грамматической маркировки, показывают иные способы этой грамматической маркировки законченности. Так, аналогом к русскому *Ему казалось, что события* будет *Il lui semblait que c'étaient les événements* #. Полная форма этой усеченной модели — *Il lui semblait que c'étaient les événements du matin qui dussent avoir causé un grand trouble dans toute la maison*. Таким образом, конструкция выделения (*c'est*), называемая иначе mise en relief, также может выступать как показатель законченности высказывания при обрыве речевой цепи.

Многие разнообразные «типично французские» особенности речи на морфологическом и стилистическом уровнях могут быть сведены к одной — названной выше структурной закрытостью. По соображениям места ограничимся только указанием на некоторые из них.

1. *Elle a du courage*, но *Elle a eu le courage de dire la vérité* «У нее есть мужество», «У нее хватило мужества сказать правду». Второе предложение можно рассматривать как удлинение первого или первое как усечение второго с грамматическими маркировками: чередование *le/du*.

2. *On faisait un grand cercle autour de nous* — *On faisait cercle* «Вокруг нас собралась большая группа людей — Собралась группа»: чередование *un/—*.

3. В стилистике стремлением к закрытости речевой цепи во французском объясняются такие, например, случаи тесной связи частей предложения, как следующие: «Mon père voit de moins en moins clair... Il essaie tous les traitements modernes *pour améliorer* sa vue... Il ne voit presque plus clair *pour réparer* les chaussures... Ses clients... s'en vont *pour ne plus revenir*» (R. Bellanger, J'ai vingt ans) «Зрение отца становилось все хуже и хуже... Он пробует все новые способы лечения, *какие* могут вернуть ему зрение. Он видит уже так плохо, *что* едва чинит обувь... Заказчики... исчезают *и* больше не возвращаются».

4. Наконец, даже французская орфография иногда оказывается под-

[7] См. С. О. Карцевский, Бессоюзие и подчинение в русском языке, ВЯ, 1961, 2, стр. 125.

чиненной правилу закрытости речевой цепи, т. е. сводится к определению того, как будет окончено начатое высказывание. Именно в этой связи следует обратить внимание на тонкое наблюдение А. Тома относительно одного трудного места французского правописания — согласования причастия: «В целом, причастие — participe passé, спрягаемое со вспомогательным глаголом *avoir*, согласуется с прямым дополнением в том случае, когда при письме под диктовку пишущему известно это дополнение в момент написания причастия» (разрядка моя. — *Ю. С.*)[8].

5

В связи с тем, что мы рассматриваем здесь французское грамматическое предложение в речевой цепи, т. е. в плане теории сообщения, представляет интерес психолингвистическая интерпретация указанной основной черты — структурной закрытости.

Мы видели, что во французском языке существуют два типа моделей — один такой, где грамматическая структура развернута и закончена (тип *A*: *Il ne cessait pas de bavarder*), другой — где грамматическая структура оборвана и где обрыв маркируется на расстоянии от точки обрыва (тип *B*: *il n'en cessait pas*). Факт существования двух типов моделей заставляет постулировать для французского два вида речевой цепи: 1) недискретный, где речевая цепь развертывается непрерывно: в этом типе развертывание цепи и моделирование ее (тип *A*) могут совершаться одновременно, т. е. можно сказать, что говорящий как бы находит модель в процессе речи; начав грамматическое предложение, он как бы «не знает», как он его кончит; 2) дискретный, где речевая цепь прерывиста и возобновляется после перерыва [после (P)]. В этом случае структура развертывания цепи и моделирование (тип *B*) не совпадают. Здесь, начав говорить, говорящий должен знать, как он закончит начатое грамматическое предложение.

Отмеченная основная особенность допускает также интерпретацию в терминах общей теории информации. Грамматическое предложение *Il lui semblait // que les événements du matin dussent avoir causé un grand trouble // dans toute la maison* # может быть окончено в трех отмеченных здесь пунктах. Русское предложение может быть окончено в восьми пунктах: *Ему // казалось //, что события // утра // должны были // вызвать // большой переполох // во всем доме #*.

Так как количество слов сопоставимых классов в данном случае одинаково в обоих предложениях, то мы можем его не учитывать. На одинаковое количество слов сопоставимых классов — 11 (исключаются внутримодельные грамматические показатели *il, avoir* и артикли) во французском примере имеется 3 и в русском — 8 слов, на которых можно кончить грамматическое предложение. Из различия количества исходов следует различие количества информации (ее можно выразить математически).

Таким путем можно сравнивать русские модели с французскими моделями типа *A*. Например, после статистических подсчетов с учетом количества служебных слов во французском предложении можно определить: а) среднее количество информации на грамматически законченное предложение из *n* (любых) слов во французском и б) среднее количество информации на французское предложение, являющееся эквивалентом русского предложения из *n* слов (во французском слов будет больше, так как в нем больше служебных слов).

[8] A. Thomas, Dictionnaire des difficultés de la langue française, Paris, 1956, стр. 300. Вообще факт развертывания речевой цепи во времени, или относительное время, должен учитываться в орфографии. Ср. правописание русской частицы *не* — слитно, когда синтагма не развертывается, раздельно — когда она развертывается: *Неплохая книга*, но *не плохая книга, а плохое издание* и т. д.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

В. МИЛТНЕР

О ДИСТРИБУЦИИ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХИНДИ*

С точки зрения синтаксической функции слов в предложении традиционно различаются семь членов предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, приложение, именная часть сказуемого и обстоятельство. Даже если оставить в стороне и не принимать во внимание серьезное возражение, что такое деление всецело исходит из грамматического (синтаксического) содержания и упускает из виду форму, которая выражает это содержание и значение которой нельзя не учитывать, все же эта классификация в своих частных моментах оказывается совершенно неприменимой для языка хинди. Прежде всего в хинди полностью исключается приложение, потому что им может стать любой член предложения; в этом случае приложение является категорией, отличной от членов предложения. Следует принять во внимание и то, что совершенно неясны границы между так называемым непрямым дополнением, именной частью сказуемого и обстоятельством: целесообразнее было бы ввести вместо них единое понятие дополнительного члена (комплемента).

Функция члена предложения (*F*) в предложении является его грамматическим содержанием, а его формой, которая реализует эту функцию, является функтор (*f*), т. е. некоторый словесный разряд или так называемое придаточное предложение. Дистрибуция членов предложения определяется не только их функцией в предложении, но также и их функтором; так, дополнение не может распространять подлежащее, выраженное именем существительным или местоимением, однако может распространять подлежащее, выраженное отглагольным именем действия [*hātha mī*^{n}*jibo* hātha rahyo» (TG[1]) «осталось (мне только) вытереть руки»]; личное местоимение не может стать согласованным определением, между тем как остальные местоимения могут. Для языка хинди целесообразно установить пять функций членов предложения, а именно подлежащее (субъект, *S*), сказуемое (предикат, *P*), дополнение (объект, *O*), определение (атрибут, *A*) и дополнительный член (комплемент, *C*). Эти функции членов предложения выражаются различными функторами.

Традиционное деление слов на части речи здесь оказывается непригодным; предлагаем следующее деление функторов на 9 основных разрядов:

1 — имена существительные и субстантивированные классы слов, не входящие ни в один из следующих далее разрядов;

2 1 — непричастные глагольные времена и повелительное наклонение непереходных глаголов;

2 2 — непричастные глагольные времена и повелительное наклонение переходных глаголов;

---

* Детальное исследование на эту тему будет опубликовано в «Rozpravách Československé akademie věd».

[1] В статье приняты следующие сокращенные обозначения произведений Тулсидаса: TD — «Dohāvalī»; TJ — «Jānakī-ma$_{n}$gal»; TP — «Pārvatī-ma^{n}gal»; TŚ — «Śrīkṛṣṇagītāvalī»; TVp — «Vinay-patrikā»; TG — «Gītāvalī»; TK — «Kavitāvalī»; TRm — «Rām carit-mānas»; TVs — «Vairāgya-sa^{n}dīpanī».

3 1 — адъективные причастия несовершенного и совершенного вида непереходных глаголов;

3 2 1 — адъективные причастия несовершенного вида переходных глаголов;

3 2 2 — адъективные причастия совершенного вида переходных глаголов;

4 1 1 — отглагольное имя действия, образованное от непереходных глаголов;

4 1 2 — отглагольное имя действия, образованное от переходных глаголов;

4 2 1 — имя деятеля, образованное от непереходных глаголов;

4 2 2 — имя деятеля, образованное от переходных глаголов;

4 3 1 — отглагольное прилагательное, образованное от непереходных глаголов;

4 3 2 — отглагольное прилагательное, образованное от переходных глаголов;

5 1 — личные местоимения;

5 2 — местоимения указательные, вопросительные, неопределенные и возвратное местоимение, числительные количественные и собирательные;

5 3 — местоимения притяжательные, числительные порядковые и кратные;

6 1 — имена прилагательные;

6 2 — так называемый генитив и функторы, модифицируемые частицами *so*, *sārikho*, *aiso* и под.;

6 3 — местоименные прилагательные;

7 1 1 — адвербиальные причастия несовершенного и совершенного вида непереходных глаголов;

7 1 2 — адвербиальные причастия несовершенного и совершенного вида переходных глаголов;

7 2 1 — абсолютивы непереходных глаголов;

7 2 2 — абсолютивы переходных глаголов;

8 1 — наречия;

8 2 — адвербиальные формы притяжательных местоимений, числительных, прилагательных, так называемого генитива и местоименных прилагательных;

9 — так называемые придаточные предложения.

Дистрибуция членов предложения в своей основе определяется двумя их главными характерными признаками: их функцией и функтором.

Для более точного определения дистрибуции членов предложения в синтагмах и в предложениях было бы, однако, важно учесть еще некоторые дистинктивные признаки. Прежде всего следует принять во внимание, является ли данный член предложения в данной синтагме членом управляющим (^{h}Ff) или зависимым (^{d}Ff).

Для независимых членов предложения, функция которых выражается функтором разряда 6 2 (^{h}F 6 2), следует принимать во внимание их исходный адъективированный функтор, например 6 2 (1), 6 2 (3 1), 6 2 (3 2 1).

Такое разграничение, однако, не действительно для функции члена предложения *S* при предикации, т. е. *S* 6 2: *Pf*. В случае необходимости 6 2 (6 2) можно рассматривать просто как 6 2.

Для функтора 8 2, реализующего некоторую функцию независимого члена предложения (^{h}F 8 2), важен исходный адвербализованный функтор, например 8 2 (5 3), 8 2 (6 1), 8 2 [6 2 (1)].

При агентивной конструкции (т. е. в случае выражения функции членов предложения *P* функтором 3 2 2 или иным функтором в сочетании

со связкой, функтором которой является 3 2 2) для функции члена предложения O, реализующейся посредством функторов 1, 3, 4 1—2, 5 или 6, различаем дихотомию аккузатива в форме прямого (Of^{dir}) или непрямого (Of^{obl}) падежа.

У зависимых согласуемых членов предложения, которые выражаются функторами разрядов 3, 4 2—3 или 6, с некоторыми приводимыми далее исключениями, следует различать, является ли их функтор морфологически простым и, следовательно, не способным к согласованию ($^{d}Ff^{i}$), или же он усиливается плеонастическим суффиксом *-o*... (<санскр. *-ka-*) и, следовательно, является способным к согласованию ($^{d}Ff^{c}$). Такое различение является релевантным и для связки и связочных глаголов (. *c*). Учитывая, что некоторые комбинации имеют одинаковую дистрибуцию, получаем две группы:

1) $Ff^{i} \| Ff^{i} \cdot c^{i} \ldots.$
2) $Ff^{c} \| Ff^{i} \cdot c^{c} \| Ff^{c} \cdot c^{c} \| Ff^{c} \cdot c^{c} \ldots.$

От степени согласования здесь можно отвлечься. Индекс ^{i} или ^{c} нецелесообразно было бы применять к функторам тех зависимых членов предложения, управляющий член предложения которых имеет функтор разряда 7, 8 и 9, а также к функторам тех зависимых членов предложения функции C, управляющий член предложения которых имеет ту же функцию.

До тех пор, пока члены предложения исследовались в отдельности, а не в их взаимоотношениях, достаточно было принимать во внимание их функцию как членов предложения и выражающий ее функтор. Остальные только что названные дистинктивные признаки приобретают значение лишь при исследовании синтаксических отношений.

Отдельные функции членов предложения могут быть реализованы разными функторами, например:

S 1 — «*dādura* mudita» (TG) «лягушки обрадовались»;

S 3 1 — «saba ko *bhāvato* bhayo» (TK) «было то, что всем понравилось (буквально: всех нравящееся было)»;

S 4 1 1 — «mora *jāba* tava nagara na hoī» (TRm) «нет моего отхода в твой город (т. е. я в твой город не пойду)»;

S 5 1 — «*mai*^{n} ati dīna» (TVp) «я очень беден»;

S 5 3 — «*terī* kahā calī» (TK) «удалось ли твое (дело)?»;

S 6 1 — «hoi palaka maha^{n} *nīko*» (TVp) «в этот миг (наступит) счастье»;

S 6 2 — «to ko *mo se* ati ghane» (TVp) «подобно мне для тебя весьма многие (т. е. ты имеешь весьма много подобных мне)»;

S 7 1 — «*avalokata* mukha deta parama sukha» (TG) «смотреть на (это) лицо есть величайшее счастье»;

S 9 — «so ki doṣa guna ganaī *jo jehi anurāgaī*» (TP) «считает ли недостатки (и) достоинства тот, кто кого любит?»;

P 1 — «ūdho parama *hitū*» (TŚ) «Уддхава (есть) величайший благодетель»;

P 2 2 — «nara kapāla jala bhari *piahi*^{n} *pīāvahi*^{n}» (TP) «пьет (и) дает пить воду из (человеческого) черепа»;

P 3 1 — «tṛṣā *sūkhi ge* a^{n}ga» (TD) «члены высохли от жажды»;

P 3 2 1 — «jānakīsa kī kṛpā *jagāvatī* sujāna jīva» (TVp) «ласковость Рамы пробуждает мудрые создания»;

P 3 2 2 — «kautuka hī kapi kudhara *liyo hai*» (TG) «обезьяна легко подняла гору»;

P 4 2 2 — «dūjo ko *kahaiyā au sunaiyā*» (TK) «кто другой рассказчик и слушатель?»;

P 4 3 2 — «*kībī* chamā» (TG) «следует совершить прощение»;

P 5 2 — «so hai *kauna*» (TVp) «кто он?»;
P 5 3 — «tulasī hai *mero*» (TVp) «Тулси мой»;
P 6 1 — «ati anīti *nīkī* nahī^n» (TS) «чрезмерная дерзость нехороша»;
P 6 2 — «mr̥du *pa^{n}kaja se* paga hai^n» (TG) «ноги подобны нежным лотосам»;
P 6 3 — «*kaiso* tero hiyo hai» (TS) «какое у тебя сердце?»;
P 7 1 2 — «mukha pata *dīnhe rahai^n*» (TVs) «они остались с устами, закрытыми покрывалом»;
P 9 — «so dhau^n ko *jo nāma lāja te^n nahi^n rākhyo raghubīra*« (TVp) «кто тот, кого Рама не защитил, стыдясь осрамить (свое) имя?» и т. д.

Уже из этих примеров ясно видно, что дистрибуция членов предложения определяется не только их функцией как членов предложения, но также функтором, выражающим эту функцию.

В качестве синтаксических отношений, т. е. отношений между членами синтагмы, обычно приводятся координация, детерминация и предикация. И если при этом оставить в стороне остальные, несинтагматические отношения между членами предложения, это будет означать остановку на полпути при исследовании действительных синтаксических отношений. В предложениях «namita sīsa socahi^n»(TG) «тоскует, (имея) склоненную голову» и «kāhi anurāgau^n» (TVp) «кого я должен почитать» в обоих случаях речь идет о детерминации, однако уже при первом взгляде здесь можно заметить наглядное и существенное качественное различие. Отношения координации, детерминации и предикации получают именно такую квалификацию лишь с точки зрения содержания. Так же как и при исследовании членов предложения, здесь было бы весьма целесообразно учитывать и аспект формы, чтобы можно было прийти к конкретным и детализированным выводам. Первое из возможных отношений по содержанию между членами синтагм — координация — является нулевым отношением; точно так же и первое из формальных отношений — ассоциация (примыкание) — является нулевым отношением. Двумя другими формальными отношениями являются согласование и управление.

Каждое синтаксическое отношение (Σ) является диалектическим единством отношения по содержанию (координация, детерминация, предикация) и отношения формального (примыкание, согласование, управление). Графически это можно было бы изобразить так:

Формальные отношения \ Отношения по содержанию	Координация	Детерминация	Предикация
Примыкание	Σ 1	Σ 4	Σ 7
Согласование	Σ 2	Σ 5	Σ 8
Управление	Σ 3	Σ 6	Σ 9

Эти девять типов синтаксических отношений имеют, разумеется, разную частотность; так, Σ 2 и Σ 3 в хинди не засвидетельствованы вообще. Важно отметить, что одному отношению по содержанию не обязательно должны соответствовать одна лишь форма; так, отношение предикации может быть выражено формальным отношением примыкания, согласования и управления. Частотность этих возможностей, конечно, разная; она может служить одним из типологических критериев.

Если принять во внимание лишь содержание членов предложения и синтаксических отношений, можно прийти к такой таблице:

^{h}Ff \ ^{d}Ff	В координации	В детерминации	В предикации
S	*S*	*O, A, C*	*P*
P	*P*	*O, A, C*	(*S*)
O	*O*	*O, A, C*	(*P*)
A	*A*	*O, A, C*	—
C	*C*	*O, A, C*	—

Отсюда следует, что в отношении координации могут быть только члены предложения, совпадающие со своими функциями, и что детерминация и предикация являются взаимно дополняющими отношениями. В связи с этим целесообразно, отвлекшись от координации, суммировать вместе детерминацию и предикацию, в результате чего получается следующая упрощенная таблица синтаксических (или, точнее, синтагматических) отношений:

	Детерминация или предикация
Примыкание	Σ 1
Согласование	Σ 2
Управление	Σ 3

В целях последовательности можно ввести еще символ Σ 0 (нуль) для координации. Примеры разных отношений между членами синтагмы:

Σ 0

S 1 : *S* 1 — «. . .kahai^{n} *sura kinnara nāga*» (TG) «говорят боги, полубоги (и) змеи»;

S 9 : *S* 9 — «. . .*bhau^{n}ha kamāna sa^{n}dhāna suṭhāna je nāri bilokani bāna te^{n} bā^{n}ce kopa kṛṣanu gumānu avā^{n} ghaṭa jyo^{n} jina ke mana āva na ā^{n}ce lobha sabai naṭa ke basa hvai kapi jyo^{n} jaga me^{n} bahu nāca na nāce* nike hai^{n} sādhu sabai» (TK) «те, кто устоял перед стрелой, направленной женским взглядом из кокетливого лука бровей, те, чьи мысли, как горшки, не распалились огнем гнева в печи гордости, те, которые, будучи захвачены танцором жадности, не танцевали в (этом) мире многих танцев, как обезьяны, (те) все — добрые святые»;

P 2 2 : *P* 3 2 2 — «*kiyo karaigo* to se khala ko bhalo» (TVp) «делал (и) сделает благо такому грешнику, как ты»;

O 1 : *O* 1 — «. . .*sā^{n}ca kidhau^{n} jhūṭha* mo ko kahata kou kou» (TVp) «каждый говорит мне правду или ложь»;

A 1 : *A* 5 3 — «*rāvarī pināka me^{n}* sarīkatā kahā^{n} rahī» (TK) «где твое отношение к луку?»;

C 1 : *C* 6 2 — «*la^{n}kā lūka so* āyo» (TG) «пришел на Цейлон, как солнце»;

C 4 1 2 : *C* 7 2 2 — «gaī *mārana* pūtana kuca kāla kūṭa *lagāi*» (TVp) «Путана ушла убить (его), намазав себе грудь ядом».

Σ 1

S 1 : *P* 8 1 — «sabahī te^{n} *adhika* gīdha rāja kī mīcu» (TD) «смерть короля орлов была более всего»;

S 5 2 : *A* 6 2^{i} — «*nārada kara* mai^{n} *kāha* bigārā» (TRm) «что Нарадово я погубил?»;

S 9 : *P* 3 1 — «*jehi laī so bā^{n}co*» (TVp) «кто взял, тот спасся»;

P 2 1 : *C* 1.7 1 2 — «*hoi na* bimala bibeka ura gura sana *kie^{n} durāva*» (TRm) «если (человек) отдалнется от учителя, в сердце у него нет чистого познания»;

P 3 2 1.2 1 : *O* 9 — «*jānata hau hama hai^{n} tumhare tumha me^{n}* (TK) «ты знаешь, (что) я твой (и) в тебе»;

A 3 1 : *C* 8 1 — «*āge^{n} pare* pāhana» (TK) «впереди упавший камень»;

C 6 1.7 1 1 : *C* 1 — «*rāma se bāma bhae*» (TK) «он отвернулся от Рамы».

Σ 2

S 1 : *P* 1.3 1^{i}.2 1 — «sāha hī ko *gotu gotu hota hai* gulāma ko» (TK) «род господ бывает родом раба»;

S 4 1 1 : *A* 6 2^{c} — «*masīta ko soibo*» (TK) «сон в мечети»;

P 2 1 : *C* 3 2 2^{c} — «acala rāja *calihai na calāyo*» (TG) «король гор [т. е. Гималаи] не сдвинется, даже если его подталкивать»;

P 3 2 2^{c}·2 1 : *O* 3 2 2^{dir} — «tumha kānha hī kī *kahī* kyo^{n} na kahī hai» (TŚ) «почему ты не сказал слова Кришны?»;

O 1 : *C* 6 1^{c}·3 2 2^{i} — «prabhu bidhi *bacanu kīnha* caha *sācā*» (TRm) «господин хочет сделать истинным слово Брахмы»;

A 6 2 (1) : *A* 6 2^{c} — «cahū^{n} disi *bhā^{n}ga kī ṭāṭinha ke* paradā hai^{n}» (TK) «с четырех сторон занавески из конопляных рогож»;

C 1 : *A* 6 1^{c} — «*sarajū ke tīra*» (TG) «на берегу [реки] Сараджу»;

C 6 1 : *A* 8 1·3 2 2^{c} — «*dūri kiye dīna ko* na dūsarī sarana» (TVp) «отвергнутому убогому нет иного пристанища».

Σ 3

S 1 : *P* 8 1·3 2 2 — «*rāma* sabani kī *dūri karī* saba sūla» (TVp) «Рама устранил всю муку всех»;

S 4 1 2 : *O* 1 — «*giri dekhana* mana anurāgata» (TG) «вид гор радует дух»;

P 2 2 : *O* 3 2 2 — «*sunahi samujhāyo*» (TG) «послушай разъясненное»;

P 3 2 1.2 1 : *O* 6 1 — «*poca na karata hau^{n}*» (TK) «я не делаю дурного»;

O 4 1 2 : 3 1 — «lakhanu *puru dekhana* cahahi^{n}» (TRm) «Лакшмана хочет видеть город»;

C 4 1 2 : *O* 1 — «*jala lena* laṣana gae» (TG) «Лакшмана шел взять воду»;

C 7 2 2 : *O* 1 — «*dulaha dulahaninha dekhi* nāri nara haraṣahi^{n}» (TJ) «увидя жениха (и) невесту, женщины (и) мужчины радуются»;

C 8 1.7 2 2 : *O* 1 — «*sīya āge kari*» (TG) «подвинув Ситу вперед».

Приведенные здесь примеры показывают отношения между членами синтагм; их можно назвать синтагматическими. Что же представляют собой отношения между членами различных синтагм? Г. Глисон упоминает об этих экзосинтагматических отношениях, считая, однако, их исследование излишним[2]. Его мнение основывается на материале английского языка; для хинди же, как мы полагаем, подобные отношения весьма важно не упускать из внимания. Для примера возьмем предложение «jagatī jāmata hinu haī» (TG) «(даже) не засеянная земля родит», которое имеет следующую синтаксическую структуру:

[2] См. Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959.

$S\,1 \quad : \quad P\,3\,2\,1 \quad : \quad C\,3\,2\,2^c$

Эндосинтагматические отношения здесь $S\,1 : P\ 3\ 2\ 1$ и $P\ 3\ 2\ 1 : C\,3\,2\,2^c$; в обоих случаях это $\Sigma\,1$. Экзосинтагматическое же отношение $S\,1 : C\ 3\ 2\ 2^c$ является $\Sigma\,2'$. Доказательством того, что это экзосинтагматическое отношение, осуществляющееся через посредствующий член предложения $P\ 3\ 2\ 1$, действительно существует и имеет некоторое практическое значение, является то обстоятельство, что член предложения $C\ 3\ 2\ 2^c$ в форме женского рода ни в коей мере не находится в согласовании со своим управляющим членом предложения $P\ 3\ 2\ 1$, но он согласуется с членом предложения $S\ 1$, с которым он не находится в пределах одной синтагмы. Аспект грамматического рода и числа в форме сказуемого здесь вообще не выражен.

В таком случае можно утверждать, что отношения между членами предложения являются транзитивными: $S : P + P : C \rightarrow S : (P) : C$. Подобным же образом и далее, например $A : S + S : P + P : C \rightarrow A : (S : P) : C$[3].

Синтаксические отношения, т. е. отношения эндо- и экзосинтагматические, тесно связаны между собой и образуют вполне определенную систему:

Количество Ff в предложении		1	2	3	4	5	...	n
Количество эндосинтагматических отношений		0	1	2	3	4	...	$n-1$
Количество экзосинтагматических отношений[1]	1 посредствующий Ff	0	0	1	2	3	...	$n-2$
	2 посредствующих Ff	0	0	0	1	2	...	$n-3$
	3 посредствующих Ff	0	0	0	0	1	...	$n-4$
	...	...	...	...	...	...	...	...
Количество синтаксических отношений при m посредствующих Ff		...	...	...	...	...	...	$n-(m+1)$
Количество эндосинтагматических и экзосинтагматических отношений в предложении		0	1	3	6	10	...	$\frac{n^2-n}{2}$

[1] Можно установить только в предложениях, синтаксическая структура которых абсолютно симметрична.

*

Признавая сложность языковой действительности, необходимо признать также, что соответственно и тот метод анализа, основа которого здесь представлена и при помощи которого, как предполагается, можно выяснить даже несамоочевидное синтаксическое явление, в своих результатах, видимо, сложнее традиционного метода. Его предпосылки, однако, с точки зрения основных принципов проще и, помимо всего, имеют то преимущество, что включают сравнительно изолированную систему синтаксиса в более широкий круг отношений.

Перевела с чешского *О. А. Лаптева*

[3] См. об этом мою статью «The exosyntagmatic relations in Hindi» («K. M. Munshi felicitation volume», Bombay, 1963).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

Ю. М. ЛОТМАН

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ СТРУКТУРЫ

Вопрос о значении новых — все более точных — методов изучения языка имеет большое значение для литературоведения. Изучение опыта современного языкознания и использование его для построения подлинно научного, пользующегося точными и однозначными методами анализа литературоведения — актуальная теоретическая задача. Структурное изучение плана содержания в языке и литературе, идеологических конструкций разного типа, имеет большое научное значение. Оно позволяет разобраться в вопросе: действительно ли структуральный метод связан с формалистическим игнорированием содержания? В самом деле, в реакционном литературоведении Запада существует тенденция к подобному истолкованию структуральных методов анализа. Однако наиболее вдумчивые ученые на Западе, не говоря уже о советских ученых, исходят из представления, что само понятие языка (или любого иного структурного явления) как знаковой системы неизбежно ставит вопрос о значении. Так, К. Леви-Стросс еще в 1956 г. в статье «Структура и диалектика» писал: «В мифологии, как и в лингвистике, формальный анализ немедленно ставит вопрос: содержание»*.

Мы не ставим перед собой цели рассматривать во всем объеме вопрос о соотнесении идеологического и лингвистического в языковых и выраженных языком системах. Покажем лишь, что на лексико-семантическом и более сложных уровнях, особенно вступая в области стилистики и собственно литературоведения, лингвист не может отказаться от помощи историка идеологии.

Явление полисемии хорошо известно и многократно было предметом лингвистических наблюдений. Поскольку в любом языке количество единиц содержания бесконечно больше, чем единиц выражения, и число первых возрастает значительно быстрее, чем вторых, одним из наиболее общих явлений семантики становится многозначность. Одно и то же слово соответствует целому ряду родственных, расходящихся и порой весьма далеко друг от друга отстоящих значений. Однако многозначность присутствует в слове лишь как возможность: информационная природа языка стремится не допускать смысловой неопределенности. Передающий заинтересован в том, чтобы вся информация, и именно в предусмотренном объеме, была воспринята принимающим. Таким образом, необходима определенная система отбора, которая исключала бы ненужное и становящееся вредным многозначие, оставляя одно — единственно необходимое — значение. Роль подобного регулятора играет контекст. Слово в реальной языковой ситуации никогда не выступает изолированно, как в словаре. Оно всегда входит в известную речевую и внеречевую ситуацию, которая определяет однозначность семантического восприятия. Так, на-

* C. Lévi-Strauss, Structure et dialectique, сб.: «For Roman Jakobson», The Hague, 1956, стр. 294.

пример, в выражении: *Мне прописали диетический стол* семантика слова *прописали* и *диетический* исключает все потенциально заключенные в слове *стол* значения[1], кроме одного — медицинского. Представим другое предложение: *У него тот же стол, что и у меня.* Взятое само по себе, оно не обеспечивает необходимой однозначности. Но в реальной речевой практике оно не может существовать само по себе. Оно включено в определенное высказывание и в определенную жизненную ситуацию, которые придают ему необходимую однозначность, снимая избыточность значений[2]. Таким образом, для того чтобы ограничить круг значений слова, следует составить перечень типичных контекстных сочетаний. Правда, он даст лишь определенные основные пучки значений, поскольку каждый контекст, по сути, складываясь в индивидуальное семантическое единство, придает составляющим его элементам в свою очередь индивидуализированное значение. Но в любом случае именно контекст оказывается средством определения семантической наполненности слова, выделения его из всего ряда полисемантических значений. Однако это положение имеет отнюдь не универсальный смысл. Оно касается лишь тех случаев, когда содержание передаваемой информации аморфно, не имеет своей внутренней структуры. В обычном языковом акте мы имеем дело лишь с одной структурой—структурой самого языка. Иной характер приобретает дело когда речь идет о передаче средствами языка некоей иной, более сложной, понятийной структуры. Остановимся сначала на проблеме терминов.

Термин определяется как языковой знак, в котором единице выражения соответствует одна и только одна точно определенная единица содержания. Многозначность, субъективность семантического наполнения исключаются. Порой может казаться, что природа однозначности терминов условна: она определяется взаимной договоренностью использующих данный термин; семантика термина определяется по взаимному соглашению. С этим нельзя полностью согласиться: термин не просто однозначное слово. Он имеет и другую особенность — принадлежит языку той или иной науки. Следовательно, любой термин не существует сам по себе, а представляет собой звено в системе научных понятий. Определенное место его в этой системе, точная фиксированность отношений к другим объективным научным явлениям, а не условная конвенциональность определяют однозначность термина. Место его в системе понятий данной науки — а не место обозначающего его языкового знака в предложении — является для него контекстом, определяющим однозначность. Приведем пример: термин, обозначающий тот или иной музыкальный звук, возникает конвенционально (мы договорились называть данный звук — «ре»), но содержание термина, его однозначность определяются не этим, а однозначностью отношений этого звука к другим звукам данного лада. Языковой контекст, вне понимания системы данной науки, не раскроет нам природы термина или раскроет в очень смутном, приблизительном виде. Приведем другой пример: исследователь русской общественной мысли XVIII в. будет неоднократно встречать в публицистике той эпохи термин *естественное состояние.* Определяя его содержание контекстно (фразеологически), т. е. оперируя с ним не как с термином, а как с обычными языковыми знаками, мы можем получить самое общее представление о его семантике. Для того чтобы выяснить однозначную терминологиче-

[1] Ср. в других контекстах: *В зале накрывали стол на восемь—десять приборов*; *альпинисты осторожно обходили столы*; *вертеть столы*; *служил начальником стола* и др.

[2] См. об этом: T. Slama-Cazacu, Langage et contexte, 's-Gravenhage, 1961 (к книге приложена обширная литература вопроса). См. также: Г. В. Колшанский, О природе контекста, ВЯ, 1959, 4; его же, О формализации контекста, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1961, 5.

скую природу выражения *естественное состояние* у того или иного публициста, писателя или философа, необходимо иное: выяснение структуры его мировоззрения, соотнесения определяемых понятий с другими, их однозначного места в единой системе взглядов данного писателя. Истолкования природы человека, его врожденной склонности к добру или злу, способности или неспособности познавать окружающий мир и изменять своей природе под влиянием уродующего общественного воспитания, следовательно, вопрос о врожденно общественной или антиобщественной его природе,— вся система представлений мыслителя XVIII в. о человеке и обществе неизбежно вовлекается в содержание этого термина. Из представления А. Н. Радищева, что человек «существо, всесилию и всеведению сопричастное»[3], что «разум идет чувствованиям во след»[4], неизбежно вытекало представление о природной доброте человека, его врожденной склонности к общежитию. Следовательно, для Радищева, возникновение общественного договора, вводя человека в общество, не лишает его естественной свободы. Радищев отрицает пропасть между естественным и общественным состоянием, человеком и гражданином: «Закон положительный не истребляет, не долженствует и немощен всегда истребить закона естественного»[5]. «Гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком»[6]. В иной идеологической системе семантическое содержание тех же самых терминов будет иным. Масонские публицисты XVIII в. будут считать человека злым, эгоистичным по природе. Естественное состояние — война всех против каждого. Человек и гражданин — антиподы. Человек — злое, антиобщественное существо. Гражданин альтруистичен, обуздан силами морального императива, религиозного воспитания или спасительным насилием разумной власти.

Кроме этих двух полярных систем, можно было бы назвать десятки других идеологических структур, различно заполнявших понятие «естественного человека». Радищев не адекватен в этом случае Пнину, писавшему, что «всякой человек может сделаться гражданином, но гражданин не может уже сделаться человеком», а «права человека противоположны правам гражданина»[7], Руссо — Мабли, Дидро — Гельвецию. Весьма интересный материал дали бы в этом случае опыты сравнительной характеристики формально одинаковых, но семантически различных (входящих в разные системы) терминов, употребляемых разными публицистами одной эпохи. Так, например, структурно-идеологический метод позволит вскрыть интересную разницу в употреблении одинаковых терминов близкими публицистами, например Чернышевским и Добролюбовым. Однако, подойдя к подобной работе, лингвист неизбежно столкнется с недостаточностью чисто языковедческих методов. Ему придется восстановить идеологическую структуру, взаимообусловленность *составляющих ее понятий*, прежде чем установить специфику терминов — знаков, служащих для их передачи.

Правда, здесь может остро почувствоваться неразработанность другой стороны вопроса: описательное изучение тех или иных идеологических систем, рассматриваемых как сумма многочисленных положений и высказываний того или иного деятеля, а не как единая структура, в которой каждое положение получает смысл лишь в отношении к другим, ко всему целому и к потоку исторической реальности, не может оказать исследователю существенной помощи. А между тем именно такое изучение истории

[3] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., II, *Изд-во* АН СССР, М.— Л., 1941, стр. 51.

[4] Там же, III, стр. 346.

[5] Там же, стр. 10.

[6] Там же, стр. 47.

[7] Ив. Пнин, Опыт о просвещении относительно к России, СПб., 1804, стр. 24—25.

идеологии преобладает, к сожалению, в истории общественной мысли. Поэтому столь частым явлением оказывается субъективное, произвольное и неточное толкование цитат: будучи вырвана из той или иной идеологической структуры и включена в современное словоупотребление, цитата получает иной смысл. Вопрос о структурном изучении идеологических систем, о создании на основании наблюдаемых феноменов определенных конструктов и моделей, которые прояснили бы исторически данные системы теоретических представлений как общественные явления, еще весьма слабо разработан.

Возникает и другой вопрос: о специфике терминов гуманитарных наук. Словесные обозначения тех или иных научных понятий, не связанных между собою однозначными связями в единую структуру, не являются терминами, поскольку не наделены необходимой однозначностью. Мы можем сказать, что наука, не возвысившаяся до структурного анализа материала, до дифференциации ступени наблюдения и ступени конструктов с точным определением правил соответствия, т. е. до рассмотрения изучаемого материала как особым способом организованной структуры, не может иметь терминов. В этом смысле показательно современное литературоведение. Совершенно ясно, что такие распространенные понятия, как, например, «романтизм» или «реализм», не являются в настоящее время терминами, лучшим свидетельством чего выступает сама возможность споров об их наполнении. Термин возникает, когда обнаруживается на скрещении закономерностей некое однозначное явление, за которым закрепляется словесное обозначение. В литературоведении же до сих пор существует иной порядок: возникает словесное обозначение некоего диффузного явления, а затем разгорается спор о семантическом наполнении этого обозначения.

Труднее для анализа случай, когда высказывание служит для передачи структуры, более сложной, чем идейно-терминологическая. Например, когда мы имеем дело со стилистическими знаками, то их семантика раскрывается для нас лишь в сложной конструкции, объединяющей и языковые, и внеязыковые элементы. Приведем несколько примеров, которые убедят нас, что однозначность в восприятии текста не всегда обеспечивается элементарным контекстом: она подразумевает также понимание стиля, толкуемого не как совокупность определенных лексических и экспрессивных средств, а как идеолого-языковая структура, в которой система отношений каждого элемента к другим и ко всему целому обеспечивает его семантическую однозначность.

«Я ⟨...⟩ начал рассказывать о том, как поступили со мной. „Ты выслушай, что сделали со мной люди...“, — начал было я. „А что? — вдруг перебил он с испугом, — верно, обокрали?“ Он думал, что я говорю про лакеев»[8]. Взаимное непонимание героев объясняется тем, что обычного языкового и ситуационного контекста оказывается в данном случае недостаточно для однозначного определения семантики слова *люди*. Она меняется в зависимости от того, в какую идейно-стилистическую структуру, выполняющую в данном случае роль контекста в широком смысле, включено это слово. Конечно, в романе Гончарова сталкиваются не просто два языковых стиля, а две конструкции сознания: романтическая и бытовая, погруженная в практику дворянской эпохи. Гончаров настойчиво указывает читателю на правильное понимание структурных контрастов его повествования: «Тут и и с т и н н ы е д р у з ь я, тогда как есть просто друзья, и ч а ш а, тогда как пьют из бокалов или стаканов, и объятия п р и р а з л у к е, когда нет разлуки»[9].

[8] И. А. Г о н ч а р о в, Собр. соч. в 8 томах, I, М., 1952, стр. 154.
[9] Там же, стр. 84.

Аналогичный пример столкновения двух идейно-стилистических систем, наполняющих одно и то же слово различным содержанием, находим у Пушкина в черновых примечаниях к «Евгению Онегину»: «Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж. — По страсти, родимый, отвечала она. — Приказчик и староста обещали меня до полусмерти прибить»[10]. Столкновение двух значений слова *страсть* раскрывает принадлежность одного из них к структуре романтического сознания, которое в антитезе народному обнажает свою дворянскую природу. Еще один пример из стихотворного наброска Пушкина «Одни стихи ему читала...»:

«Тебя зову на томной лире,
[Но] где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?»
Но Анатоль не понимал...[11]

Сделанные наблюдения подводят еще к одному выводу. Мы видели, что семантическое содержание слова оказывается зависимым от стилевой структуры, в которую оно входит. Но стилевая структура — не высшая из возможно сложных структур. Входя в сложную конструкцию художественного произведения, стилевая структура выступает уже как компонент высшей структуры, и семантика ее (а, следовательно, и составляющих ее лексем) приобретает характер, производный от нового, более комплексного, целого. Так, во всех процитированных случаях перед нами — романтическая стилистика, сравнительно однотипная по структуре и к тому же подносимая читателю в сходно-ироническом освещении. Казалось бы, что мы можем говорить о равенстве семантической наполненности стиля во всех трех случаях. На самом деле это не так. Однотипные стилевые структуры входят в разные художественные конструкции и получают разный смысл. Практически это реализуется через сопоставление, причем одна и та же стилевая система сопоставляется с другими, не равными между собой, и это выделяет в ней самой разные семантические аспекты.

В примере из «Обыкновенной истории» романтический стиль сопоставляется с дворянско-бытовым. Лексическая общность («люди») выступает как основание для сравнения, выделяя семантическую противоположность. Романтический стиль раскрывается как выражение сознания не житейского, а условно-поэтического, далекого от непосредственной жизненной практики. В приведенной выше цитате из пушкинского примечания к «Евгению Онегину» романтический стиль выражает структуру сознания, противоположную крестьянской, но такая антитеза выдвигает на первый план социальный аспект, в свете которого понятие: «не крестьянский» равно «дворянский». В первом же случае «не житейский» значит «далекий именно от каждодневной дворянской практики». Таким образом, романтическое мышление в первом случае представляется как внесоциальное, оторванное от дворянской жизни, а во втором случае как подчеркнуто социальное, дворянское. То, что одна и та же стилевая структура вступает в разные комбинации, выделяет и в ней самой различные смысловые аспекты. Совсем с новой стороны предстает та же стилевая конструкция в третьем случае: романтическая структура представляется не как особый строй мышления, а как возвышенная с и с т е м а р е ч и, прикрывающая пошлую практику, ибо здесь романтическое и пошло-житейское не противопоставлены, а приравнены как тождество.

Необходимо отметить одну, чрезвычайно существенную для художественной литературы сторону вопроса: сложная семантическая структура, в состав которой включается то или иное слово, не только отсекает ненуж-

[10] А. С. П у ш к и н, Полн. собр. соч., VI, Изд-во АН СССР, М., 1937, стр. 536.
[11] Там же, III, кн. 1, стр. 465.

ные значения, оставляя единственно необходимое из всех, потенциально содержащихся (оно раскрывается исчерпывающим набором всех фразеологических контекстов), но и создает новые значения, невозможные в пределах чисто языковой структуры. Система со- и противопоставлений понятий, определяющая место данного понятия в общей системе, выражается через со- и противопоставление слов, придающих им особую, вне структуры невозможную, семантическую наполненность.

В связи с этим представляется возможным сделать одно уточнение. Часто можно встретить утверждение, что языку художественной литературы, в отличие от обычной речи, присуща особая полисемантичность. Существует и другое, близкое к этому мнение, согласно которому именно контекстная, т. е. структурно неорганизованная в плане содержания речь, свойственна искусству, а терминологический язык — одна из простейших форм структуры не языковой, а выражаемой средствами языка — диаметрально противоположен искусству. Это теория двух типов языка — эмоционального и логического как основы для разграничения искусства и не искусства. Л. И. Тимофеев пишет: «Сопоставив между собой язык логический и в первую очередь такую отчетливую его форму, как язык научный, и язык эмоциональный, мы легко можем заметить, что основное их различие состоит в том, как они выражают свое содержание ⟨...⟩ Если для языка логического [12] наиболее отчетливой предельной формой является слово-термин, то для языка эмоционального такую же роль предельной формы играет слово-междометие, не имеющее вообще устойчивого значения и получающее в каждом данном случае — ad hoc — определенный смысл» [13]. Сходной точки зрения придерживается М. Длуска [14] и ряд других авторов.

Между тем природу слова в художественной литературе нельзя объяснить простой антитезой логического и эмоционального. Включение слова в сложную и разноплановую структуру делает его семантику одновременно многоплановой и однозначной. Многоплановость связана с тем, что каждый из аспектов структуры (частная структура) дает слову свое семантическое наполнение, однозначность с тем, что чем больше противопоставлений-сопоставлений определяют место слова в данной структуре, тем индивидуализированнее его значение, однозначнее по отношению к замыслу автора. Все более сужается языковая многозначность (полисемантизм) и возрастает художественная многозначительность. Многозначность — с точки зрения точности информации — ненужное свойство, вытекающее из ограниченного числа означающих элементов. Для говорящего необходимо избавиться от него и добиться однозначности воспринимаемой информации. Многозначительность — свойство, возникающее именно в процессе отсечения ненужных значений при включении слова в сложную внеязыковую структуру, выраженную свойствами языка. Чем сложнее эта структура, тем однозначнее и многозначительнее слово [15]. В языке

[12] Л. И. Тимофеев утверждает, что научный и разговорный языки однотипны в своей противоположности искусству и первый лишь предельно проясняет тенденции второго («логическая речь — это речь, состоящая из слов-значений и их сочетаний»; язык науки представляет «отчетливую ее форму»). С этим трудно согласиться.

[13] Л. И. Тимофеев, Очерки теории и истории русского стиха, М., 1958, стр. 20.

[14] M. Dłuska, Miejsce nauki o wierszu w językoznawstwie, сб. «Z polskich studiów sławistycznych», II, Warszawa, 1958.

[15] Необходимо помнить, что даже в тех случаях, когда поэтическое слово содержит в себе много значений (вернее — многоплановое значение) — перед нами явление, принципиально отличное от полисемантизма. Речь в данном случае идет не о многозначности, которая должна быть устранена для избежания двусмысленной и ложной информации, во имя адекватного понимания текста передающим и воспринимающим, а о некоем сложном содержании мысли, которое именно во имя адекватности восприятия тре-

структура возникает исторически стихийно и выступает как с р е д с т в о передачи информации. В литературе структура рождается в результате творческого акта и представляет собой с о д е р ж а н и е информации, ее цель. Структура в этом случае становится м о д е л ь ю воспроизводимых писателем явлений жизни, получая все познавательные свойства модели.

Возникает еще одна трудность: внеязыковая структура, выраженная средствами языка, раскрывается перед воспринимающим через языковые значения, но, как мы имели возможность убедиться, без понимания всей структуры нет понимания и составляющих ее реализацию слов-значений. Возникает кажущееся противоречие: целое дается лишь через понимание частей, но части постижимы только в их отношении к целому.

В этом и состоит специфика восприятия структур, данных средствами языка. Дело в том, что структурная семантика слова находится всегда в определенном отношении к контекстно-языковому значению. Читая художественное произведение и не понимая еще всю сложность замысла автора, мы тем не менее понимаем его текст, если владеем языком, на котором оно написано. Это текстуальное понимание дает грубое, в первом приближении, представление об идейной структуре. Это представление по-новому раскрывает нам текст, что, в свою очередь, изменяет наше суждение о структуре идей и вновь возвращает к тексту. Между пониманием семантики отдельного слова и семантики структуры существует отношение соотнесенности. Когда мы пользуемся языком как средством информации, перед нами проходит протяженная во времени цепь значащих сигналов, каждый из которых привлекает наше внимание однократно. Художественное произведение воспринимается как целостная структура, что неизбежно требует постоянного возвращения к уже, казалось бы, выполнившим свою информационную роль деталям. Постоянную пульсирующую связь частей и целого, слова и смысловой структуры произведения логически можно представить в виде спирали, число витков которой прямо пропорционально сложной многозначительности системы, т. е. глубине произведения искусства.

Таким образом, изучение лингвистическими средствами текста, высказывания любой протяженности, включая и понятие «все сказанное на этом языке», не может дать исчерпывающего представления о мысли, вложенной автором в литературное или научно-публицистическое сочинение, т. е. о подлинной семантике текста. Кроме лингвистической структуры, необходимо учитывать и структуру передаваемого содержания, которая, хотя и передается средствами языка, но не является языковой по своей природе.

Однако подобная с т р у к т у р а с о д е р ж а н и я не может быть постигнута из простого перечня тех или иных, пусть даже и справедливых, наблюдений над идеологией и мастерством писателя. Необходимость применения точных методов к изучению идейно-художественных структур, важность выработки в этой области однозначных терминологических систем осознается в настоящее время очень остро. Выражением этого является стремление к упорядочению терминологии гуманитарных наук. Однако надо иметь в виду, что никакие терминологические конвенции не помогут, пока не уяснены структурные качества данной системы.

Необходимо отличать не выраженный словами ситуационный контекст как средство языковой и как средство литературной выразительности. Ближайшее рассмотрение убеждает нас в том, что мы имеем дело с принципиально различными вещами. Возьмем два случая. Первый: смысловое

бует усложнения словесной структуры. При любой комплексности, многозначительности семантики текста она будет однозначна по отношению к авторскому замыслу

содержание высказывания *у меня второй стол* определяется не выраженной словами ситуацией — дело происходит в санатории. Второй: семантика стихотворения определяется находящимся за пределами непосредственно данного текста «образом автора», возникающим из других произведений и известного читателю биографического облика писателя. Определяя природу подобного художественного явления, Г. А. Гуковский писал: «Денису Давыдову удалось создать яркий и очень точно очерченный образ героя своих стихотворений, образ самого себя, и в этом образе элементы его биографии нерасторжимо переплелись с чертами его поэтического персонажа. Если мы обратимся к его собственному творчеству, то убедимся, что этот образ обуславливает восприятие каждого отдельного стихотворения. Он возникает именно из суммы его стихотворений, в значительной степени между стихотворениями»[16]. Руссо, который не случайно счел необходимым познакомить читателей со своей л и ч н о с т ь ю, считал, что она, оставаясь за пределами текста, необходима для понимания семантики текста: «Если порой мои выражения неясны, я стараюсь, чтобы мое поведение уточнило их смысл»[17]. Не выраженная словами ситуация в первом — языковом — и втором — литературном — случаях имеет различную природу. В первом случае она аморфна, во втором — структурна. Аморфной ситуацией мы называем определенный комплекс фактов, не связанных между собой однозначными, только данному явлению присущими отношениями и, следовательно, не составляющих единства высшего порядка. Так, из всех многочисленных связей структурного понятия «санаторий» для нас в данном случае важен лишь один признак: ситуация «санаторий» исключает все ситуации «не санаторий» и, следовательно, отсекает все избыточные значения слова *стол*. Понятие имеет чисто негативный характер, и собственная его структура в ситуацию высказывания не входит. Структурная ситуация представляет целое, к которому данный текст относится как часть. Любая характеристика отношений между элементами этого целого, вся сумма этих отношений, т. е. с т р у к т у р а, влияет на семантику текста. Образ автора в данном случае — строго однозначная структура, определяющая читательское восприятие как адекватное авторскому замыслу.

Рассмотрение различий в лингвистическом и литературоведческом понятии структуры подводит нас к следующему наблюдению. Ряд лингвистов склонен считать, что из двух планов языка: плана содержания и плана выражения — именно последний представляет собой организованную замкнутую структуру, в то время как система первого разомкнута, текуча и в строгом смысле структурой не является. С этим связано скептическое отношение к возможности построения, например, структурной лексикологии. Более мотивирована точка зрения Л. Ельмслева, который, считая, что содержание и выражение в языке представляют собой функтивы, «включающиеся в знаковую функцию», отмечает: «Между функцией и классом ее функтивов всегда существует солидарность: функция невозможна без своих функтивов, а функтивы — всего лишь конечные точки функции и, таким образом, невозможны без нее»[18]. Таким образом, структурность обоих планов мыслится как проявление единой структуры языка. Однако и Ельмслев считает, что структурным «содержание» становится лишь в языке, заимствуя от языка его структуру. Взятое само по себе (Ельмслев определяет его в этом смысле термином «материал содержания»), оно

[16] Г. А. Г у к о в с к и й, *Очерки по истории русского реализма*, ч. 1, Пушкин и русские романтики, Саратов, 1946, стр. 120.

[17] Ж.-Ж. Р у с с о, Избр. соч., III, Гослитиздат, М., 1961, стр. 461.

[18] Л. Е л ь м с л е в, Пролегомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 306.

аморфно. Сравнивая выражение *не знаю* на датском, английском, французском, финском и эскимосском языках, Л. Ельмслев пишет: «Итак, мы видим, что неоформленный материал, извлеченный из всех этих лингвистических цепей, различно формируется в каждом из языков. Каждый язык проводит свои границы в аморфной „массе мыслей", по-разному располагает их и выделяет различные факторы; помещает центры тяжести в различных местах и дает им различную эмфазу. Это похоже на одну и ту же горсть песка, которая принимает совершенно различные формы⟨...⟩. Можно сказать, что парадигма в одном языке и соответствующая парадигма в другом языке покрывают одну и ту же зону материала, который, будучи абстрагирован от этих языков, представляет собой нерасчлененный аморфный континуум, на котором проложило границы формирующее действие языков»[19].

Не все в приведенных высказываниях представляется бесспорным. Можно было бы отметить, что и система окружающего человека материального мира, и сознание человека, класса, поколения в каждый отдельный момент их существования — явления не аморфные, а связанные строгой системой отношений в структуры. Следовательно, говорить об аморфности «материала содержания» языка можно лишь с определенными оговорками. Однако следует иметь в виду и другое: эти структуры столь обширны и труднообозримы, сама их структурность столь скрыта от наивного наблюдателя, обнажаясь лишь в результате исследовательских усилий, что по отношению к зримо замкнутой системе языка они действительно выступают как разомкнутые и аморфные.

Положение резко меняется при переходе из сферы языка в область словесного искусства. Здесь «материал содержания» сам структурен, так как представляет собой воспроизведение жизни, воссоздание ее структуры в том виде, как она понимается писателем. Достаточно взять произведения литературы, живописи и скульптуры, принадлежащие к одному направлению искусства, и снять с них все, специфическое для словесности, живописи и пластики, чтобы обнажилась некая общая для них структура художественного мышления, не зависимая от материала данного искусства. Эта структура будет более отвлеченной и, следовательно, менее содержательной, чем ряд промежуточных структур, занимающих логически место между нею и данным произведением искусства во всей его конкретности. Однако она интересна для нас как пример структуры, которая может быть описана средствами языка, но по природе своей языковой не является.

Это не означает, что характер средств воплощения данной структуры авторского замысла безразличен для природы самого замысла. Можно предположить, что если в языке допустимы разные пути выражения одного и того же содержания, то в искусстве такой возможности нет. Рассмотрение этого сложного вопроса выходит за рамки нашего сообщения, однако можно отметить, что в словесном искусстве структура содержания реализуется через структуру языка, образуя комплексное сложное целое.

Таким образом, между лингвистическим и литературоведческим понятиями структуры имеется значительное различие. Языковая структура является условием, с р е д с т в о м передачи информации, литературная — ее целью и с о д е р ж а н и е м. Чисто лингвистические средства анализа не раскроют перед исследователем структуры художественного текста. Но ясно и другое: вне учета достижений современного языкознания наука о литературе не выработает своей, насущно необходимой методологии структурного изучения художественных явлений, методологии, которая позволила бы избавиться от игнорирования художественной природы словесного искусства и от субъективизма в его истолковании.

[19] Там же, стр. 310.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ *

Вопрос № 11. «Какой должна быть густота сетки населенных пунктов при сборе материала для атласа? По какому принципу и на каких территориях она должна быть сгущена или разрежена?»

Если бы фактор времени обследования диалектов на данной территории понимался как величина постоянная, то взаимоотношение количества обследуемых пунктов и количества обследуемого материала было бы обратно пропорциональным. За одно и то же время можно изучить много материала в немногих пунктах или же мало материала во многих пунктах. Оптимум «много материала во многих пунктах» осуществить трудно, поэтому на практике густота сетки пунктов значительно редуцируется. Очень сокращенную сетку пунктов (всего 640) предлагают для славянского лингвистического атласа Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн [1]; З. Штибер предлагает лишь 353—418 пунктов для всей славянской языковой территории [2].

При определении густоты сетки обследуемых пунктов приходится учитывать некоторые факторы, из которых первое место занимает степень диалектной раздробленности. С этой точки зрения, сетка должна была бы быть разреженной там, где диалекты мало дифференцированы, и густой там, где диалекты сильно дифференцированы. При этом абсолютная площадь территории диалекта, компактность и плотность населения, количество людей, говорящих на данном диалекте, являются моментами второстепенными и несущественными. Подход к определению сетки в зависимости от диалектной раздробленности практически мог бы привести к тому, что в принципе оказалось бы отобрано столько пунктов, сколько диалектных групп, подгрупп и т. п. представлено на данной территории. При последовательном проведении этого принципа пришлось бы включить в сетку и отдельные пункты, диалект которых резко отличается от окружающей его диалектной среды. На территории некоторых языков, особенно там, где происходили частые передвижения населения, таких случаев представлено много.

Однако проблему густоты сетки нельзя решить лишь путем механического отбора определенного числа пунктов. Необходимо учесть также еще один критерий, используя который можно дать ответ не только на вопрос о том, сколько пунктов нужно отобрать, но прежде всего на вопрос о том, какие пункты следует отобрать, чтобы обеспечить полноту обследования как со стороны материала, так и в плане географическом.

Полнота обследования предмета определяется внутренней структурой исследуемого явления (процесса), т. е. в конечном результате совокупностью всего материала, которым документируются отдельные характер-

---

* Продолжение публикации ответов на анкету, помещенную в № 5 за 1960 г. (стр. 45—46).

[1] Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн, Лингвистическая география и структура языка, М., 1958, стр. 28—29.

[2] Zd. Stieber, O projekcie ogólnoslowiańskiego atlasu dialektologicznego, «Славянская филология. Сб. статей», I, М., 1958, стр. 131.

ные случаи изучаемого явления (процесса). Например, было бы недостаточно, если бы вопрос о рефлексах редуцированных был отображен на карте на примере одного слова или одного типа слов или если бы учитывалась только одна позиция редуцированного в слове и т. п. Этот вопрос необходимо осветить на материале всей совокупности слов, в которых была бы представлена каждая фонетическая позиция, с целью получить представление о проблеме в целом в лингво-географическом аспекте и вскрыть наиболее существенные для ее познания моменты.

Требование полноты обследования предмета не является абсолютным. Оно обусловлено теми структурами, которые сравниваются и противопоставляются на одинаковом уровне. Полнота обследования предмета при изучении рефлексов редуцированных в польском и чешском языках будет достигнута на ином материале, чем при изучении этой же проблемы в сфере чешского, словацкого и южнославянских языков и т. д. Из этого видно, что при выборе явлений и слов для славянского лингвистического атласа следует отбирать лишь те, которые однородны во временном и структурном отношениях. Таким образом, подбор материала для вопросника к славянскому лингвистическому атласу предполагает необходимость тщательного анализа материала с учетом цели обследования. Значительный процент различий, которые встречаются в диалектах отдельных языков, не войдет в славянский лингвистический атлас, так как с точки зрения общеславянских процессов эти различия являются гетерогенными.

Однако полнота обследования предмета зависит не только от самого языкового материала. Языковой материал должен быть полным и с лингво-географической точки зрения. Выбираемые для обследования населенные пункты должны в отношении процессов развития находиться на одном уровне и характеризоваться непрерывной преемственностью данного диалекта и населения с древнейших времен до современности без каких-либо переломов, которые могли бы произойти в результате смены исконного населения населением из другой диалектной среды.

Нельзя со всей определенностью утверждать, что чем больше число обследованных пунктов, иначе говоря, чем чаще и полнее сетка, тем полнее отображается лингво-географическая ситуация. Густота сетки должна определяться в зависимости от этапа процесса развития. Было бы теоретически неверно исследовать некоторое явление (процесс), относящееся к периоду праславянской раздробленности, в населенных пунктах, которые появились на данной территории, скажем, лишь в XVII—XVIII вв. благодаря переселению жителей из другого края. Даже если в таком пункте была бы установлена подходящая с формальной точки зрения ситуация, это было бы серьезной ошибкой, так как была бы указана ложная локализация дифференциации соответствующего праславянского процесса в том месте, где он не происходил.

Таким образом, сетка пунктов должна подвергаться анализу. Результатом будет ее сокращение, вызванное уже не практическими соображениями (сроками обследования, экономическими и кадровыми возможностями и т. д.), а обоснованное теоретически; его критерием следует признать временную однородность явления и выбираемых населенных пунктов. Игнорирование этого принципа и механистический подход к отображению территориального размещения языкового явления приводит порой к воссозданию чрезвычайно сложной картины, причем некоторые варианты в силу своей очевидной нерегулярности и взаимной несвязанности оказываются явно излишними. Эту неупорядоченность можно было бы преодолеть сопоставлением с историей заселения края. В определенных случаях подобный результат может быть полезен; иногда же, наоборот, сообразно

с целью исследования теоретически оказывается необходимым подбор иных мест, иной сетки пунктов.

К подбору пунктов для славянского лингвистического атласа нельзя подходить механически; нельзя с полной уверенностью опираться даже на степень дифференцированности, так как не всякая дифференцированность имеет отношение к праславянской дифференциации. Учитывая это, в сетку обследуемых пунктов не следует включать места, в которых происходит постоянная миграция населения разной диалектной или даже языковой принадлежности (города, промышленные центры, горнопромышленные области, большие транспортные узлы и т. д.). В этих областях нет исконных диалектов. Если даже в семьях или в бо́льших общественных ячейках и формируется какой-то узус, то он разрушается сразу же или в следующем поколении притоком новых элементов. В такой среде исконные диалекты смешиваются и становятся базой для создания социальных диалектов (слэнгов), которые по своему характеру не могут быть предметом лингвистической географии.

Далее, в сетку пунктов для славянского лингвистического атласа нельзя включать места, в которых историческая преемственность древнего заселения была нарушена эпидемией, войной или другим бедствием. В подобные опустевшие населенные пункты властвующий феодал сгонял подданных из своих владений, находящихся в иной диалектной области, или даже из области с другими языками и народностями. Из-за подобных перемещений населения характер диалектов некоторых краев оказался очень пестрым и измененным в своей основе. Нередки случаи, когда в соседних селах говорят на разных диалектах или когда диалекты различного типа сохранились в одном и том же населенном пункте, если по разным причинам, например из-за принадлежности к различному вероисповеданию, население не имело тесных общественных и языковых связей. Если все-таки во многих случаях происходило конвергентное развитие и диалект приспосабливался к общепринятому узусу соседних сел или края вообще, то в системе или в ее деталях и прежде всего в словаре всегда сохраняются какие-то остатки исконного диалекта, которыми подобные вновь заселенные пункты четко отличаются от древней базы заселения. Диалектная дифференциация таких населенных пунктов не имеет никакого отношения к дифференциации праславянской как по своей принадлежности к союзу диалектов исконного языка, от которых данный диалект оторвался территориально и в результате значительных структурных отклонений, так и через посредство элементов, заимствованных из диалектов новой родины, с которыми данный диалект, однако, полностью не слился. Поселения подобного типа нельзя включать в сетку пунктов для славянского лингвистического атласа прежде всего потому, что некоторые современные диалекты были бы зафиксированы в тех местах, где в период праславянской раздробленности были диалекты другого типа или даже другого языка, или же там, где не было никакого заселения.

Подобным же образом следует оценивать славянские вкрапления на неславянской языковой территории, которые возникли довольно поздно (например, словацкие языковые острова в Венгрии, в Румынии, а также в Югославии и Болгарии, возникавшие после турецких войн с начала XVIII в. вплоть до начала XIX в.). Хотя в диалектах этих островов частично законсервировалось древнее состояние, все же при совместном проживании жителей из различных краев исконной родины создавались новые целостные диалектные системы, которые на территории исконной родины не существуют. Отдельные их элементы, правда, существуют на исконной территории, но в иных системных связях и иных территориальных отношениях. По характеру своего возникновения эти новые диалекты

не имеют прямой и неразрывной органической связи с праславянской основой. Они отражают лишь дифференциацию, например, словацких диалектов, обусловленную конвергентным развитием различных словацких говоров в иноязычном окружении. Можно было бы зафиксировать на карте некоторые редкие архаизмы, сохранившиеся в условиях подобной изоляции, но для этого нет оснований, так как данное явление оказалось бы зафиксированным в том месте, где до XVIII в. вообще не было словацкого населения. (Сомнений в существовании славянских поселений на этой территории в эпоху Великоморавской державы быть не может, однако в данной связи об этом не приходится говорить.)

Славянский лингвистический атлас должен способствовать изучению структуры праславянских диалектов. Эта структура явилась исходным пунктом последующего развития отдельных славянских языков и их диалектов. Славянский лингвистический атлас призван осветить основные процессы развития, важные как со сравнительно-исторической, так и с сопоставительно-типологической точки зрения [3].

Сформулированная таким образом цель атласа обусловливает необходимость изучения при помощи указанных методов исконного автохтонного заселения, характеризующегося непрерывностью развития начиная от праславянского периода. Диалект этой территории представляет собой последнее звено в неразрывной цепи органически взаимосвязанных изменений. Территория этого древнего заселения характеризуется относительно однотипными и лишь в небольшой мере отличающимися диалектами. Чем дальше в глубь прошлого, тем больше исчезает современная диалектная пестрота и на передний план выступают признаки, которые характеризуют целые группы населенных пунктов и более крупные территориальные единства в их взаимном отношении и в отношении к другим параллельным, внутренне также аналогичным образом дифференцированным национальным единствам. В сетку пунктов для славянского лингвистического атласа и следует подбирать поселения с диалектом, являющимся однородным на значительной территории, который в известном смысле выполняет в данном крае роль общеупотребительного средства общения.

Но и в рамках таких диалектных единиц некоторые явления не всегда регулярно встречаются одновременно в каждом пункте. Например, из явлений *a*, *b*, *c*, *d* в пункте *A*, который включен в сетку, наличествуют лишь явления *a*, *b*, *c*; в пункте *B*, который не был включен в сетку, представлены явления *b*, *c*, *d*; в пункте *C*, который тоже не включен в сетку, имеются явления *a*, *c*, *d*. Возникает вопрос, следует ли на соответствующей карте отметить в избранном пункте *A* отсутствие явления *d*, хотя это явление наличествует во всех остальных селах диалектной группы, которую представляет пункт *A*. Для характеристики всей группы, вероятно, большее значение имеет наличие явления *d* во всех пунктах, чем его отсутствие в пункте *A*. Полагаем, что было бы правильнее обозначить наличие явления *d* в пункте *A* с соответствующим пояснением в комментарии. Такой подход потребовал бы от собирателя изучения отдельных явлений в более широком окружении, чтобы получить правильную картину распространения явления и снабдить комментарий теми необходимыми дополнениями и пояснениями, которые невозможно картографировать.

Лингво-географическое изучение и картографирование найденных факторов поможет уяснить лишь один из аспектов языкового явления или процесса. Лингво-географическая обработка является лишь шагом на пути

---

[3] Ср. сообщение Я. Белича о заседании международной диалектологической конференции по вопросам славянского лингвистического атласа в Варшаве («Slavia», XXIX, 2, 1960, стр. 321).

к исчерпывающему толкованию. Поэтому при лингво-географическом изучении и картографировании собранного материала следует обращать внимание и на другие аспекты, особенно на аспект временной и социальный. Отрыв горизонтального аспекта от аспекта вертикального и временного, несомненно, вылился бы в переоценку первого. Практически это проявилось бы в том, что карты сделались бы самоцелью. Такая опасность могла бы быть весьма существенной в том случае, если бы при недостаточно выкристаллизовавшемся представлении о теоретических целях всего предприятия упор делался бы больше на сбор огромного количества материала и на картографирование всего, что дифференцировано, чем на фиксирование лингво-географических данных, которые освещают внутренние процессы и их зависимость от географических и общественных условий.

Й. Штольц (Брно)

Перевел со словацкого *Л. Н. Смирнов*

Густота сетки и масштаб карт будут определяться географической дифференциацией данного явления. Сетка для явлений, рассматриваемых в синхроническом плане, должна ориентироваться на сетку национальных атласов. Подбор пунктов для исследования реликтных явлений может также подсказать анкета национальных атласов. В пограничных зонах, очевидно, придется сгущать сетку, принимая во внимание старые пограничные и культурные районы. На современных славянских территориях для собирания материалов будут намечены основные пункты. На неславянских территориях, где славянские лексические элементы сохранены в качестве субстрата в иноязычных диалектах, сетка будет мобильна; она будет определяться наличием того или другого явления на данной территории.

О. Ф. Рипецкая (Львов)

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Г. МОРОЗОВА

О «БЕЗЪЯЗЫЧНЫХ ГЛУХОНЕМЫХ» И ОБ ОВЛАДЕНИИ ИМИ СЛОВЕСНОЙ РЕЧЬЮ

В дискуссии 1950 г. по вопросам языкознания наряду со многими другими был выдвинут вопрос о языке и мышлении глухонемых; в частности, обсуждалось: на какой основе возникает мысль глухонемых? Если они не имеют словесной речи и если мысль не может существовать без языка, значит ли это, что глухонемые не мыслят? В ответе товарищам Д. Белкину и С. Фуреру[1] И. В. Сталин поставил под сомнение право именовать языком «язык жестов» и считать его средством общения; глухонемые в связи с этим были названы людьми «безъязычными», которые мыслят «лишь на базе... образов, восприятий, представлений», складывающихся «у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого бы то ни было содержания, т. е. она не существует»[2].

Обсуждение этих вопросов носило формальный характер; оно шло в отрыве от конкретного хода умственного развития глухонемых, от реального их общения, от практики их обучения и воспитания, независимо от их приобщения к производительному труду и к общей культуре. Правда, общий ход дискуссии заставил обратить внимание на ряд фундаментальных положений о языке как средстве общения и орудии мышления, о языке как действительности мысли, о недопустимости отрыва мышления от языка и т. д. И хотя с точки зрения психологии правильнее говорить о формировании мысли в слове, а не об облекании готовой мысли в языковую оболочку (ибо мысль с о в е р ш а е т с я в слове), все же эта дискуссия позволила пересмотреть ряд застывших положений в области специальной психологии и сурдопедагогики. Возникло требование обеспечить непосредственное общение глухих детей с помощью языка слов; вместо постановки обучения языку как учебному предмету была выдвинута задача создать систему последовательного обучения языку по принципу формирования речевого общения (С. А. Зыков, А. Ф. Понгильская, Б. Д. Корсунская и др.). Осуществление этой задачи было подготовлено рядом направляющих психологических и педагогических исследований.

Наряду с этим догматически сформулированные в брошюре «Марксизм и вопросы языкознания» положения породили ряд помех для плодотворного развития сурдопедагогической мысли. Прежде всего эти помехи и затруднения заключались в недиалектической постановке вопроса о безъязычных глухонемых, в умалении значения языка жестов как средства общения (при этом не учитывалось развитие этого языка, равно как и

[1] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 45—47.

[2] Там же, стр. 47.

условия развития самого глухонемого); язык жестов не признавался даже суррогатом языка, который мог бы так или иначе восполнить глухонемому отсутствие звуковой речи. Признание за глухонемыми возможности мыслить лишь образами снимало проблему своеобразных мимико-жестикуляторных (т. е. все же речевых) обобщений, существование которых было выявлено экспериментально (Л. С. Выготский, Р. М. Боскис, Н. Г. Морозова и др.). Для разработки проблемы мышления и речи глухих создались очень неблагоприятные условия. Утверждение, что «никоим образом нельзя переоценивать» значение семантики и что чрезмерное увлечение семантикой якобы ведет к пренебрежению языком как «непосредственной действительностью мысли»[3], вызвало тенденцию недооценивать работу с глухими детьми, направленную на овладение лексическим и грамматическим значением слова и на формирование понятий.

При разработке проблемы мышления и речи глухих в настоящее время нельзя не учитывать исследований Л. С. Выготского, показавших, что без обобщения, закрепленного в слове, без общепринятого, понятного для всех, достаточно широкого контекстного значения слов не может осуществляться общение между людьми. И обратно — вне общения не может быть достигнут достаточный уровень обобщения[4]. Поэтому семантика для теории овладения языком имеет первостепенное значение, и ее трудно переоценить при обучении словесной речи глухонемых.

Анализ понимания и употребления слов, усвоенных глухонемыми детьми, обнаруживает, что значение этих слов в понимании глухонемых претерпевает очень сильные ограничения. Например, слово *резать* или *отрезать* глухонемые дети очень долго относят только к резанию хлеба ножом; глагол *чистить* используют только в словосочетаниях *чистить зубы*, *чистить картошку*. Специальная работа по формированию обобщения дополняет ограниченную речевую практику глухих и облегчает овладение более широким значением слова и контекстной речью[5].

Формальное освещение вопросов глухонемоты в брошюре «Марксизм и вопросы языкознания» приводило к недоразумениям и в практике обучения. Прежде всего усилилась тенденция изгнать мимико-жестикуляторную речь («язык жестов») из всех учреждений для глухонемых детей, запретить ее использование в любых целях (или же закрыть на нее глаза, полагая, что дети не пользуются жестами как средством общения). Утверждение, что нельзя переоценивать значение семантики, на практике привело к тому, что при обучении глухонемых языку недостаточное внимание уделялось вопросам дифференциации и расширения значений слова, а также овладению грамматическими обобщениями.

*

Глухой ребенок, поступающий в школу или в детский сад для глухонемых, является по своим возможностям совершенно нормальным. Как правило, он обладает полноценным мозгом, сохранными речевым аппаратом и органами чувств, за исключением слуха; он способен ощущать и воспринимать все воздействия окружающего мира, кроме слуховых (в большинстве случаев за исключением очень громких слуховых раздражителей); он

[3] И. Сталин, указ. соч., стр. 38.

[4] См. Л. С. Выготский, Избранные психологические исследования, М., 1956, стр. 51—52, 432.

[5] См. об этом: Р. М. Боскис, О развитии словесной речи глухонемого ребенка, М., 1939; Н. Г. Морозова, О понимании текста, «Изв. АПН РСФСР», 7, 1947, стр. 200—207; А. М. Гольдберг, К вопросу об особенностях овладения значением слова у глухонемых школьников, «Труды Научной сессии по дефектологии [АПН РСФСР. Ин-т дефектологии]», М., 1958; Б. Д. Корсунская и Н. Г. Морозова, О постановке понятий в младших классах школ глухонемых, М., 1939.

в состоянии обобщать получаемые впечатления, усваивать навыки общественного поведения и трудовые умения, а при специальном обучении — и членораздельную речь. Глухота большей частью является результатом заболевания периферической нервной системы, повлекшего за собой полную или частичную атрофию слухового нерва, или же результатом поражения органа слуха; лишь в небольшом проценте случаев глухота бывает следствием врожденного недоразвития или поражения слухового органа или слухового нерва.

В исследованиях И. М. Соловьева, Ж. И. Шиф, М. М. Нудельмана и др. выявлено своеобразие восприятия, запоминания, узнавания и процессов мышления у глухонемых детей; однако, как показали исследования, эти отклонения сглаживаются в процессе обучения. Первоначально отмечается своеобразие и даже отставание в анализе и синтезе, в сравнении предметов, в умении подметить и обобщить достаточное количество необходимых признаков и т. д. В процессе обучения, однако, эти умения глухонемых возрастают более быстро, благодаря чему по своему умственному развитию они приближаются к слышащим детям. По мере овладения словесной речью и знаниями, получаемыми в школе, остается ничем не заполненным лишь отсутствие представлений о звучании предметов и о богатстве звуков, связанных с окружающей природой.

Неполнота слуховых ощущений и восприятий не столь резко сказывалась бы на развитии, если бы глухота не имела еще одного важнейшего последствия — глухой не слышит звуков человеческой речи. Лишь по этой причине не начинает говорить самостоятельно ребенок, родившийся глухим или оглохший до овладения речью; хотя речевые зоны его мозга и его речевой аппарат совершенно нормальны, они не получают необходимых импульсов извне вследствие нарушения слуха. Поэтому ребенок оказывается не только глухим, но и немым, т. е. глухонемым. Таких детей следует отличать от слухонемых детей, т. е. от детей, у которых слух сохранен, но они не могут говорить в силу недоразвития или поражения соответствующих зон мозговой коры. Развитие этих детей и преодоление детской слухонемоты (алалии, афазии) идет совсем иным путем, значительно более трудным.

Ребенок, родившийся глухим, первоначально ведет себя как обычный ребенок [6]; играя, он даже производит звуки, похожие на гуление слышащего ребенка, но он не может п о д р а ж а т ь звукам. Его вокализация (гуление) не переходит в лепет, который включает более членораздельные звуки родного языка и который возникает у слышащего ребенка в результате подражания. Он не воспринимает и не понимает к обычному сроку слов, с которыми к нему обращаются, не реагирует на произнесение своего имени. При анализе развития глухого ребенка необходимо также иметь в виду, что глухой не слышит не только слов, но и интонации, которая придает глубокий эмоциональный смысл словам. К концу первого или в начале второго года жизни глухой ребенок начинает понимать простейшие жесты окружающих и сам пользуется ими; к двум годам, хотя словесная и даже жестовая речь не пронизывает всей его деятельности, он может ориентироваться по видимым движениям рук и указательным жестам, которые приобретают для него сигнификативную функцию; глухой ребенок может быть столь же смышленым, как и слышащий, и даже в ряде случаев более догадливым, научившись учитывать малейшие оттенки выражения лица, движения рук окружающих его близких

[6] См. об этом подробно: I. K. E w i n g, A. W. G. E w i n g, New opportunities for deaf children, London, 1958.

людей. Однако без специального обучения он остается бессловесным, но не «безъязычным», так как у него постепенно развивается жестовая речь.

Отсутствие слуха на речь и вытекающая отсюда немота лишают ребенка не только речевого общения, но и широкого контакта со сверстниками, со старшими детьми и взрослыми, которых он не понимает и которые не понимают его; он лишен постоянных речевых впечатлений и пояснений, важных для понимания воспринимаемого, т. е. всего того, что движет вперед умственное развитие ребенка; он лишен могучего средства обобщения, систематизации всего воспринимаемого, а в дальнейшем — более глубокого познания свойств предметного мира. Поэтому он начинает отставать от слышащих сверстников, хотя до некоторой степени жестовая речь восполняет пробелы его развития. Совсем иная картина наблюдается, если ребенок утратил слух после становления речи, особенно, если окружающие учат ребенка обращать внимание на движение губ и лица говорящего, понимать речь по этим движениям, если они побуждают ребенка пользоваться уже приобретенной речью. Речь его сохраняется, а на основе общения и развивается; развивается также его словесное мышление.

Особое значение приобретает обучение глухого ребенка грамоте — чтению и письму. Если он до потери слуха успел овладеть умением самостоятельно читать и писать, то его речь и мышление развиваются не только на основе устного общения, но и на основе чтения литературы, на основе письменной речи, формирующей отвлеченное мышление. Его сознание почти не отстает в развитии, оно развивается и после потери слуха вместе с развитием словесной, хотя и беззвучной для глухого речи. Взрослые, потерявшие слух, научившись читать с губ, пользуются языком слов точно так же, как и нормально слышащие люди.

Итак, мы видим, как велики различия между глухонемыми; не случайно современная наука отказалась от существовавшего до середины нашего века общего термина «глухонемые». Изучение нескольких тысяч случаев нарушения слуха позволило Р. М. Боскис [7] составить классификацию, которая удовлетворяет требованиям дифференцированного обучения и речевого развития каждой категории этих детей. Согласно классификации Р. М. Боскис, те дети, которые на основании своего остаточного слуха не в состоянии самостоятельно овладеть хотя бы минимальным речевым запасом, выделены в категорию глухих (I) с двумя подгруппами: 1) глухие без речи; сюда относятся родившиеся глухими и оглохшие до начала развития речи, оглохшие на начальной стадии развития речи и утратившие речь, не получив нужного руководства (рано оглохшие); 2) глухие с сохранившейся или восстановленной речью, а также оглохшие во взрослом состоянии, имеющие развитую словесную речь (поздноглохшие). Во вторую категорию слабослышащих (II) отнесены дети, которые с помощью своего неполноценного слуха могут приобрести хотя бы минимальное количество приближенно оформленных и в какой-то степени осмысленных слов. В соответствии с особенностями развития речи слабослышащие в свою очередь разделяются на две подгруппы: 1) слабослышащие с недостатками произношения и легким аграмматизмом, зависящими от нарушения слухового анализатора; 2) слабослышащие с глубоким недоразвитием речи.

Как мы видим, классификация Р. М. Боскис ориентируется на уровень развития речи, на возможность использовать речь в той или иной мере при обучении, общении и в дальнейшем при овладении языком слов. Для каждой из этих категорий детей требуется особая система формирования речи или ее коррекции, особая программа и методы обучения основам

[7] Р. М. Боскис, Глухие и слабослышащие дети, М., 1963.

наук и трудовой подготовки; для каждой категории детей с нарушением слуха имеется специальная школа.

Таким образом, мы видим, что нельзя говорить, во-первых, о безъязычных глухонемых — все они в той или иной мере овладевают языком, на основе которого развивается их мышление; во-вторых, нельзя говорить о глухонемых вообще; они очень различны по уровню речевого развития и по способам общения.

Какими способами осуществляет глухой общение на разных этапах своего развития и как он овладевает языком слов и логическим мышлением, постараемся кратко осветить в следующем разделе.

*

У разных категорий детей с нарушением слуха характер общения между собой совершенно различен, как об этом можно судить уже из классификации Р. М. Боскис. Одни из глухих, а нередко и слабослышащих пользуются в общении только «языком жестов» (мимико-жестикуляторной речью), другие — языком жестов, дополняемым словесной речью в трех разных ее формах — устной, письменной или дактильной. Не следует отождествлять дактилологию, или дактильную речь (т. е. изображение обычных слов побуквенно с помощью пальцев рук), с мимико-жестикуляторной речью, изображающей предмет, действие с ним, его качество, нередко нерасчлененным жестом в сопровождении того или иного выражения лица. Очень немногие глухие пользуются исключительно языком слов, большинство употребляет в общении между собой мимико-жестикуляционную речь и дактилологию. По мере развития словесной речи недифференцированный, нерасчлененный жест поясняется дактильным или устным словом. Вместе с тем форма общения в большой степени зависит от характера самих употребляемых слов и понятий; например, научные термины, имена собственные выражаются словесно или дактильно, конкретные понятия или ситуации — при помощи мимико-жестикуляторной речи; эти разные формы общения могут встречаться у одного и того же человека с нарушенным слухом. Но в основном характер общения зависит от обучения и от уровня общего и речевого развития, которое — и это можно сказать как о словесной речи во всех ее трех формах, так и о языке жестов — бывает неодинаково у глухих и слабослышащих не только разных категорий и подгрупп, но и внутри одной и той же группы.

На начальном этапе обучения между глухими детьми и окружающими чаще всего происходит «предметно-действенное» общение, понятное из ситуации. По мере обучения в общение глухонемых включаются отдельные слова, слова-предложения; указательные жесты, употребляемые ими, усложняются: вначале одним и тем же жестом изображается и предмет и действие с ним; при этом жесты постепенно редуцируются, и от полной обрисовки контура предмета в воздухе (рисующие жесты) или его полного объемного изображения кистью руки (пластические жесты) остается один более или менее характерный штрих; многозначные жесты претерпевают дифференциацию благодаря присоединению к ним дактильного или устного слова либо путем соединения функционального или динамического (т. е. изображающего действие) жеста с рисующим или пластическим. Чаще всего в наиболее развитых коллективах глухих складывается и более развитая мимико-жестикуляторная речь.

Если обучение словесной речи идет интенсивно, то мимико-жестикуляторная речь мало развивается и даже вытесняется словом. Особенно содействует, как это показала экспериментальная работа Института дефектологии АПН РСФСР, развитию словесной речи использование дак-

тильной ее формы, включенной в повседневное общение и в процесс обучения [8].

Овладеть языком слов помогает глухому более старшего возраста и письменная речь, которая позволяет глухому осуществить зрительный контроль, вернуться к написанному или только что прочтенному (что затруднено при устном высказывании). Все буквы слова в письменном тексте доступны восприятию, тогда как при чтении с губ (по данным Ф. Ф. Рау) отчетливо видны лишь 12% звуков русского языка; большинство фонем (вернее артикулем или кинем) произносимого слова не поддаются зрительному восприятию (таковы, например, *к*, *г*, *х*; *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, *с*; *р*, *л*, *н*, *т*, *д*) или дифференциации (*п*, *м*, *б*; *ф*, *в* и т. д.). Кроме того, своею развернутостью, логическим построением, известной отвлеченностью от ситуации, от непосредственного эмоционального контакта с собеседником письменная речь воспитывает мышление читающего и пишущего и движет вперед умственное развитие ребенка [9].

Однако, несмотря на легкость восприятия и начертания текста, письменная речь в начале обучения глухого ребенка очень трудна и для понимания и для общения [10], в то время как дактилология очень удобна. Дактильная речь позволяет расчленить слово, отчетливо воспринять его полный буквенный состав; пальцевая азбука всегда при себе, исходит от живого, выразительно говорящего собеседника, включена в понятную для ребенка ситуацию. Возражение, что дактилологию не все понимают [11], отпадает, если учесть эффективность дактилологии как первоначального средства обучения и как вспомогательного средства общения глухих; дактилология в известной мере облегчает для глухих овладение устной речью благодаря активному действенному упражнению, отчетливо расчлененному восприятию структуры слова и предложения. Дактильное слово как форма словесной речи подготовляет неслышащего ребенка к речевому общению и к словесному мышлению.

И все же общее развитие школьника, страдающего нарушением слуха, его жизненный опыт идут впереди его речевого развития; при этом потребности общения не могут быть полностью удовлетворены посредством устной, письменной и даже дактильной формы речи, так как запас слов, усвоенные значения слов и степень овладения грамматическим строем у него, как правило, оказываются недостаточными. Мимико-жестикуляторная речь глухого развивается быстрее. Она очень легко усваивается, она выразительна, экономна (в одном, двух жестах выражается целая ситуация), быстро и непосредственно передает наглядные впечатления — гораздо быстрее, чем написание, дактилирование или даже произнесение устного слова. Изучаемая глухими словесная речь по мере своего развития обогащает мимико-жестикуляторную более обобщенными и в то же время более дифференцированными жестами, в частности, символическими, соответствующими до некоторой степени отвлеченным понятиям (например, *хитрый* выражается жестом правой руки с собранными большим, указательным и средним пальцами, идущим вправо от рта) [12]. Вме-

[8] С. А. Зыков, Обучение глухих детей языку по принципу формирования речевого общения, М., 1961; см. также сб. «Пути обучения речи (Из опыта работы по обучению глухих детей от 3 до 8 лет)», М., 1960.

[9] Л. С. Выготский, указ. соч., стр. 262—267.

[10] Н. Г. Морозова, О самостоятельной письменной речи глухонемого школьника, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», 49. Дефектолог. фак-т, 3, 1947, стр. 170—175.

[11] А. П. Книппер, Организация среды как основной фактор развития речи и мышления глухонемого, «Специальная школа», 2, 1960, стр. 17.

[12] Этот жест символизирует: «говорит непрямо, криво, хитрит». По другим данным он символизирует лису (ус лисы) или хитрость. Но все это внушено словесным обозначением хитрости, приписываемой лисе.

сте с тем следует признать, что наглядный характер мимико-жестикуляторной речи все же лимитирует развитие мышления именно потому, что мимико-жестикуляторная речь весьма неполно коррелирует с системой обобщений и логическими операциями, отражаемыми в словесной речи.

Однако уже и на базе несовершенного мимико-жестикуляторного языка возможно не только мышление образами, представлениями или ощущениями. Глухонемые общаются, рассуждают, спорят друг с другом, передают друг другу с помощью жестов очень сложные мысли. В литературе описан случай, когда глухонемая девушка, не овладевшая словесной речью (не обученная), получила предложение уехать на работу в далекие края. Она ушла в свою комнату; в полуоткрытую дверь ее недавние собеседники видели, как она взволнованно рассуждала с помощью мимико-жестикуляторного языка, обсуждала сама с собой это жизненно важное предложение; она не глядела в глубь образов, но именно рассуждала с помощью языка жестов. Затем пришла и посредством того же языка сообщила свое решение.

Как мы уже сказали, элементарная мимика не позволяет глухому овладеть отвлеченным мышлением, основами наук. Но она может в известной мере продвинуть воспитание и развитие глухого на известном этапе его обучения. Даже дактилология часто отстает от развития мимико-жестикуляторного общения. Не случайно, как показали многочисленные наблюдения, дети глухонемых родителей, которые общаются посредством мимики еще до школы, оказываются в умственном отношении более продвинутыми, чем дети, пришедшие из семьи без знания мимико-жестикуляторной речи. Но это умственное превосходство глухих, хорошо владеющих мимикой, заметно лишь на первом этапе обучения. В дальнейшем мимико-жестикуляторная речь может оказаться тормозом речевого и умственного развития глухого ребенка. Своеобразное значение мимических знаков (жестов), с одной стороны, их многозначность, с другой — недостаточное обобщение в них предметного мира, отсутствие целого ряда общих понятий — все это затрудняет овладение словесной речью; например, нельзя изобразить мимически «чистить, мыть вообще», «бежать вообще» и в частности: «заяц бежит», «собака бежит», «мальчик бежит» обозначается в языке жестов по-разному. Аморфность жестовых «слов» — отсутствие флективных окончаний, согласования и управления, а в связи с этим твердый, несколько примитивный порядок жестов в мимическом «предложении» (например, «Девочка большая — девочка маленькая — кормит»), — все это противополагает мимико-жестикуляторную речь словесной речи. Такое своеобразие затрудняет перевод и перенос привычных языковых обобщений из одного языка в другой. Надо сказать, что в мимико-жестикуляторную речь взрослого глухого, овладевшего словесной речью и логическим мышлением, вводится из языка слов целый ряд переводных, условных жестов, которые не могут быть поняты без предшествующего овладения словесной речью и соответствующим уровнем мышления. Таким образом, общение высококультурной, развитой мимической речью возможно лишь на основе развитой словесной речи; отсюда ясно, что для полноценного общения и развития глухонемого ребенка и даже для развития его мимической речи необходимо овладеть языком слов.

В случаях, когда обучение словесной речи (во всех ее возможных формах) начинается сразу же после нарушения слуха, словесная речь будет развиваться в единстве с общим развитием ребенка; мимико-жестикуляторная речь в этом случае и не возникнет. Дактильная речь используется для обучения и общения в процессе деятельности, так как она позволяет воспринимать полный буквенный состав слова, легко усваивать, прочно

запоминать новые слова и быстро вводить их в практику речи. По мере овладения произношением и чтением с губ слов, усвоенных дактильно, происходит быстрый перенос их в письменную и устную форму словесной речи. Развиваясь на основе дактилологии, устная речь как более быстрая по темпу и более удобная (если она использует уже хорошо усвоенную лексику, семантику и грамматику родного языка) в непосредственном общении, постепенно вытеснит и дактилологию; дактилология будет применяться лишь для проговаривания нового сложного речевого материала, так как она позволяет на ходу пополнять речевой запас и закреплять трудно воспринимаемые с губ слова. Все это даст возможность усваивать значения слов во все новых и новых контекстах. Если с самых ранних лет ребенок обучается словесной речи без помощи дактилологии, то его устная речь, как и мышление, развивается медленнее, и овладение лексической, грамматической и семантической системами словесной речи затруднено. На основе только устного обучения к концу дошкольного возраста ребенок овладевал словарем в пределах двухсот слов, в лучшем случае — четырехсот. На основе дактилологии как наиболее наглядно-действенной формы словесной речи он овладевает почти всеми словами, обозначающими предметы (их качества и действия с ними) окружающей его жизни, а иногда и значительно более широкой; его словарь в этом случае насчитывает 2—4 тысячи слов.

*

Достижения советской сурдопедагогики и психологии последних лет позволили понять, что при недостаточном общении словесный язык у детей с нарушениями слуха остается мертвым грузом. Научить глухого новому слову — еще не значит создать возможность оперировать новым понятием [13]. Устное слово, с одной стороны, не наполненное богатым конкретным содержанием, а с другой — не развитое до необходимого уровня обобщения и абстракции, не может быть правильно понято или использовано в любом контексте. Таким образом, чрезмерная, односторонняя конкретность, как и бессодержательная абстрактность, не обеспечивают того обобщения, «которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного (все богатство особого и отдельного!)!!» [14].

Овладение физической стороной слова и его значением, т. е. формальной и смысловой его стороной, идет не одновременно у глухонемых детей. Это расхождение между знаком и значением у глухонемых наблюдается гораздо дольше, чем у слышащих, вследствие ограниченности речевого общения.

Явления афазии также свидетельствуют «...о том, что две стороны языкового знака — означаемая и означающая — относительно независимы, так как нарушение одной из них может сопровождаться сохранением другой»,—говорит Вяч. В. Иванов [15], ссылаясь на исследования Э. С. Бейн в области афазии и на наблюдения Л. С. Выготского [16] над детской речью, «показавшие раздельность первоначального развития плана выражения и плана содержания» [17].

Только благодаря разносторонним знаниям, личному опыту глухого ребенка, его активной деятельности, все расширяющейся практике речи,

[13] К этому же выводу пришел П. Олерон (P. Oléron, Recherches sur la développement mental des sourds-muets. Contribution à l'étude du problème «Language et pensée», [Paris], 1957).

[14] В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1947, стр. 73.

[15] Вяч. В. Иванов, Лингвистика и исследование афазии, сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962, стр. 80.

[16] Э. С. Бейн, О некоторых особенностях смысловой структуры слова и грамматического строя речи при сенсорной афазии, «Вопросы психологии», 1957, 4, стр. 91, 100; Л. С. Выготский, указ. соч., стр. 134.

[17] Вяч. В. Иванов, указ. соч., стр. 80.

а также специальной работе над формированием понятий у него вырабатывается богатая конкретным содержанием и обеспечивающая обобщения речь. О том, как развиваются словесные обобщения, говорят наблюдения над овладением значением слова [18] и грамматическим строем языка у глухих и слабослышащих детей [19]. В начале обучения глухого ребенка языку слов обобщение идет по линии сходства конкретной ситуации; например, в словосочетании *пьет воду* первоначально в качестве субъекта действия мыслится только человек, затем становится возможным отвлечение от конкретности питья из сосуда, и слово *пить* в его более широком значении может быть применено к любому живому существу (в том числе — и растению). Форма слова вследствие ограниченной практики речи и чтения, а также вследствие резкого отличия аморфной мимико-жестикуляторной речи от словесной флективной речи с ее свободным порядком слов с большим трудом усваивается глухими детьми. Характерно, что склонять и спрягать слова учащиеся умеют, но в контексте узнают слово не сразу. Особенно затрудняют глухонемых учащихся вплоть до V—VI классов глаголы с префиксами; например, некоторые из них слово *сошли* понимали как *шли*, *съехались* — как *ехали*, *заговорил* как *разговаривал*, *задумал* как *думал* и т. д. Лишенное звучания слово сопоставляется ими лишь по сходству зрительно воспринимаемого буквенного состава. У глухих детей первоначально отсутствует обобщение глагольных, падежных, родовых окончаний, окончаний прилагательных, которые помогли бы им распознать в слове обозначение предмета, или действия, или качества и правильно отнести слово к тому или иному словосочетанию; нередко в словосочетания объединяются смежные слова, но относящиеся к другой группе слов.

Наблюдения, сделанные в процессе обучения, позволяют выявить у глухих детей происходящие сдвиги в овладении словом и грамматическим строем. Дети с нарушениями слуха начинают улавливать закономерности языка. По аналогии со знакомым им словом *слоненок* (от *слон*) они, не учитывая всех моделей образования слов, производят *уткенок* от слова *утка*. По сообщению Б. Д. Корсунской, у глухих наблюдалось творческое изменение слова *дом* — *доменький* («маленький дом») по аналогии со словом *маленький*, но без учета принадлежности слова к определенному разряду. По нашим наблюдениям, когда учащиеся-глухие начинают улавливать корень слова, они не всегда учитывают его грамматическое значение: 1) первоначально они указывают на общую часть слова чисто внешне, например *телега* — *лег*, *успел* — *пел*, *пища* — *пищат*; 2) улавливая общий корень, не осознают подлинного происхождения слова и заменяют отношение между словами отношениями между вещами, отношением целого и части: «*животное* — *живот*, у него есть живот», «*горлица* — *горло*, горло есть», «*упряжка* — *пряжка* есть»; 3) усваивают правила сочетания корня и аффикса, но и произведенные по правилам русского языка слова не всегда совпадают с общеупотребительными; например, соотнося слова *учит* и *учитель* (потому что *учитель учит*), по аналогии от *пилит* образуют *пилитель* (т. е. тот, кто пилит дрова), от *рубит* — *рубитель* (т. е. тот, кто рубит) и т. п. Такие производные, как *рубитель*, психологи считают хорошими ошибками, выявляющими новый этап в развитии сознания глухонемых, поднявшихся до уровня языковых обобщений: для них аффикс *-тель* — уже признак деятеля или действующего лица; на этом этапе они не смогут смешать *зеркало* и

[18] См. Н. Г. Морозова, Особенности овладения языком у глухонемых дошкольников, «Труды Научной сессии по дефектологии», стр. 223—224.

[19] См. Р. М. Боскис, К. Г. Коровин, В. А. Синяк, Формирование грамматического строя языка у тугоухих учащихся, М., 1955.

закрыла, потому что окончание *о* для них — обобщенный признак существительного среднего рода, а окончание *ла* — признак прошедшего времени глагола 3-го лица женского рода.

*

Чем шире общение и чем богаче практика устной и письменной речи глухого ребенка, с одной стороны, и чем систематичнее, последовательнее строится обучение языку, чем продуманнее эта система, умело подводящая к формированию лексических и грамматических обобщений — с другой, тем самостоятельнее идет дальнейшее овладение языком слов и тем лучше развивается словесное мышление глухих и слабослышащих детей.

Проектируемые в настоящее время электронные машины, делающие звуковую речь видимой для глухих, создадут еще большие возможности для обучения глухих и расширения практики речи, хотя и при наличии таких машин будет необходима углубленная работа по овладению глухонемыми все более развитым значением слова. Наряду с систематической работой над обобщениями, над произношением, необходима практика речи, общение со слышащими. В этом также значительно поможет глухим и слабослышащим техника, позволяющая усовершенствовать общение между глухими и слышащими.

В Советском Союзе известны многие ранооглохшие глухие, которые благодаря своевременному и правильному обучению, постоянному словесному общению и самостоятельному чтению овладели языком слов, получили среднее, а в ряде случаев и высшее образование и стали квалифицированными рабочими, инженерами, учителями, библиотекарями, писателями и переводчиками иностранной литературы[20]. В результате обучения даже слепоглухонемые овладевают сначала мимико-жестикуляторной, дактильной, письменной, а затем и устной речью и в ряде случаев превосходят по уровню развития и по образованию многих слышащих и говорящих людей. Таким образом, глухонемые и даже слепоглухонемые не остаются ни безъязычными, ни бессловесными людьми. Они говорят, мыслят, читают, пишут, работают и активно участвуют в построении нового общества.

---

[20] В соответствии со специальными постановлениями Советского правительства непрерывно расширяется сеть специальных дошкольных и школьных учреждений для глухонемых (или точек индивидуального обучения в отдаленных районах), где они получают общее развитие, образование на основе словесной речи и трудовую подготовку. Представление об обучении глухонемых детей словесной речи дает научно-методический фильм «Они будут говорить» (производство студии «Моснаучфильм», 1963 г.).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

Г. А. ХАБУРГАЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАДЕЖНОГО СИНКРЕТИЗМА В РУССКИХ ГОВОРАХ

Историческая интерпретация падежного синкретизма возможна не только для новгородских говоров русского языка[1], но и для русских говоров вообще, поскольку на юге это явление столь же обычно, как и на северо-западе[2]. Синкретические формы Р, Д и М падежей с окончанием *-ѣ* (*-е*) для твердой разновидности, *-и* для мягкой фиксируются в южновеликорусских памятниках письменности с XVII в.[3].

К сожалению, отсутствие более ранних южновеликорусских памятников письменности не дает возможности проследить развитие рассматриваемых форм в южных говорах, как это сделано А. Н. Добромысловой в отношении говора древнего Новгорода[4]. Однако современная лингвогеография синкретических форм Р, Д и М падежей женского склонения позволяет говорить о них как о морфологической особенности, развившейся на обширной территории древнерусских говоров до XIV в., т. е. до литовской оккупации западных русских земель, приведшей к нарушению связей русского северо-запада с югом[5]. Эта мысль как будто подтверждается тем, что рассматриваемые синкретические формы в новгородском говоре сложились уже к началу XIV в.; позднее формы Р — Д — М с флексией *-ѣ* здесь уступают место формам с флексией *-ы* (*-и*)[6].

А. Н. Добромыслова полагает, что причиной развития синкретических форм Р, Д и М падежей женского склонения явилось стремление к «пре-

[1] См. А. Н. Добромыслова, К интерпретации одного явления падежного синкретизма в древнем новгородском говоре, ВЯ, 1961, 6.

[2] См., например, С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, I, Л., 1927, стр. 89—93; см. также опубликованный материал по воронежским, рязанским, калужским, брянским, орловским, курским говорам (работы Н. П. Гринковой, Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, В. Н. Кретовой, С. С. Высотского, В. И. Чагишевой, С. И. Коткова, Г. В. Денисевича). Рассматриваемые формы фактически отсутствуют лишь на северо-востоке великорусской территории (см. С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 94—95; П. С. Кузнецов, Очерки исторической морфологии русского языка, М., 1959, стр. 47).

[3] Такие формы отмечены в курских памятниках (см. Г. А. Хабургаев, Формы склонения имен существительных в курских памятниках деловой письменности первой половины XVII в. Автореф. канд. диссерт., М., 1956, стр. 10); С. И. Коткова отмечает формы Р—Д—М *земли* и под. в орловских грамотах XVII в. (см. «К изучению орловских говоров», «Уч. зап. [Орловск. гос. пед. ин-та]», VII, Кафедра русск. яз., 3, 1952, стр. 82).

[4] Важно отметить, что общая картина употребления этих форм в памятниках начала XVII в. юго-западных областей Московской Руси та же, что и в памятниках Новгорода XVI—XVII вв.; это обстоятельство может указывать на известный параллелизм в истории синкретических форм Р, Д и М падежей женского склонения в северных и южных западновеликорусских говорах.

[5] *Ср. интерпретацию западных диалектных особенностей, свойственных новгородским говорам и отсутствующих в них, в работе:* В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова, Закономерности развития диалектов русского национального языка, ИАН *ОЛЯ, 1961, 5, стр. 407—408.*

[6] См. А. Н. Добромыслова, К истории форм женского склонения в древнем новгородском говоре, «Вестник МГУ», Серия VII. Филология, журналистика, *1961, 4, стр. 46—47.*

одолению многозначности окончаний древнерусского склонения» [7]. При такой интерпретации не различаются явления многозначности и омонимии флексий. Действительно, с развитием синкретических форм в известной степени преодолевается омонимия окончаний, но их многозначность не преодолевается, а, напротив, расширяется, поскольку образовавшаяся трехпадежная морфема Р, Д и М в разных падежах имеет не одно и то же, а разные грамматические значения.

Выясняя вопрос «о причинах совпадения форм род. падежа и дат.-местн. падежа» [8], А. Н. Добромыслова использует выдвинутую Л. Ельмслевом идею о частной системе («système particulier»), характеризующейся определенным количеством различаемых падежных форм и типом падежного синкретизма, и пытается применить эту идею к решению вопроса о падежном синкретизме в диахроническом плане. С этой целью автор сопоставляет две группы частных падежных систем новгородского говора: XI — начала XII в. и середины XIV в. В результате такого сопоставления в новгородском говоре обнаруживается замена синкретизма третьего типа (S_3) синкретизмом четвертого типа (S_4), который, по мнению А. Н. Добромысловой, становится характеристикой женских классов склонения [9]. Это и дает автору повод для вывода о преодолении многозначности (? — омонимии) окончаний путем объединения Р—Д—М падежей «на базе формы Д—М» [10].

Вряд ли этот вывод отражает тенденцию развития древнерусского (или даже только новгородского) субстантивного склонения. Уже сам факт произошедшей позднее в говорах новгородского типа утраты формы Р—Д—М с флексией *-ě*, означающей разрушение S_4 для слов типа *вода*, заставляет сомневаться в плодотворности попыток найти причины трансформации русского склонения во взаимодействии падежей. Это сомнение подкрепляется и тем, что русский язык и его говоры на протяжении исторического периода развития не знали новой падежной флексии (т. е. такой, которая сменила общеславянскую флексию в данном падеже данного типа склонения), которой не было бы соответствия в том же падеже иного типа или варианта склонения [11]. Видимо, поиски причин появления синкретических падежных форм в русских говорах должны вестись с иных позиций и с учетом общих тенденций развития именного склонения.

Для выяснения этих тенденций целесообразно сопоставить две системы субстантивного склонения (разных эпох), конструируемые по системе флективных морфем в каждом типе склонения. Известно, что в древнерусском языке начала письменной эпохи в ед. числе для выражения значения И падежа в субстантивном склонении использовалось 7 флективных морфем (*-ъ*, *-ь*, *-а*, *-о*, *-е*, *-і*, *-у*); по 6 морфем использовалось в В (*-ъ*, *-ь*, *-u*, *-о*, *-е*, *-а*) и в Р (*-а*, *-у*, *-ě*, *-u*, *-і*, *-е*); по 4 — в Д (*-u*, *-ě*, *-і*, *-ovi*) и в М (*-ě*, *-і*, *-u*, *-е*) и 5 морфем использовалось для выражения значения Т падежа (*-ъmь*, *-ьmь*, *-oju*, *-eju*, *-ǐju*). При этом в субстантивном склонении в ед. числе можно выделить не менее двенадцати словоизменительных классов [12]

[7] А. Н. Добромыслова, К интерпретации одного явления..., стр. 89.

[8] Там же, стр. 83.

[9] Впрочем существительные женского рода с подвижным ударением типа *кость* вместе с существительным мужского рода типа *мед* характеризуются S_5, а не S_4 (см. там же, стр. 84 и табл. на стр. 87).

[10] Там же, стр. 86.

[11] Исключение составляет В, усвоивший флексию Р в связи с развитием категории одушевленности. Но это явление особого рода, связанное, в частности, с синтаксической взаимозаменяемостью обоих падежей (в известных случаях Р издавна употреблялся в функции В).

[12] Словоизменительные классы, объединяющие слова с одинаковым фонемным оформлением флексий в каждом падеже, следует отличать от традиционных типов скло-

(см. табл. 1); а при учете акцентологических и некоторых других особенностей в склонении отдельных групп существительных [13], а также встречающихся в памятниках письменности реликтов доисторических классов словоизменения число словоизменительных классов для середины XI в. может быть увеличено.

Тенденции развития русского субстантивного склонения видны при сопоставлении данных табл. 1 и 2. Можно заметить, что за период исторического развития русского языка в И падеже число флективных морфем сократилось с семи до трех (-, *-а*, *-о* с фонетическими разновидностями), в В падеже — с шести до трех-четырех (-, *-а*, *-и*, *-о*; последняя в ряде говоров вытесняется морфемой *-и*: *фс'у л'ёту*, *ф пбл'у*), в Р падеже — также с шести до трех-четырех (*-а*, *-и*, *-і/-у*, *-е*; последняя в литературном языке и в ряде говоров отсутствует), в Д и М падежах — с четырех до двух-трех [*-и*, *-е*, *-і/-у*; две последние в ряде говоров в Д и в М сливаются в одну общую для женского склонения флексию *-е*: *к в(о)д'ё*, *на в(о)д'ё* — *по гр'(а)з'ё*, *на п'(е)ч'ё* [14]], наконец, в Т с пяти до двух-трех [*-от*, *-ої(и)*, *-їи*; в ряде говоров они сливаются в одну флексию [15]].

Отмеченные факты достаточно определенно указывают на характерную для русского языка тенденцию «к более единообразному выражению одних и тех же синтаксических отношений» [16], или, иначе, к преодолению синонимии падежных окончаний, результатом чего является резкое сокращение числа субстантивных словоизменительных классов: минимальное (по говорам) — до восьми; в литературном языке, не различающем I—II, IV и VII, а также V—VI классы, но имеющем особый класс слов типа *имя*,— до шести; в говорах, объединивших IV и VII, V—VI и II—III или даже I—III классы [17], — до пяти-четырех, а в отдельных южновеликорусских говорах, утрачивающих категорию среднего рода, обнаруживается стремление к сокращению числа словоизменительных классов до трех. Тенденция к унификации словоизменительных классов путем объединения синонимических окончаний начинает проявляться уже в общеславянскую эпоху, после того как в результате фонетических и отчасти аналогических преобразований произошло переразложение общеиндоевропейских именных основ, что, как известно, привело к появлению большого числа синонимических окончаний, а следовательно, и словоизменительных классов имен. В результате осуществления этой тенденции в славянских языках еще в дописьменный период сложилось три словоизменительных класса в адъективном склонении в ед. числе и уже в истории отдельных славянских языков завершилось образование единого словоизмени-

---

нения, в которые (с подразделением на разновидности или варианты, а иногда и без такого подразделения) объединяются слова, в ряде падежей имеющие разные флексии. В ед. и мн. числах одни и те же имена могут относиться к разным словоизменительным классам (например, в современном русском языке *солдат* и *сестра* в ед. числе относятся к разным словоизменительным классам, во мн. числе — к одному классу).

[13] С точки зрения фонемного оформления флективных морфем различия в ударении не имеют такого значения, как при определении типа падежного синкретизма, поэтому в дальнейшем они не учитываются.

[14] Такие формы отмечаются как на севере (см., например, работы Н. Белоруссова, С. А. Копорского), так и на юге (см., например, работы Ю. В. Перовской, К. Филатова, Н. П. Гринковой, Г. В. Денисевича).

[15] См. С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 277 и сл.

[16] П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 4.

[17] Стремление унифицировать женские словоизменительные классы обнаруживается не только в обобщении флексий Р, Д и М падежей, но и в развитии (как на севере, так и на юге) единой флексии Т падежа (см. С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 227—281) и в распространении флексии *-и* в В падеже слов типа *жизнь*, *мать*, отмечаемом в южновеликорусских говорах, где существительные указанного типа встречаются и с общим для женского рода окончанием *-а* в И падеже.

Таблица 1

Русское субстантивное склонение XI в.

Старые основы	Словоизменительные классы	И	В	Р	Д	М	Т
* ā	*I. вода*	= VII				= X—XI	
	II. землꙗ						
* ĭ̄	*III. жизнь*	= IX	= IX			= VIII—IX	= V
	IV. пѣнь, гость						= VI—IX
согл.	*V. мати*						= III
	VI. камы						= IV
	VII. имѧ, телѧ	= I—II					
* ŏ̄	*VIII. поле*					= II—IV	
	IX. ножь, конь	= III—IV	= III—IV				
	X. село					= I	
	XI. лѣсъ, братъ						
* ŭ	*XII. домъ, сынъ*						
	Число флективных морфем	7	6	6	4	4	5

Таблица 2[1]

Современное русское (литературное и диалектное) субстантивное склонение

Словоизменительные классы	И	В	Р	Д	М	Т
I. вода						
II. земля						
III. жизнь, мать						
IV. пень, камень, нож		= VII				
V. конь, гость						
VI. брат, сын						
VII. лес, дом		= IV				
VIII. село, поле (имя)	возможно как в I—II кл.					
Число флективных морфем	3	3—4	3—4	2—3	2—3	2—3

[1] В табл. 1 и 2 не учитываются различия, обусловленные фонетической позицией (например: *в(о)ды — з' (е) мл'и; с'(е)ло — мыль (а); з'(е)мл'а — вол'ъ (а); б'(е) л'jо — пол'ъ (а), им'ъ (а)*, ср. северновеликорусск. *пол'о, им'о*). Граница между словоизменительными классами проводится пунктиром, если в разных говорах (или в одном и том же говоре) возможно колебание флексий соседних в таблице классов (например, для XI в. в Р V класса *матере* и *матери* — как в III—IV классах; в современных говорах в И III класса возможно *жиз'н'*, как в IV—VII классах, и *жыз'н'а* — как в I—II классах).

тельного класса во мн. числе адъективного склонения. Та же тенденция отражается в раннем взаимодействии основ на *-ŏ и *-ŭ, основ на *-ĭ и согласные, позднее — основ на *-jŏ и *-ĭ муж. рода и т. д.

В ряде русских говоров в процессе взаимодействия синонимических окончаний новая флексия в том или ином словоизменительном классе могла совпасть с флексией другого падежа (или других падежей), в результате чего и появляются синкретические формы. Это, например, произошло в классе неодушевленных существительных мужского рода, где совпали разные по происхождению флексии Д и Р—М падежей; у существительных типа *вода* совпала со старым окончанием Д—М новая флексия Р *-ě*, усвоение которой связано с рядом известных факторов.

С появлением синкретических форм расширяется многозначность флексий, и стремление к «преодолению многозначности окончаний», о котором говорит А. Н. Добромыслова [18], вызывает разрушение (а не образование!) синкретических морфем. Именно поэтому в новгородском говоре после XIV в. и происходит отмеченное А. Н. Добромысловой разрушение формы Р—Д—М с флексией *-ě* в классе существительных типа *вода* [19]. Видимо, той же тенденцией вызвано и фиксируемое памятниками XVI—XVII вв. перенесение ударения на флексию *-и* в Р ед. числа так называемых неодушевленных существительных мужского рода (с *бою́*, *из саду́*, *ис полону́*, *того часу́* и т. п.) [20], что приводило к дифференциации ранее совпавших форм Р и Д падежей. К разрушению синкретической морфемы Р—Д—М *-і*, издавна характеризующей класс существительных типа *жизнь*, приводит и отмечаемое в ряде русских говоров обобщение флексии

[18] Такая тенденция действительно имеет место в развитии русского именного склонения. П. С. Кузнецов определяет ее как тенденцию «к дифференциации средств выражения различных синтаксических отношений» (указ. соч., стр. 67, 4). На результат такой дифференциации в области рассматриваемых форм указывает С. П. Обнорский, отмечающий, что по говорам как бы «восстановилось... соотношение различия между обоими рядами новых форм — род. ед. на *-ѣ*, но дат. и м. на *-ы*. Такие говоры... имеют особенно широкое распространение» (указ. соч., стр. 88).

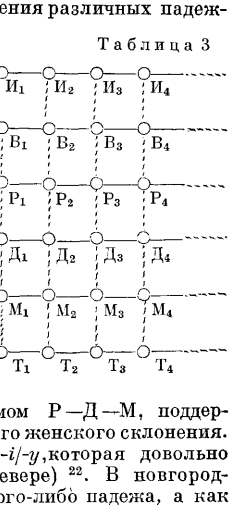
[19] Впрочем в предложном употреблении Р падежа, где семантика флексии значительно ослаблена, окончание *-е* (<*-ě*) оказывается устойчивее, чем в беспредложном Р, что и отражается в современных говорах. Диалектологи согласно отмечают, что окончание *-е* (<*-ě*) в Р употребляется преимущественно (а иногда и исключительно) в предложных сочетаниях; см., например: А. Александров, Некоторые особенности падежных окончаний имен существительных говора деревни Сорочьи горы Ланшевского уезда Казанской губернии, РВФ, IX, 1883, стр. 284; Л. Н. Булатова, О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области, «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русск. языка», 1, 1947, стр. 67; Н. М. Малеча, Говоры уральских казаков, «Материалы и исследования по русской диалектологии», III, М.— Л., 1949, стр. 12; С. И. Котков, указ. соч., стр. 77—78; Г. В. Денисевич, О падежных флексиях существительных на *-а* в местных говорах, «Уч. зап. [Курск. гос. пед. ин-та]», IX. Гуманитарный цикл, 1959, стр. 160; З. П. Здобнова, Отчет о диалектологической экспедиции 1959 года, «Материалы и наблюдения по русскому языку» («Уч. зап. [Башкирск. гос. ун-та]», 8. Серия филол. наук, 2 (6)), Уфа, 1961, стр. 227; В. Н. Кретова, Морфологические особенности южнорусских говоров б. Рождественско-Хавского района Воронежской области, «Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та», 42, 1962, стр. 127 и др. материалы.

Не исключена возможность, что предложные конструкции в известной степени способствовали распространению в Р падеже флексии, сходной с Д — М, так как при ослаблении падежного значения становится яснее общность значения предложных сочетаний, употребляющихся с разными падежами.

[20] Формы *ѡдново часѣ*, а также *ѡт домѣ* А. А. Шахматовым отмечены в Домострое (см. «Историческая морфология русского языка», М., 1957, стр. 244); П. Я. Черных отмечает формы *бою́*, *изъ саду́*, *исъ полону́*, *из найму́* и под. в Соборном Уложении (см. «Язык Уложения 1649 года», М., 1953, стр. 261); подобные формы (*с баю*, *с Дану*, *ис палону* — *ис полану*, *тово чесу*, где на место ударения указывают написания, отражающие аканье) зафиксированы в курских грамотах первой половины XVII в. (см. Г. А. Хабургаев, К истории форм родительного и предложного падежей единственного числа с окончанием *-у*, «Уч. зап. [Белгородск. пед. ин-та]», III, 2, Серия филологическая, 1961, стр. 139, 141, 148, 155).

-е в качестве показателя Д—М женского склонения при *-i/-y* в Р. Наконец, наблюдение ряда исследователей (А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Р. О. Якобсона и др.) над тем, что современные вариантные флексии *-а*, *-и* в Р и *-е*, *-и* в так называемом «предложном» служат средством выражения различных падежных значений, также подтверждает наличие тенденции к преодолению многозначности падежных окончаний, поскольку этот факт отражает дифференциацию синкретических морфем родительного и количественно-отделительного (по терминологии В. В. Виноградова), изъяснительного и местного падежей.

Таблица 3



Вместе с тем в развитии субстантивного склонения нельзя не заметить и стремления к объединению женских словоизменительных классов (как это произошло с мужскими классами), которое в разных говорах осуществляется поразному. На юге наиболее продуктивным оказался I класс (типа *вода*), флексии которого были усвоены другими классами существительных женского рода [21]. В ряде говоров (например, на северо-западе), напротив, более устойчивым оказывается древнерусский III класс (типа *жизнь*), издавна характеризовавшийся синкретизмом Р—Д—М, поддержанным синкретизмом тех же падежей адъективного женского склонения. Так намечается образование системы Р—Д—М *-i/-y*, которая довольно широко представлена по говорам (особенно на севере) [22]. В новгородском диалекте она развивается не «на базе» какого-либо падежа, а как результат объединения женских словоизменительных классов.

Таким образом, трансформация русского субстантивного склонения осуществляется под влиянием двух тенденций, которые схематически могут быть изображены в виде перекрещивающихся линий (см. табл. 3, где $И_1$, $В_1$, $Р_1$... — падежи I словоизменительного класса, $И_2$, $В_2$, $Р_2$... — падежи II класса и т. д.).

Основная тенденция развития субстантивного склонения — унификация по горизонтали, т. е. объединение синонимичных флективных морфем (выразителей одних и тех же синтаксических отношений), характеризующих разные классы словоизменения. Другая тенденция — дифференциация по вертикали, т. е. преодоление падежного синкретизма внутри одного словоизменительного класса, что приводит к дифференциации флективных морфем — выразителей разных синтаксических отношений.

При учете этих тенденций синкретизм Р—Д—М падежей женского склонения, развившийся к XIV в., по-видимому, не только в древнем новгородском говоре, но и в других восточнославянских диалектах и в определенный период функционирования этих диалектов характеризовавший большинство женских классов словоизменения, исторически должен быть интерпретирован не как объединение Р, Д и М падежей, а как результат их совпадения в процессе преодоления синонимии падежных окончаний и унификации словоизменительных классов существительных.

---

[1] Процесс унификации женских классов словоизменения на базе I класса в говорах достаточно продуктивен. По наблюдениям С. И. Коткова, формы В падежа *матерю*, *лошадю* и под. в орловских говорах развились не ранее XVII в. (указ. соч., стр. 86).

[22] С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 89—94; нередко формы Р — Д — М с флексиями *-е* и *-у* (*-ы*) сосуществуют в одних и тех же говорах (там же, стр. 89—93).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

В. З. ПАНФИЛОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКЛОНЕНИЯ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

(К проблеме становления грамматических категорий в агглютинативных языках)

Академику И. И. Мещанинову к его 80-летию

Нивхский язык принадлежит к числу языков агглютинативного типа[1]. Вместе с тем в нивхском языке есть также и явления флективного характера. К ним прежде всего относятся случаи внутренней флексии, наблюдаемые главным образом при словообразовании[2]. Кроме того, в нивхском языке имеют место также и случаи фузионной флексии, когда одна и та же морфема в составе слова является носителем нескольких семантических минимумов (например, окончания повелительного наклонения глагола, каждое из которых совмещает значение лица и наклонения). Однако все эти случаи флексии не являются существенными для типологической характеристики нивхского языка и не мешают рассматривать его как типичный агглютинативный язык.

Последовательно агглютинативный характер имеет и склонение в нивхском языке[3]. Типологически склонение в нивхском характеризуется следующими основными чертами.

1. Падежные формы всех слов, характеризуемых категорией склонения, образуются при помощи одних и тех же суффиксов (т. е. в нивхском языке в отличие от флективных языков типа русского языка есть лишь один тип склонения). Некоторые из этих падежных суффиксов выступают в различных фонетических вариантах в зависимости от различия дистрибуции на фонологическом уровне. Это касается творительного, дательно-направительного и предельного падежей. В то же время, хотя суффиксы предельного падежа *-тоγо*, *-т'ыкы* и *-т'χа* имеют одно и то же значение, они, по нашему мнению, не могут рассматриваться как алломорфы одной морфемы предельного падежа, так как находятся друг к другу в отношении свободного варьирования, а не дополнительной морфологической дистрибуции[4]. Иначе говоря, если для флективных языков и флективного типа склонения характерно наличие таких алломорф, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции на морфологическом уровне, что и

---

[1] Некоторые авторы относят нивхский язык к числу так называемых «инкорпорирующих» языков (см., например: Е. А. Крейнович, Об инкорпорировании в нивхском языке, ВЯ, 1958, 6).

[2] См. об этом В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, М.— Л., 1962, стр. 41 и сл.

[3] О составе парадигмы склонения и значениях падежей см.: В. Н. Савельева, Склонение существительных в нивхском языке, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 101. Фак-т народов Севера, 1954; В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 118—156.

[4] Сторонники противоположной точки зрения допускают явную непоследовательность в применении принципа дистрибуции: тождество морфологической дистрибуции аффиксов в этих случаях ими рассматривается как свидетельство принадлежности аффиксов к одной и той же морфеме, хотя на фонологическом уровне тождество распределения означает различие фонем.

обусловливает различные морфологические типы склонения и т. п., то в агглютинативных языках и при агглютинативном типе склонения возможно наличие или таких алломорф, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции на фонологическом уровне, или синонимичных морфем[5].

2. Границы падежных суффиксов в составе слова не нарушаются, вследствие чего эти суффиксы обладают относительно большей самостоятельностью, чем при фузионном способе соединения морфем. В частности, это проявляется в возможности присоединения падежного суффикса лишь к последнему из однородных членов словосочетания (например: *н'ытыкхэ н'ымыкхэдох тыф лытйа* «Моему отцу и моей матери дом сделай», где *-кэ* ~ *-γэ* ~ *-гэ* ~ *-хэ* — соединительный суффикс, *-тох* ~ *-рох* ~ *-дох* — суффикс дательно-направительного падежа)[6], в возможности вставки между основой и падежным суффиксом не только других суффиксов (суффикса множественного числа, соединительных суффиксов), но иногда также и частиц (например: *иф ршангс н'эмqа н'ивγлукирш йускид'* «Он сколькими-то тысячами человек заплатил» (*н'ивγлукирш*: *н'ивх* «человек», *лу* частица со значением неопределенности, *-кирш* суффикс творительного падежа).

3. Падежный суффикс в составе слова выражает только одно категориальное значение: во множественном и единственном числах используются одни и те же падежные суффиксы, а значение множественности передается особым суффиксом; например, *н'ивх* «человек», *н'ивγгу* «люди», *н'ивγдох* «к человеку», *н'ивγгудох* «(к) людям».

4. Имя в абсолютном (основном) падеже единственного числа совпадает с его основой, которая является исходной при образовании косвенных падежей[7].

В выражении отношений зависимого именного члена к господствующему члену словосочетания наряду с падежными суффиксами принимает участие также большое количество (около 20) служебных слов, определяемых в существующей литературе по нивхскому языку как послелоги[8]. Большинство из них конкретизируют значения, выражаемые падежными суффиксами, которые при наличии послелога присоединяются не к существительному, выступающему в этом случае в форме абсолютного падежа, а к послелогу; например *уткуоqла тыр выйуин п'лывд'* «Мальчик спрятался под столом» (*выйуин* послелог «под», *-уин* суффикс местного падежа). Некоторые послелоги, выступающие в функциях, близких к падежным, и не присоединяющие падежных суффиксов, как бы самостоятельно образуют форму имени, таковы послелоги *тулку* ~ *рулку* «по, через, сквозь», *т'мыск* ~ *ршмыск* «через, поперек чего-либо», *томск* ~ *ромск* «вместе с; с, к», *к'рыγры* ~ *хрыγры* «ради, для, из-за»; например, *hоqат т'ры рул-*

[5] Согласно иной точке зрения, «агглютинация ≈ отсутствие „сандхи" на стыках морф»; одним из ее аспектов является то, что каждое значение выражается только одним аффиксом (И. А. Мельчук, О термине «внутренняя флексия» в связи с агглютинацией, «Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР», Л., 1961, стр. 34—35).

[6] В этом отношении падежные суффиксы сближаются с послелогами; ср., например: *умугоqла п'ымыкхэ п'ытыкхэ лаqаγэ мыγр hурт'ивд'* «Подойдя, девушка села рядом со своей матерью и своим отцом», где послелог *лаqа* «рядом», оформленный суффиксом местно-исходного падежа *-γэ*, будучи расположен после второго из однородных членов, относится к ним обоим.

[7] Исключение в этом отношении представляет собой лишь местоимение 3-го лица ед. числа, которое имеет различные основы в абсолютном и некоторых косвенных падежах.

[8] См. Л. Я. Штернберг, Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, «Изв. имп. Акад. наук», sér. V, XIII, 4, 1900; Е. А. Крейнович, Нивхский (гиляцкий) язык, в кн. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.— Л., 1934, стр. 198—199.

ку мыγт вид' «Потом по берегу спускаясь ехали»; *н'и п'ымык хрыγры ворх вид'* «Я только ради матери поехал в деревню».

В то же время некоторые падежные суффиксы обнаруживают близость к послелогам. Так, существительное в форме предельного падежа на *-т'ыкы* ~ *-ршыкы* иногда оформляется суффиксом дательно-направительного падежа, например: *н'и эриршыкырх виныд'ра* «Я (только) до речки пойду».

Такого рода факты уже сами по себе говорят о том, что во всяком случае некоторые падежные суффиксы возникли из послелогов. Об этом же свидетельствуют данные, полученные в результате этимологического анализа послелогов и падежных суффиксов. Многие послелоги происходят от прямо-переходных глаголов. Так, послелог *тулку* ~ *рулку* «по, через, сквозь» происходит от глагола *рулкуд'* «залезать, пролезать во что-либо или через что-либо; засунуть куда-либо и т. п.», послелог *ыри* «сзади» от *йырид'* «идти сзади кого-либо, чего-либо, отставать от кого-либо, чего-либо», послелог *к'рыγры* ~ *хрыγры* «ради, для, из-за» от *хрыγрыд'* «служить, обслуживать кого-либо», послелог *ынки/ынк* «впереди, раньше» от *йынкид'* «идти впереди, раньше кого-либо» и т. д. Первоначальным этапом на пути образования этих послелогов явилось употребление перечисленных глаголов в форме уточнительного деепричастия на *-т/-р*, при которой имена выступали в функции дополнения в форме абсолютного падежа. Сохранение в современном нивхском языке такого рода послелогов как *к'рыр*, *к'рыт* «с», которые до настоящего времени факультативно употребляются в соответствующей деепричастной форме на *-т/-р*, подтверждает это предположение. Целый ряд других послелогов нивхского языка имеет именное происхождение, например: послелог *вый* «под» происходит от существительного *вый* «низ, подножье», послелог *q'оми* ~ *χоми* «сбоку» от существительного *q'оми* «бок» и т. д.

Аналогичным образом, как мы уже отмечали, некоторые падежные суффиксы (суффиксы творительного падежа *-кир* ~ *-γир* ~ *-гир* ~ *-хир*, суффиксы предельного падежа *-т'χа* ~ *-ршχа*), сопоставляются с глаголами, другие — например, суффикс предельного падежа *-т'ыкы* ~ *-ршыкы* [9] — с существительными [10]. Суффикс предельного падежа *-тоγо* ~ *-роγо* ~ *-доγо*, общий для всех диалектов нивхского языка, также сопоставляется с глаголом**роγод* (в.-с. н.), от которого окказионально может быть образовано существительное по модели «основа глагола + словообразовательный суффикс *-ф* со значением места» (например: *н'и тун тоγофтох пршындра* «Я в этакое место забрался» [11]). В свою очередь суффикс дательно-направительного падежа *-тох* ~ *-рох* ~ *-дох* имеет очевидную этимологическую общность с суффиксом предельного падежа *-тоγо* ~ *-роγо* ~ *-доγо*, т. е. в конечном счете также имеет глагольное происхождение.

Сравнительные данные о происхождении послелогов и падежных суффиксов позволяют наметить следующие этапы формирования тех падежных суффиксов, этимологический анализ которых позволяет предпола-

---

[9] Не исключено, что корень *т'ыкы* ~ *ршыкы* первоначально был и именным, и глагольным, поскольку окказионально от этого корня по словообразовательной модели «основа глагола + суффикс *-ф*» может быть образовано существительное (например: *лапр мот' ршыкыфтох мэр умгу т'ор дод'* «Тюлень затащил нашу женщину в воду по грудь»). Морфема *т'ыкы* сохраняет свое первоначальное лексическое значение и в некоторых других случаях. Например: *н'и ты т'ыкылы п'рыд'* «Я дошел до этого места» [*ты т'ыкылы* «до этого места (предела)», где *ты*—указательное местоимение «этот» в функции определения; назначение морфемы *лы* неясно].

[10] См. об этом В. З. Панфилов, указ. соч., ч. 1, стр. 143, 146 и сл.

[11] Л. Я. Штернберг, Материалы для изучения гиляцкого языка и фольклора, «Изв. имп. Акад. наук», I, 1, 1908, стр. 5.

гать их глагольное происхождение: 1) использование соответствующих глаголов в форме уточнительного деепричастия на *-т/-р* в служебной функции, 2) опущение деепричастных суффиксов и превращение глагольных основ в послелоги, 3) переход послелогов в падежные суффиксы. Очевидно, что падежные суффиксы, этимологический анализ которых позволяет определить их именное происхождение, также прошли через этап послелогов.

Исходя из данных этимологического анализа падежных суффиксов, можно заключить, что соответствующие отношения зависимого именного члена к господствующему члену словосочетания некогда выражались путем примыкания, а не управления.

*

Для того чтобы при отсутствии данных сравнительно-исторического характера по родственным языкам воссоздать историю образования той или иной грамматической категории в конкретной последовательности возникновения ее конституирующих форм и значений, наряду с данными внутренней реконструкции могут быть использованы также результаты анализа структуры значения этой грамматической категории. В этой связи, по крайней мере для периода развертывания таких грамматических категорий, которые получают свое выражение в агглютинативной структуре слова, может быть выдвинуто следующее положение. В оппозиции, образуемой в пределах одной грамматической категории двумя формами, одна из которых в определенных условиях может быть использована для выражения значений, характерных для второй формы, а эта последняя не может быть использована для выражения остальных значений первой формы, первая форма с более широким диапазоном значений исторически предшествует второй форме с более узким диапазоном значений.

В падежной системе нивхского языка абсолютный (основной) падеж выступает как слабый член оппозиции, противопоставленный всем косвенным падежам, как сильным членам оппозиции, поскольку абсолютный падеж имеет очень широкий диапазон значений и функций, которые перекрещиваются с таковыми же почти всех косвенных падежей.

1. Будучи подлежащим, имя в абсолютном падеже выражает субъект действия или субъект, от которого исходит побуждение, при сказуемом, выраженном глаголом в каузативной форме. Вместе с тем значение субъекта действия может быть также выражено именем в форме местно-исходного падежа обычно в сочетании с послелогом (*h*)*эрд* «сторона» (преимущественно в говорах нивхов Амурского лимана и Рыбновского района Сахалина), например: *чыг эрдух нуҳ и элврган чыг q'отр кэдот н'ыг к'имбэ. чыг hог-гут ныоҳай н'ыг эрдух тата чарб н'адр чыг к'имныд'ра* «Так как вы первые причинили вред, вы, взяв медведя, отдайте нам. Если вы так сделаете, мы целый кусок шелка вам отдадим» (*чыг эрдух* «вы», *н'ыг эрдух* «мы» в сочетании с послелогом *эрд* в местно-исходном падеже). В указанном значении форма местно-исходного падежа употребляется очень редко. Из этого можно сделать вывод, что значение субъекта действия для этой формы является вторичным и что первоначально в соответствующих случаях имя в форме местно-исходного падежа указывало лишь на источник действия, а не на сам субъект действия.

2. В форме абсолютного падежа иногда выступает также имя, обозначающее субъект действия, который вместе с тем является и объектом побуждения. Но это же значение выражается именем в дательно-винительном падеже, для которого оно является единственным значением. Ср.: *н'и Пайан чо ныгт вигуд'ра* «Я послал Пайана ловить рыбу»; *уткуоҳла*

эрэрх чоах вигуд'ра «Мальчик выпустил (буквально: позволил уйти) рыбу в реку» (*н'и* «я», *Пайан* «Пайана», *уткуоорла* «мальчик» — в абсолютном падеже, *чоах* «рыбу» в дательно-винительном падеже).

3. При некоторых прямо-переходных глаголах, способных управлять двумя именами в абсолютном падеже, формы этого падежа используются для выражения, с одной стороны, прямого дополнения и, с другой — косвенного дополнения или обстоятельства, т. е. в последнем случае абсолютный падеж передает значения, свойственные некоторым косвенным падежам, а именно дательно-направительному (в форме которого выступают косвенные дополнения при косвенно-переходных глаголах, а также обстоятельства) и творительному. Существенно, что в настоящее время косвенные дополнения и обстоятельства, управляемые этими глаголами, начинают оформляться соответствующими падежными суффиксами. Например: *ымык карандас п'оорла к'имд'* (*ымык п'оорладох карандас имγд'ра*) «Мать дала своему ребенку карандаш» (*п'оорла*, *п'оорладох* «своему ребенку» в первом случае — в абсолютном падеже, во втором — в дательно-направительном; глагол в последнем случае сохраняет местоименный показатель обьекта); *н'и лэп* (*лэпγир*) *ҺЫ н'ивх ард'* «Я накормил хлебом этого человека» (*лэп*, *лэпγир* «хлебом» во втором случае в творительном падеже).

4. В случаях, когда соответствующим падежным суффиксом оформляется только последний однородный член словосочетания, в форме абсолютного падежа выступают все остальные косвенные дополнения или обстоятельства.

5. В форме абсолютного падежа в функции обстоятельства времени и места выступают некоторые существительные с временным и пространственным значением, такие, как *т'улф* «зима», *толф* «лето», *тилф* «осень», *парф* «вечер», *к'лы* «улица (снаружи)». Например: *ты ҺЭмар уркри мӯфти q'од' варк ҺыймД'* «Этот старик спит и ночью и днем» (*уркри* «ночью», *мӯфти* «днем» в абсолютном падеже, *ти* ~ *ри* ~ *ди* — усилительная частица).

6. Будучи определением, имя в абсолютном падеже выражает признак предмета и в том числе признак по отнесенности; в единичных случаях в этой же функции употребляется имя в дательно-направительном падеже. Например: *п'рыфтох мыγган минр муγв ин'ыд'γо чахко п'лаоа сийа!* «Когда к своему дому придешь (спустишься), на восемь дней пищи и воды около себя положи» (*минр муγв* «на восемь дней», *минр* «восемь», *муγв* «дней» — оба в абсолютном падеже); *ҺЫ во эрдух т'иф эрирох чаоа ҺГа д'иф йивд'* «От этой деревни дорога к реке, дорога, по которой ходят за водой, есть» (*т'иф эрирох* «дорога к реке», *т'иф* «дорога» в абсолютном падеже, *эрирох* «к реке» в дательно-направительном падеже).

Отмеченная выше общность значений абсолютного падежа и косвенных падежей в сопоставлении с данными этимологического анализа падежных суффиксов позволяет высказать предположение о том, что в нивхском языке агглютинативному типу склонения предшествовала аморфность имени или, вернее сказать, такой этап в развитии имени, когда его отношение к господствующему члену словосочетания не получало своего выражения в форме самого имени [12].

---

[12] Рассматривая вопрос о типологической характеристике нивхского языка на предшествующем этапе его развития в более широком плане, можно предполагать, что некогда нивхский язык был языком изолирующего типа, подобно современному китайскому языку. Об этом, в частности, наряду с приведенными выше данными об истории образования падежной системы, свидетельствуют такие факты, как отсутствие в современном нивхском языке спряжения глагола во всех наклонениях, кроме повелительного, наличие такого рода случаев, когда глагол в форме, совпадающей с основой, выступает в функции сказуемого в одном из типов вопросительного предложения

Эта общность значений является или результатом пережиточного сохранения абсолютным падежом тех значений, для выражения которых возникли особые падежи (см. пункты 2, 3, 4, 5), или результатом того, что соответствующая функция только начинает перелагаться на косвенный падеж (см. пункты 1, 6).

В такого рода оппозициях, когда один из членов оппозиции, наряду с другими значениями может выражать значение второго члена оппозиции (но не обратно), находятся по отношению друг к другу также некоторые косвенные падежи, а именно: местно-исходный и местный падежи, дательно-направительный и предельный падежи, дательно-направительный и местно-исходный падежи. Так, местно-исходный падеж может выражать не только значение исхода действия, но также — обычно в сочетании с послелогами — и значение локализации действия, которые только и выражаются местным падежом. Например: *иф толкар дой н'адр озуин порра к'уγэ пун'д'γэ п'нып'х лаоqах hунд'ира* «Он у комля одной высокой лиственницы лег, стрелы и лук около своих ног положил». Дательно-направительный падеж, имеющий весьма широкий диапазон значений, может указывать, в частности, на предел во времени и пространстве, т. е. выражать то значение, которое только и свойственно предельному падежу; например: *ырк чрышфтоγ малад'ра* «Уже до твоего дома близко». Дательно-направительный падеж может выразить значение местонахождения и исходности действия (в основном при глаголах со значением звукопроизводства), свойственное местно-исходному падежу. Например: *иф мыр hумкэ ршырох т'ыу лытт'* «В то время как она слушала, у двери зашумело (буквально: шум сделался)».

Такой характер рассмотренных оппозиций позволяет предположить следующее: 1) местный падеж возник позднее местно-исходного, выделившись из последнего, что подтверждается диалектными данными: особый местный падеж имени есть только в одном наречии нивхского языка; 2) предельный падеж возник позднее дательно-направительного падежа, выделившись из последнего, что подтверждается фактом этимологической общности суффикса дательно-направительного падежа и общего для всех диалектов суффикса предельного падежа *-тоγо* ~ *-рогo*~*-дoγo*; 3) местно-исходный падеж возник позднее дательно-направительного падежа.

Форма, образуемая при помощи суффикса *-γγэ*, *-γэ*, по нашему мнению, еще не выделилась в особую падежную форму [13] (хотя суффикс *-γγэ*, *-γэ* и не является простым фонетическим вариантом суффикса местно-исходного падежа *-ух*, *-х*), поскольку формы на *-ух*, *-х* и формы на *-γγэ*, *-γэ* выражают один и тот же диапазон значений [14], т. е. не сложилось еще такое положение, когда бы форма на *-ух*, *-х* наряду со значениями, общи-

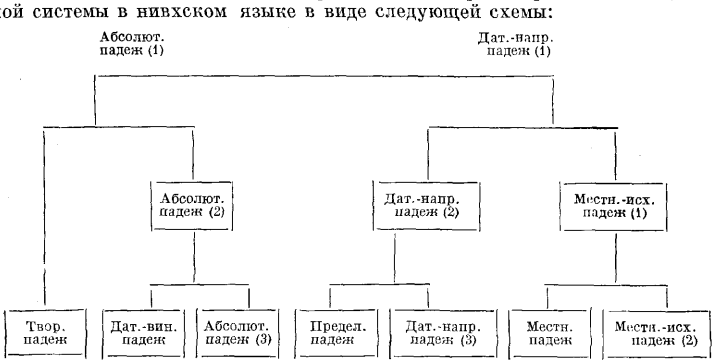
[например: *чи ршаин иγ чо?* «Ты где ловил рыбу?», ср. *чи иγд'* «Ты(ее) ловил»] или в функции сказуемого причастных оборотов, имеющих свое подлежащее в абсолютном падеже [например: *н'и восq т'адо тыр т'хы фид'* «Мною сломанный нож (буквально: я сломать нож) находится на столе», ср. *н'и т'адо восqт'* «Я сломал нож»], наличие значительного количества моносиллабичных слов при существующей тенденции к стяжению многосложных слов, в частности composita, до одного слога и т. д.

[13] Некоторые исследователи считают, что при помощи этого суффикса образуется особая падежная форма, которую В. Н. Савельева (указ. соч., стр. 248) определяет как форму продольного падежа, а Е. А. Крейнович,— как форму местно-исходного неопределенного падежа [см. его статью «Выражение пространственной ориентации в нивхском языке (К истории ориентации в пространстве)», ВЯ, 1960, 1, стр. 81—82, примеч. 13].

[14] В частности, имя, оформленное суффиксом *-γγэ*, *-γэ*, может указывать на совершенно определенный исходный пункт движения во времени и пространстве (например: *взман'χ п'ускуγэ озд'* «Его старуха с расположенных у входа нар встала»), на место, где локализуется действие, или на определенное местоположение предмета (например: *ургут иное ан'мавэ. к'уты новγγэ йивныд'ра* «Хорошенько на ее уши посмотрите. В ушах будут отверстия»).

ми у нее со значениями, присущими форме на *-γγэ*, *-γэ*, выражала бы и такие значения, которые не были бы свойственны этой последней. В аналогичных отношениях находятся также формы местного падежа, образуемые при помощи суффиксов *-γинэ* и *-γин*, *-ин*.

Основываясь на данных, полученных в результате этимологического анализа, равно как и анализа оппозиций, образуемых соответствующими падежами, можно гипотетически представить историю образования падежной системы в нивхском языке в виде следующей схемы:



В предложенной схеме не нашел отражения сравнительный падеж, который занимает обособленное положение в падежной системе нивхского языка, не образуя оппозиций рассмотренного выше типа ни с абсолютным падежом, ни с каким-либо другим косвенным падежом, ввиду чего невозможно определить его место в последовательности возникновения различных падежей. По-видимому, это объясняется тем, что соответствующая форма возникла вне падежной системы. Что касается определения относительной хронологии возникновения творительного и дательно-винительного падежей, то можно сделать вывод о более позднем возникновении дательно-винительного падежа, поскольку в значении дательно-винительного абсолютный падеж употребляется довольно часто, а в значении творительного падежа он употребляется лишь в некоторых особых случаях. Что касается творительного падежа, с одной стороны, дательно-направительного (2) и местно-исходного (1) падежей, с другой, то последовательность их возникновения по отношению друг к другу не ясна.

В связи с предложенной схемой развития падежной системы в нивхском языке следует также рассмотреть вопрос о том, можно ли считать, что грамматическая категория падежа возникла вместе с появлением особой формы, условно обозначенной нами как дательно-направительный падеж (1). Существует точка зрения, согласно которой «словесных грамматических форм, стоящих вне грамматических категорий, не бывает» [15]. В соответствии с этой точкой зрения признается существование таких грамматических категорий, каждая из которых выражается лишь одной формой со специальным морфологическим показателем и определенным положительным грамматическим значением и второй формой с нулевым показателем и с чисто негативным значением, как, например, категория звательности, категория ограничения в некоторых языках, категория падежа в английском языке и т. п. По нашему мнению, сторонники этой точки зрения не учитывают, что следуя смыслу самого термина «категория»,

[15] А. И. Смирницкий, Морфология английского языка, М., 1959, стр. 9.

можно считать категориальным лишь то грамматическое значение, которое занимает определенное место в иерархическом ряду других грамматических значений.

Вместе с тем следует отметить, что было бы неправильно пытаться свести все многообразие типов отношений категориальных грамматических значений к типу родо-видовых отношений (значение грамматической категории в целом — родовое понятие, частные значения грамматической категории — видовые понятия) или к отношению противопоставления «двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм» [16]. Так, например, если общее значение вида в нивхском языке (характеристика способа протекания действия во времени и пространстве) можно рассматривать как родовое по отношению к частным значениям категории вида (значениям видов законченности действия, продолженности действия, многократности действия, обычности действия и, наконец, значению общего вида), которые, не являясь противоположными по своему характеру, тем не менее не совпадают друг с другом хотя бы частично, то падежные значения находятся в иных отношениях друг к другу и, в частности, значения некоторых падежей частично совпадают друг с другом.

Аналогичные соображения могут быть высказаны и по поводу становления категории падежа в нивхском языке. Очевидно, что одна форма имени со специальным морфологическим показателем, соответствующим по своему значению падежному, еще не образует оппозиции с формой, не имеющей специального показателя, поскольку эта последняя может быть охарактеризована по отношению к первой форме лишь чисто негативно. Следовательно, образование особой формы, условно обозначенной нами в приведенной выше схеме как дательно-направительный падеж (1), представляет собой лишь начальный этап на пути формирования грамматической категории падежа в нивхском языке. Грамматическая категория падежа в нивхском языке возникла лишь тогда, когда образовались минимум две формы имени каждая со специальным морфологическим показателем.

История образования грамматических категорий в агглютинативных языках на основе противопоставления, с одной стороны, форм, возникающих в результате превращения знаменательных слов в агглютинативные аффиксы, каждый из которых имеет одно грамматическое значение и характеризуется четкой выделимостью в составе слова, а с другой стороны — формы с нулевым показателем, имевшей в силу этого первоначально нейтральное (негативное) значение, обусловливает некоторые специфические черты соответствующих грамматических категорий в агглютинативных языках.

К числу таких специфических и взаимообусловленных черт, которыми различные грамматические категории нивхского языка как одного из агглютинативных языков характеризуются в различной степени, относятся:

1. Наличие основной (для соответствующего парадигматического ряда) формы, противопоставленной всем остальным формам этой категории, имеющим специальные показатели, как слабый член оппозиции. Ср. в нивхском языке основной (абсолютный) и остальные падежи, общее (единственное) число и множественное число, общий вид и все остальные виды, действительный залог и остальные залоги.

2. Факультативность формального выражения частных значений той

[16] Д. А. Штелинг, О неоднородности грамматических категорий, ВЯ, 1959, 1, стр. 56.

или иной грамматической категории, когда, хотя такого рода оформление возможно по смыслу, тем не менее употребляется основная форма с нулевым показателем. Так, в нивхском языке при наличии специального показателя множественного числа форма общего (единственного) числа нередко употребляется и в тех случаях, когда имеется в виду множество соответствующих объектов [17]. Аналогичным образом форма общего вида часто используется и в тех случаях, когда действие объективно характеризуется теми или иными особенностями своего протекания, которые могут быть отражены специальными видовыми показателями. Как это следует из сказанного выше о соотношении основного (абсолютного) и косвенных падежей, такого рода факультативность, хотя и в гораздо меньшей степени, свойственна также и категории падежа [18]; что же касается категории залога в нивхском языке, то здесь явления факультативности не наблюдаются. Очевидно, что наличие формы с нулевым показателем и первоначально нейтральным значением является условием факультативности выражения частных значений грамматической категории, имеющих специальные морфологические показатели.

3. Возможность совмещения в пределах одной словоформы показателей двух частных значений одной и той же грамматической категории, если эти значения не исключают друг друга по своему объективному содержанию [19]. Так, в нивхском языке в одной словоформе могут сочетаться показатели видов законченности и многократности действия, видов законченности и обычности действия и др. Выше уже отмечалось, что имя может быть одновременно оформлено показателями дательно-направительного и предельного падежей. Наконец, в одной глагольной форме могут сочетаться показатели побудительного и возвратного залогов [20], а также два суффикса с различными модальными значениями. Очевидно, что возможность сочетания в пределах одной словоформы показателей двух значений, принадлежащих к одной и той же грамматической категории, создается благодаря тому, что каждый из соответствующих агглютинативных аффиксов характеризуется моносемией.

Перечисленные выше особенности грамматических категорий, свойственные в той или иной мере не только нивхскому, но и другим агглютинативным языкам, являются не менее существенными для их типологической характеристики, чем особенности структуры слова, которыми эти первые, как показано выше, в известной мере обусловлены.

---

[17] См. об этом В. З. Панфилов, Грамматическое число существительных в нивхском языке, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», XI, 1958, стр. 47—48. Ср. аналогичное явление в тюркских языках (см. Н. К. Дмитриев, Категория числа, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 68).

[18] Аналогичное явление наблюдается в тюркских языках (см. Э. В. Севортян, Категория падежа, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, стр. 57).

[19] Следовательно, положение А. И. Смирницкого, согласно которому «Ни в какой словоформе не могут соединяться одновременно две категориальные формы одной и той же категории» (А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 9), выдвинутое применительно к индоевропейским языкам, не имеет силы в отношении агглютинативных языков.

[20] См. об этом В. З. Панфилов, О залоге глагола в нивхском языке, в сб. «Вопросы грамматики», М.— Л., 1960, стр. 120.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

В. В. ШЕВОРОШКИН

О ХЕТТО-ЛУВИЙСКОМ ХАРАКТЕРЕ КАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Транслитерация карийских букв, предложенная в моей статье «Карийский вопрос»[1], в настоящее время может быть уточнена. Гласные Ш, Е, Ш могут быть обозначены соответственно через ε̆, ε, $ε_1$ (ε и $ε_1$ — взаимоисключающие графические варианты); вариант гласного ŭ (прямоугольник с вертикальным штрихом вверху) — через $ŭ_1$; согласные Θ, Δ и β — соответственно через λ, *d* и b_1; согласные, передававшиеся мною ранее посредством λ, *w*, *ḫ*, *ś*, — соответственно через *ṯ*, *b*, χ, *ñ* (?)[2].

Эти уточнения способствуют, в частности, более объективной трактовке формы *nṯa-kù/nda-kù* (второй вариант представлен только в финанских граффити, в которых *ṯ* вообще отсутствует): видимо, карийск. *nṯ/da-* восходит к индоевропейскому образованию, представленному в хетто-лувийских языках в виде *anta-* (ср. лат. *endo*), *ēt-* (лид.), *ñta-*, *ñte-* (лик.), а все слово в целом означает «на-писал» (resp. «над-пись»), ср. лик. *ñte-laβra*, лид. *ēn-ud* и т. д. Такая трактовка подтверждается и комбинаторным анализом: в текстах Карии довольно часто встречается хетто-лувийский суффикс *-nt/da* (карийск. *-nta*), индоевропейское происхождение которого после недавних работ Э. Лароша представляется несомненным.

В карийском языке хорошо представлена древняя индоевропейская гетероклизия. Участвующему в гетероклитическом чередовании корню *b(u)v-* (и.-е. * *bheu-*?) в имени *sav-bv-oz* предшествует «приставка», сопоставимая с лид. *sav-* «добро-». Видимо, карийск. *sav-*, *sava* (как и лид. *sav-*, *sava-*) восходит к и.-е. *(*H*)*seu-*, ср. др.-инд. *su-*, слав. *sŭ-* (ступень **Hesu* в хет. *aššu*, греч. εὐ?; однако лув. *wassu*, возможно, свидетельствует о корне **ϙes-* в хеттской и греческой формах).

---

[1] ВЯ, 1962, 5.

[2] Реальные изменения в транскрипции, таким образом, незначительны. Буква Θ обозначена через λ потому, что этот знак ведет себя в некоторых случаях, как слоговой согласный; его роль в «адъективах» соответствует роли лидийского суффикса *-li-* (следует отметить, что в лидийском имелся и косвенный падеж на -λ); согласный, обозначенный через *ñ*, ведет себя в позиционном отношении так же, как и хронологически более поздний согласный ν (этот последний не встречается в начальной и интервокальной позиции, причем в определенных случаях чередуется с обычным *n*, ср. *mavna-*: *mavna-*), ср. лид. ν (и лик. *ñ*). Остается необозначенным встречающийся лишь в текстах Карии согласный Т (возможно, взаимоисключающий графический вариант ↑ — τ в моей транскрипции; надо, впрочем, учесть, что частотность Т и ↑ в текстах Карии превышает частотность ↑ в надписях из Африки). Уже высказывались предположения о его идентичности карийскому «сампи», встречающемуся лишь в надписях из Сильсилиса (дважды) и, возможно, в граффити Абу-Симбела (один раз). В этой связи интересно предположение Р. Гусмани о возможной идентичности карийских ↑, Т и «сампи» (дентальный спирант? — ср. чередование -σσ-/-τ(τ)- в греческих передачах, ср. также лид. ↑ = *d*). Неясно, действительно ли весьма употребительный знак, передаваемый Х. Штольтенбергом через *q*, соответствовал лабиовелярному: возможно, этот (редкий!) звук передавался в карийском через *ku*, *kù* (*q* могло бы входить в группу *p*, известные знаки которой встречаются до странности редко).

Карийские слова *lùlk*, *iunk*, возможно, сопоставимы с лув. *lulaḫi*, *iunaḫi* (в лувийских текстах бок о бок с *lulaḫi* часто упоминаются *ḫapiri*; заметим в этой связи, что карийцы, иногда отождествляемые с лелегами, жили по соседству с кибирийцами).

Находят свои параллели в хетто-лувийских (и прежде всего в лидийском и ликийском) языках карийские глагольные формы на *-oτ*, глагольные и отглагольные образования на *-ns*(-) (ср. в этом отношении также и этрусский язык), карийские падежные формы на *-i* (ср. *èdia-* : *èdea-i*), *-ν* (ср. *sla* : *sla-ν*), *-t* (Abl.? Instr.?) (ср. λυχze-λ : λυχze-t, *slara*: *slra-t*), энклитики *-τ*, *-b*, *-q* ([k^u]?; [*p*]?), *-v*, *-he*.

В заключение приведу несколько грамматических и лексических параллелей, которые, подтверждая принципиальную правильность транскрипции в целом, свидетельствуют в то же время о хетто-лувийском характере карийского. Именные суффиксы: *-aϑe*-(ϑ ≈ [*t*]): *-ατη*-(*-αδη*-) в греческих передачах (например, в карийских псевдодемотика): хет.-лув. *-atta* и т. д.; *-tϑi-*: и. -е. *-iti*; *-on*: *-ων-*; *-ok* : *-ωκ-*; *-oz*: *-ωσ* (ср. лик. *-uzi*, хет. *-uzzi*); (*mes*) *-eve* : лик. (*mēs*)*-ewe*; (*qd*)*-ov-*: лид. (*kat*)*-ov-* (ср. хет. *uṹa*) — уже И. Сундваль сравнивал карийск. *es-ov-* с ликаонск. Εσουα; ср., кроме того, карийск. (Μασ)-τα; лид. (*arm*)-*τa*. Элементы топономастики : *kikui*-: Κεκοι (-α); *χsb*, *-χsb*[3]: Κ/Χασβ : лик. *kssb*-; *kanτ* . . .: Κανδ- (ср. хет. *hant/d*-?); *snr*[3]: Σινυρι; *mik*- : Μικ-; *sla* : лик. *hla*-; *slara*: Σαλαρα (м.-аз.); *sùzrme*-: Σωσαρμος (хет.-лув.); *pn*-: Παν-, Πουν-(?): лик. *pñn*-; *əget*-: γετ- (м.-аз.); *uv*-: лик. *uw*- (карийск. ουωκ- ⟨* *uv-ok*); *ive*-: лик. *iwē*; *avka*- : лид. *avka*- (прилаг.); ср. также *slm*- (глагол?): лик. *slam*-, *slām*-, *hlm̃m*- (именная и глагольная основа: «память», «чтить»?); *rav-mi*-: лик. **arawēmi* (ср. аналогичное у И. Сундваля).

Эти — и другие — данные делают возможным перевод некоторых надписей или их фрагментов: F45 *maveὶεn slm-odo* «М. да будет чтим (?)»; F40 *ϑeg-q-s nṯa-k-ù ek* [*s*]-*no* «Т. -здесь (?)-эту (?) на-писа-л надпись (?)», ср. B3 *mesnar-q ravkè-λ əks-n-s-os* «М. -здесь (?) [сын] Р. написавший (?)» (видимо, в карийском, как и в других хетто-лувийских языках, имелось несколько различных основ с общим значением «писать»); многочисленные надписи со структурой А В—λ (С—λ) переводятся соответственно как «А [сын] В ([из рода] С)» (или: «[из местности] С» и т. д.), слово *sṯe-s-as*, включаемое в состав таких формул в эпитафиях юго-западной Карии, очевидно, означает «воздвиг(ший)» или нечто подобное.

---

[3] Эти слова дошли до нас в консонантной записи, иногда использовавшейся при написании собственных имен: ср. *msnr-q* при *mesnar-q*.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

КОНСУЛЬТАЦИИ

М. В. МАЧАВАРИАНИ

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ МАТЕМАТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ

Рассматривая вопрос о взаимоотношении математики и лингвистики, следует различать два аспекта характеристики математических методов и их применения в языкознании. В о-п е р в ы х: а) у различных математических методов имеется одна методологическая основа, одни общие принципы; б) в различных отраслях математики встречаются одни и те же понятия, которые, видимо, являются общими и важными с точки зрения математики. В о-в т о р ы х: кроме этих общих свойств и понятий в каждой области математики выделяются специфические математические методы, имеется свойственный данной отрасли математический аппарат, конкретные доказательства, формулы и т. д. Каждая отрасль математики создает свою собственную теорию. Нам кажется, что когда говорят о связях математики с лингвистикой, следует четко различать эти две стороны. Постараемся, хотя бы в общих чертах, рассмотреть каждую из них, дабы стала ясной необходимость такого разграничения.

Из общих методологических принципов, обнаруживаемых у математических методов, остановимся на нижеследующих.

1. Математическое рассуждение — это строгое логическое доказательство. Для открытия своих теорем математика пользуется моделями, аналогиями, примерами, но математическая теорема входит в математическую систему только после того, как она доказана логическим рассуждением. Доказать теорему означает вывести ее путем строго логически обоснованных и на каждой ступени доказательства явно сформулированных правил из начальных положений, которые фигурируют в данной теореме [1]. Обычное требование математической строгости состоит в том, что «доказательство должно опираться на аксиомы и не использовать ничего (даже самого очевидного), что не содержится в аксиомах», и выводить следствия из аксиом путем логического рассуждения [2]. В основном в этом заключается так называемая математическая точность.

2. Поэтому вводимые в математическую теорию понятия должны быть совершенно четко и однозначно определены, а высказанные относительно них содержательные утверждения доказаны.

3. Ни одна математическая отрасль не довольствуется накоплением отдельных законов, теорем, доказательств. Чистая математика всегда стремится связать эти отдельные точные данные в одну строгую систему и тем самым создать цельную математическую теорию. Наиболее яркое применение эта черта нашла в аксиоматически построенных системах.

---

[1] См. сб. «Математика, ее содержание, методы и значение», I, М., 1956, стр. 6.
[2] См. А. Ч ё р ч, Введение в математическую логику, I, М., 1960, стр. 54.

4. Отсюда вытекает то обстоятельство, что в математике новым объектам и понятиям по возможности стараются найти место в соответствующей системе и тем самым зачастую переосмысливается сама теория.

5. Так как математические понятия носят наиболее отвлеченный и абстрактный характер, то языком-объектом математики стал искусственный символический язык. Введение символического языка служит в основном трем целям: а) достигается однозначность понятий; б) более четко видна логическая основа математических доказательств, что позволяет легко прослеживать и воспроизводить логическую форму; в) благодаря экономной записи в символах искусственного языка удается избегнуть громоздкости в математических формулах.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: чем отличаются общие методологические принципы лингвистики от математических и в чем они совпадают? Присуща ли так называемая точность только математическим методам или она может быть свойством и лингвистических методов?

Среди гуманитарных наук лингвистика в определенном смысле издавна считалась самой точной наукой благодаря наличию объективных данных, полученных сравнительно-историческим методом. Недаром в истории языкознания существует взгляд, что лингвистика превратилась в подлинную науку с рождением сравнительного языкознания [3]. Этого не отрицают даже те современные языковеды, которые в своей теории и практике весьма далеки от целей сравнительно-исторического языкознания [4]. Но следует особо подчеркнуть, что в классический период развития сравнительного языкознания требования логической строгости, системности знаний, объединения отдельных закономерностей в строгую теорию и т. д. не были осознаны и явно высказаны языковедами и во всей своей совокупности не соблюдались, что было обусловлено прежде всего уровнем исследовательской практики, недостаточностью собранных лингвистических фактов. Поэтому классическое языкознание далеко отставало от математики по точности и объективности научных данных.

В современном послесоссюровском языкознании в этом отношении наблюдается большой сдвиг. Благодаря имманентному развитию лингвистических идей, отображающих свойства языковой структуры, с одной стороны, и под влиянием математических методов и практических запросов прикладной лингвистики — с другой, в языкознании все более четко формулируются требования строгости, точности и даже аксиоматического характера построения языковой теории. Во многих отраслях современной лингвистики, особенно — в фонологии, достигнутая точность почти граничит с математической. В остальных отраслях теоретической и прикладной лингвистики делаются первые шаги к созданию подлинно научной (в математическом смысле) теории.

На основании сказанного можно сделать вывод, что точность и систематический характер языковедческой теории (подразумеваются фонологические, грамматические, семасиологические теории) будут достигнуты не на основании механического перенесения в лингвистику общих принципов математической методологии, а благодаря тому, что некоторые стороны самого объекта лингвистики, в частности, системность, структурность языка [5], при адекватном их изучении с необходимостью потребуют

[3] См., например: Арн. Чикобава, Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938, стр. 1.

[4] См. об этом, например: Б. Л. Уорф, Лингвистика и логика, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 191.

[5] Под «системой» здесь понимается всякое упорядоченное каким-нибудь образом множество; под «структурой» — определенные виды необходимых связей, характеризующих данную систему. Поэтому с нашей точки зрения вполне логичен вопрос: какова структура данной системы?

строгости, системности самого метода и теорий в той мере, в какой это позволят разные аспекты языка.

Как было отмечено выше, кроме общих методологических принципов, в различных отраслях математики бытуют общие, видимо, наиболее существенные понятия. Назовем некоторые из них:

1. Понятия константы и переменной, пронизывающие всю современную математику. По определению А. Чёрча, «термин константа будет синонимом для выражения „собственное имя, имеющее денотат“ [6] (т. е. обозначаемое). В математике классическим примером констант являются собственные имена чисел (например, *семь*, *восемь*, *десять* и т. д.). Переменная есть символ, у которого единственный денотат константы заменен возможностью различных значений переменной. Так как обычно необходимо ограничивать значения, которые может принимать переменная, то считается, что с переменной связана непустая область ее возможных значений [7]. Классическим примером переменной могут служить символы a, b, c и т. д., применяемые в алгебре. Областью их значений могут быть, например, действительные числа, и переменная в таком случае может принять значения «семь», «восемь», «десять» и т. д.

2. Понятие функции. Пусть даны две переменны x и y с областями значений X и Y; «переменная y называется функцией от переменной x в области ее значения X, если по некоторому правилу или закону каждому значению x из X ставится в соответствие одно определенное значение y (из Y)» [8]. Функция является абстрактным понятием зависимости одной величины от другой или — еще более абстрактно — определенной зависимости одного явления от другого.

3. Понятия языка-объекта и мета-языка. Если у нас имеется цепь символов (содержащая определенные константы, переменные, связки и т. д.), которая является нашим символическим языком объектом, то всякий раз, когда мы хотим говорить о таком языке, мы должны обратиться к другому языку, который будет мета-языком по отношению к этому языку-объекту. Различие между языком-объектом и мета-языком проводится во всех областях математики, но явно оно сформулировано и с необходимостью применяется при построении формализованного языка в логистических системах.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Математик строит свою теорию преимущественно в отношении синхронных объектов, раскрывает механизм действия синхронных систем.

Вопросы истории развития математических систем интересуют обычно историка математики или, в крайнем случае, ставятся при обосновании той или иной математической теории, в процессе критики предшествующих теорий.

Если рассмотреть эти понятия с точки зрения их применимости в лингвистике, то можно видеть, что они имеют для нее определенный смысл и в некотором отношении могут помочь лингвисту уточнить свой метод и благодаря этому позволят более адекватно отобразить соответствующие стороны изучаемого предмета, тем более, что предмет языкознания содержит такие стороны, которые лучше всего могут быть изучены именно при помощи указанных понятий. То, что эти понятия органичны для лингвистики и могут быть применены даже до и независимо от введения конкретного математического аппарата, можно видеть из нижеследующего.

[6] А. Чёрч, указ. соч., стр. 20.
[7] Там же.
[8] Г. М. Фихтенгольц, Курс дифференциального и интегрального исчисления, I, М.— Л., 1958, стр. 95.

1. Так как язык есть система, то отсюда a priori следует вывод, что отдельные элементы этой системы взаимосвязаны; отсюда возможная эффективность применения понятия функции.

2. Так как самим предметом лингвистики является язык, то во избежание путаницы и для того, чтобы четко разграничить понятия, следует выделить: а) предмет науки: человеческую речь, речевой процесс [9]; б) из предмета науки — объект лингвистики: язык как систему осмысленных, имеющих физическую (фонетическую) природу знаков, систему, являющуюся орудием мышления и общения и данную исследователю в виде определенного языка-объекта; в) особо выделяется система имен, которыми исследователь обозначает изученные им явления языка-объекта, т. е. мета-язык.

Неслучайно поэтому, что эти понятия все чаще можно встретить в специальной лингвистической литературе. Что касается понятия константы и переменной, то в том своем точном значении, в каком они употребляются в современной математике и математической логике, они еще не нашли, на наш взгляд, должного применения в лингвистике; это утверждение кажется нам верным, если учесть, что понятия варианта и инварианта, часто употребляемые в лингвистике, не синонимичны с понятиями переменной и константы [10]. В математической логике дана попытка интерпретировать собственные имена как константы, а так называемые общие имена в распределительном смысле как переменные [11]. Нам кажется, что если проанализировать с этой точки зрения лексический материал конкретных языков, то многие лексические и семасиологические явления удастся отобразить более тонко и адекватно.

Нам остается рассмотреть вопрос о месте синхронии в языкознании. Здесь ей нельзя придавать такого самодовлеющего значения, как в математике. Не имея возможности подробно рассмотреть сложный вопрос о синхронии и диахронии, хотелось бы все же подчеркнуть одно обстоятельство. Языкознание в отличие от математики имеет дело не с абстрактными системами отношений, а с реальными, конкретно действующими системами, которые развиваются и в которых наблюдаются зачатки новых тенденций. Симметрия элементов системы то нарушается, то снова восстанавливается. Поэтому лингвист не в праве не видеть своей существенной задачи в изучении развития системы и ее элементов. Правда, на определенном этапе изучения он может абстрагироваться от диахронии и постараться объяснить механизм синхронно действующей системы языка, но полное и всестороннее изучение языков требует уделять диахронии столько же (если не больше) внимания, сколько и синхронии, причем одна из основных задач такого изучения — выявить, как взаимодействуют синхрония и диахрония в языке, т. е. уяснить, какие моменты развития являются релевантными при становлении системы. В этом отношении лингвистика принципиально отличается от математики.

Но у этого вопроса есть и другая сторона. Часто в лингвистике не различаются с достаточной четкостью причины явления и его особенно-

[9] Человеческая речь может быть предметом не только лингвистики, но и других наук, например, психологии.

[10] Ср. G. Frege, Was ist eine Funktion?, сб. «Festschrift Ludwig Boltzmann gewidmet zum 60. Geburtstage», Leipzig, 1904. То, что понятия инварианта и константы, с одной стороны, и варианта и переменной — с другой, действительно не совпадают, видно из следующего: по теории Л. Ельмслева, фонема является инвариантом-сущностью, а аллофоны — вариантами-образцами сущностей. Если же охарактеризовать фонему и аллофоны в терминах переменной и константы, то переменной окажется фонема, а константами — аллофоны. См. Л. Ельмслев, Пролегомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», I, стр. 320.

[11] А. Чёрч, указ. соч., стр. 27, 341—342.

сти как результата. Например, причиной существования разных стилей является то, что в языке одинаковое содержание может быть выражено различными средствами. Но это еще не значит, что определять стиль следует только по его причине, т. е. по соотношению средств выражения и выражаемого содержания. Если ограничить изучение стиля только этим, то в понятие стиля никоим образом не смогут войти характеристики, не имеющие непосредственного отношения к содержанию, к смыслу. Однако, как показали работы У. Фукса, Дж. Юла, Р. Р. Мдивани, Г. А. Лесскиса [12], подобные характеристики, основанные на чисто количественном принципе, наиболее объективно характеризуют стили подъязыков и различных языков. Поэтому стиль можно определить и независимо от причины, его порождающей, по той статистической мере частотности и вероятности появления характерных черт данного языка или подъязыка, которые отличают его от другого проявления языка и поэтому являются характеристиками стиля.

Таким образом, те общие методологические принципы и наиболее общие математические понятия, о которых шла речь выше, с большой пользой могут быть применены в лингвистике, так как это обусловлено внутренней потребностью языкознания наиболее адекватно изучить свой предмет. Поэтому тенденции к точности, строгости, логической последовательности доказательств, однозначности терминов и т. д. независимо возникли в самом языкознании, а сотрудничество с математикой лишь стимулировало этот процесс. Из сказанного следует, что только на этом основании говорить о возникновении новой отрасли — математической лингвистики — нельзя.

Что же такое математическая лингвистика? На вопрос о сущности математической лингвистики поможет ответить рассмотрение того, каковы возможности применения конкретного математического аппарата, специфических математических методов и теорий к языку.

При изучении языка математические методы можно применять с трех точек зрения: 1) анализировать лингвистический материал для целей математики. В этом случае язык служит просто отправным пунктом при создании самодовлеющего математического утверждения, которое вследствие математической обработки становится настолько абстрактным, что уже никакого прямого отношения к языку не имеет. В таком случае мы остаемся в пределах математики (ср., например, понятие марковского процесса); 2) выразить математическим языком (если это возможно) готовые лингвистические научные данные, полученные путем применения лингвистических методов и ранее сформулированные на языке лингвистики; 3) изучить математическими методами непосредственно лингвистические объекты, установить новые, неизученные свойства этих объектов, свойства, которые не поддаются изучению нематематическими методами, т. е. наполнить математические формулы лингвистическим содержанием. Во втором и третьем случаях мы находимся в сфере так называемой математической лингвистики.

За последние 15 лет вышло в свет немало научных работ, в которых реализованы эти возможности. Приложены серьезные усилия, чтобы применить к изучению языка методы математической статистики, теории мно-

[12] W. Fucks, Mathematische Analyse von Sprachelementen, Sprachstil und Sprachen, Köln — Opladen, 1955; G. U. Yule, On sentence-length as a statistical characteristic of style in prose: with application to two cases of disputed authorship, «Biometrica», XXX, pt. III and IV, 1939; Р. Р. Мдивани, О применении статистического анализа стиля, «Научная конференция аспирантов и молодых научных работников. Сокращенные тексты докладов», Тбилиси, 1961; Г. А. Лесскис, О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX в., ВЯ. 1962, 2.

жеств, теории вероятности, теории информации, теории алгоритмов и аксиоматический метод. Это — многочисленные труды советских и зарубежных ученых по стило- и лексико-статистике, по глоттохронологии, по моделированию порождающих грамматик, по машинному переводу и т. д. Несмотря на бурное развитие, математическая лингвистика делает только первые шаги. По этим первым шагам можно судить и о перспективах развития молодой отрасли и о трудностях, с которыми она сталкивается. В чем они заключаются в общих чертах?

Математический аппарат обладает сам по себе достаточной точностью и надежностью, но вся суть в том, что для того, чтобы эти качества эффективно проявились, нужно точно определить сферу его применения, найти такую адекватную область, где работа аппарата имела бы смысл, давала конкретные результаты. А это очень сложная задача, требующая больших совместных творческих усилий лингвистов и математиков, а в будущем — лингвистов-математиков. Вся сложность заключается в том, что методы наиболее абстрактные и отвлеченные применяются к живым, конкретным фактам языка. Поэтому эти методы стоит применять только в том случае, если в этом живом материале выделить такие стороны, найти такие характеристики, которые, с одной стороны, поддадутся обработке математическим аппаратом, а с другой — выявят существенные аспекты самого языка. Чтобы правильно решить задачу, ее нужно правильно сформулировать. Приведем несколько примеров:

1. Если для того, чтобы изучить грамматическую структуру предложения, начать вычислять частотность появления в предложении различных слов, то структура предложения останется неизученной независимо от того, с какой, пусть идеальной, точностью ни была установлена частотность появления слов.

2. Но и в том случае, когда задача намечена верно и математические средства для ее достижения имеются в готовом виде, трудностей не миновать. Например, для изучения статистической структуры текста, даже при наличии хорошо известных статистических правил и общих закономерностей, при наличии формул, определяющих относительную ошибку точности измерения, необходимо заранее обрабатывать материал, проводить многочисленные эксперименты, для того чтобы установить объем выборки и обеспечить точность расчета. Если же исследователь сумел подыскать постоянные величины, пригодные для характеристики различных текстов, тогда достигнутый результат по своей точности и универсальности стоит затраченных на него трудов [13].

3. При применении логистического метода дело обстоит еще сложнее. Логистический метод дает только правила построения формальной системы с соблюдением условий ее непротиворечивости и в некоторой степени — ее полноты. Но чтобы построить так называемую аксиоматическую дедуктивную систему с учетом ее интерпретации в конкретной области (как это необходимо в случае с языком), наличия одной формальной системы недостаточно, к ней нужно присоединить еще постулаты, которые при интерпретации окажутся истинными в нужной области [14]. Только в подобном случае имеет какой-то смысл строить дедуктивную систему для языка. А такая задача требует предваритель-

---

[13] См. об этом: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина, О точных методах исследования языка, М., 1960, гл. V; P. Guiraud, Problèmes et méthodes de la statistique linguistique, Paris, 1960; G. Herdan, Type-token mathematics, 's-Gravenhage, 1960.

[14] Ср. P. F. Strawson, Introduction to logical theory, London — New York, 1952, стр. 62.

ного детального эмпирического изучения данных конкретного языка. Зато если работа удастся и аксиомы будут правильно подобраны, мы получим дедуктивную систему, которая будет точно отображать некоторую область структуры языка.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что применение математических методов не превращает лингвистику в чисто дедуктивную науку. Дедуктивный метод здесь все время взаимодействует с эмпирическим изучением фактов конкретных языков. Поэтому вполне вероятно, что в некотором отношении потребуется в соответствии с лингвистическими задачами изменить и математический аппарат, создать новые модели, найти новое аналитическое выражение определенным языковым закономерностям и т. д. Здесь требуется творческое усилие мысли лингвиста-математика, в равной мере владеющего как математическим аппаратом, так и конкретными языковыми фактами, хорошо разбирающегося в лингвистической проблематике. Такие попытки уже реально предприняты в работах О. С. Кулагиной, Н. Д. Андреева, Н. Хомского, Б. Мандельбро и других ученых.

Каковы преимущества математической лингвистики? В чем заключается наибольшая ценность ее новой методологии? С нашей точки зрения, эта ценность заключается в том, что когда при помощи математических методов удается раскрыть механизм действия определенных структур (например, раскрыть явно механизм действия грамматики языка), этот механизм начинает действовать с автоматической точностью [15]. С теоретической точки зрения это значит, что языковедческая теория получает объективное подтверждение своей истинности и из гипотезы превращается в доказанную теорию. А с практической точки зрения это означает, что научные результаты можно передать машине и получить колоссальную экономию человеческих сил в переводе с языка на язык, в реферировании текстов, в дешифровке письменности и т. д. Как это широко известно из специальной литературы, определенные теоретические и практические результаты в этом направлении уже имеются, что говорит о вполне реальных перспективах развития математической лингвистики.

Осталось ответить еще на один вопрос. Что такое математическая лингвистика, лингвистика это или математика? Специфику науки создает единство точки зрения, метода и изучаемого объекта. В математической лингвистике точка зрения и изучаемый объект чисто лингвистические, метод отчасти, правда, математический, но, во-первых, направленный на изучение лингвистического объекта и, в отличие от метода чистой математики, наполняемый лингвистическим содержанием, во-вторых, все время взаимодействующий со специфически лингвистическими методами. Отсюда следует только один логический вывод: математическая лингвистика — это новая отрасль языкознания.

---

[15] См. об этом N. Chomsky, Syntactic structures, 's-Gravenhage, 1957.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1963

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Г. А. ЛЕССКИС

О ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ РАЗМЕРОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ХАРАКТЕРОМ ТЕКСТА *

Размер предложения не является величиной сколько-нибудь строго фиксированной, поскольку у этой величины не существует постоянной верхней границы. Теоретически, кажется, невозможно представить себе такое предложение, насчитывающее n слов, к которому невозможно было бы прибавить еще 1 слово. На деле, однако, начиная с какого-то n вероятности появления предложения размером $n + 1$ начинают падать, и с какого-то момента эти вероятности становятся достаточно малы, чтобы ими можно было практически пренебречь. Таким образом, размеры предложений, реально используемые в русском языке, можно установить из статистических наблюдений, причем степень достоверности выводов будет зависеть от размера и от характера материала, выбранного для наблюдений.

Сама природа исследуемого явления не только допускает, но и предопределяет некоторый произвол (в каких-то вероятностных границах) каждого автора в вопросе, где поставить точку и начать новое предложение. Не являются ли складывающиеся таким образом как будто случайные статистические характеристики одним из элементов индивидуального стиля писателя? Читательская (и писательская) интуиция, кажется, подсказывает утвердительный ответ. Например, принято говорить (и писать) о коротких фразах Пушкина и Чехова, о длинных периодах Гоголя и Л. Толстого[1]. В таком случае этим признаком не следует пренебрегать при анализе художественного текста, тем более, что по нему сопоставимы любые тексты, он является показателем объективным и легко поддается учету и дальнейшей статистической обработке.

Впервые этот вопрос был обстоятельно разработан Дж. Юлом, который практически использовал в своем анализе размеры предложений для атрибуции спорного текста[2]. Каждый из обследованных Юлом текстов разбивался на две примерно равные части (A и B), а затем сравнивалось распределение предложений. Оказалось, что это распределение по всем параметрам приблизительно совпадает для каждого произведения в группах A и B, но всегда различно для произведений разных авторов. Устанавливая распределение предложений в спорном тексте, а также в текстах, достоверно принадлежащих тем двум писателям, которые рассматриваются как возможные авторы первого текста, и сравнивая полученные характеристики, Юл устанавливает авторство спорного текста.

Такой метод атрибуции может оказаться не всегда достаточным, и именно в тех случаях, когда обследуемый текст неоднороден в группах A и B. Наш материал показывает, что в текстах одного автора предложения в зависимости от их размеров распределяются однообразно далеко не всегда[3]. Таким образом, использование разме-

---

* За консультацию при математической обработке материала приношу благодарность В. Н. Цыкунову. Выражаю также свою признательность всем лицам, многочисленными советами и замечаниями которых я имел возможность воспользоваться при работе над этой статьей.

[1] Ср., например, мнение В. В. Маяковского, высказанное им в ст. «Два Чехова» (Полн. собр. соч., I, М., 1955, стр. 301). Размер предложения здесь не только рассматривается как признак стиля, но и поставлен в связь с содержанием творчества, с миросозерцанием писателя.

[2] G. U. Y u l e, On sentence-length as a statistical characteristic of style in prose: with application to two cases of disputed authorship, «Biometrica», XXX 3—4, 1939.

[3] Например, при разбиении авторского текста в трех романах Тургенева («Отцы и дети», «Накануне» и «Дым») на две равные группы A и B получаем следующие показатели $\bar{n}$ (среднее арифметическое) для каждой из групп: A: 17,6; 16,8; 20,7; B: 15,6; 14,1; 14,7.

ров предложений для характеристики индивидуального стиля автора значительно осложняется. Представляется необходимым выяснить, в какой степени автор действительно произволен в выборе размеров предложений.

Отправным пунктом настоящего исследования было сопоставление заведомо неоднородных текстов научной, публицистической, эпистолярной и художественной прозы (последние относятся к разным периодам в развитии русского литературного языка и художественной литературы). Прежде всего нужно было расчленить художественный текст на составляющие его компоненты и установить, как они соотносятся между собой. Что касается неавторской письменной речи, то она занимает во всех произведениях очень небольшое место; в романе 60-х годов в целом на ее долю приходится немногим более 2% всего числа предложений. Средний размер предложения в этом компоненте — 15,8 (несколько ниже среднего размера предложений в авторской речи). Зато на долю речи персонажей приходится примерно половина всех предложений в романе (36 123 из 72 103) и около трети всех предложений в малых жанрах (29,6% в древнерусской литературе; 39,6% в литературе XVIII в.; 35,3% — в литературе XIX—XX вв.). У одних авторов (Достоевский, Чернышевский, Лесков, Гончаров) речь персонажей занимает еще большее место, у других (Пушкин, Толстой, Салтыков-Щедрин) доля ее падает ниже среднего (см. табл. 1). Но во всех произведениях в литературе XIX—XX вв. при всем естественном и легко объяснимом разнообразии параметров речи персонажей («образа» устной речи) у разных авторов все они расположены в одних, довольно определенных интервалах (см. табл. 2, 2а), тогда как параметры авторского сплошного повествования (одной из разновидностей письменной речи) располагаются в других интервалах (ср. табл. 4, 4а). Иначе обстоит дело в обследованных текстах древней русской литературы, где и в целом, и по отдельным произведениям размеры предложений в речи персонажей и в речи автора почти не различаются, хотя, разумеется, нет никаких оснований думать, что в древней Руси не существовало различий между устной и письменной речью. В произведениях XVIII в. действующие лица всегда говорят более короткими предложениями, чем пишет автор, параметры речи персонажей заметно снижаются, но не достигают в большинстве произведений (исключение: «Бедная Лиза» и «Путешествие из Петербурга в Москву») интервалов, характерных для литературы XIX в.

Очень своеобразным компонентом художественного текста являются авторские ремарки. Это письменная речь, имеющая в художественной прозе прежде всего служебное назначение и почти всегда — своеобразную синтаксическую структуру. Если рассматривать ремарку как самостоятельное предложение, то формально в ее составе в качестве одного из членов предложения (дополнения) следует рассматривать целиком ту реплику действующего лица, которую эта ремарка вводит в авторский текст. Это является самым устойчивым, постоянным грамматическим признаком ремарки. По месту, занимаемому в отношении реплики, ремарки могут быть препозитивными (*А*) и интер- и постпозитивными (*В*). В древних текстах наблюдается абсолютное господство типа *А* (169 случаев из 175), в текстах XVIII в. преобладает тип *В*, но еще довольно часто встречается и тип *А*, в литературе XIX в. господствует тип *В*. Например, из 1588 ремарок, выбранных из романов Достоевского, Лескова, Л. Толстого, Тургенева, только 96 приходится на тип *А* (6,0%). Препозитивные ремарки, как правило, бывают многословны и содержат значительную знаменательную часть. Так, у Л. Толстого средний размер препозитивной ремарки в т. I «Войны и мира» — 14,6, тогда как средний размер ремарки в этом томе вообще — 7,5. Ремарки типа *В* имеют более формализованный характер: порядок членов предложения в них жестко фиксирован (сказуемое всегда перед подлежащим), сказуемое выражено всегда глаголом говорения, мышления или заменяющим их глаголом, подлежащее выражено в большинстве случаев личным местоимением 3-го лица или именем собственным, причем очень часто (в 30%) этим и ограничивается состав ремарки. Такие двусловные ремарки имеют чисто служебный характер, не содержат никакого знаменательного элемента и стилистически нейтральны[4]. К чисто служебным ремаркам следует также отнести те, в которых подлежащее выражено двумя или более словами (например, «князь Андрей», «княжна Марья»), и трехсловные, в которых третье слово называет адресата реплики (типа «сказала она ему»). Общее количество всех служебных ремарок возрастет тогда примерно до 39% всего числа ремарок обоих типов. Остальные ремарки типа *В* (если не считать крайне редких в новой литературе однословных ремарок типа «говорит», всегда придающих повествованию элемент стилизации; см., например, рассказы Лескова), сохраняя основную служебную функцию, содержат знаменательный элемент. Довольно часто (например, у Л. Толстого — в 20% всего числа ремарок)

[4] Это хорошо видно при анализе двусловных ремарок у Л. Толстого. В отличие от других писателей, стремившихся разнообразить лексический состав глаголов говорения, используемых в ремарках, Л. Толстой чаще всего подряд употреблял один и тот же глагол *сказал*. Так, в первых ста ремарках в «Войне и мире» используется 16 разных глаголов, в «Отцах и детях» — 25, в «Идиоте» — 43. У Л. Толстого из сотни 63 словоупотребления приходится на глагол *сказал*.

Таблица 1

Соотношение трех основных компонентов в художественной прозе[1]

№№ пп	Автор и название произведения	Всего		В сплошном авторском повествовании				В авторских ремарках				В речи персонажей			
		число предложений	число слов	число предложений		число слов		число предложений		число слов		число предложений		число слов	
				число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
	I. Большие жанры 60-х гг. XIX в.														
1	Всего	70643	795604	24903	35,2	444259	55,8	10427	14,8	70259	8,8	35313	50,0	281086	35,4
	II. Древняя литература														
2	«Слово о полку Игореве»	222	2507	117	52,7	1465	58,4	23	10,3	147	5,8	82	37,0	895	35,8
3	«Повесть о приходе Батыя»	151	2805	114	75,5	2240	79,8	9	5,9	93	3,3	28	18,6	472	16,9
4	«Задонщина»	117	1911	53	45,3	941	49,2	21	18,0	194	10,2	43	36,7	776	40,6
5	«Повесть о Петре и Февронии»	201	3598	80	39,8	1732	48,2	56	27,8	673	18,6	65	32,4	1193	33,2
6	«Повесть о Савве Грудцыне»	311	6329	168	54,0	3703	59,2	65	20,9	869	13,3	78	25,1	1757	27,5
7	Всего	1002	17150	532	53,2	10081	58,4	174	17,3	1976	11,5	296	29,5	5093	29,2
	III. Литература XVIII в.														
8	«Гистория о российском матросе ...»	325	6660	178	51,7	4388	67,3	67	20,6	730	10,9	80	27,7	1542	21,8
9	Чулков, Горькая участь	47	1762	38	80,8	1640	93,0	4	8,6	47	2,8	5	10,6	75	4,2
10	«Живописец». Сатирические ведомости	260	6164	207	79,6	5605	90,9	18	6,9	50	0,9	35	13,5	509	8,2
11	«Живописец». Отрывок из Путешествия в *** И *** Т ***	96	1593	54	56,2	1075	67,5	14	14,7	96	6,0	28	29,1	422	26,5
12	Радищев, Путешествие... (отрывки)	397	4282	214	53,9	2487	58,1	27	6,8	110	2,6	156	39,3	1685	39,3
13	Фонвизин, Чистосердечное признание...	354	5847	236	66,7	4637	79,3	53	15,0	295	4,9	65	18,3	915	15,8
14	Крылов, Каиб	493	9465	192	38,9	4555	48,1	69	14,1	370	4,0	232	47,0	4540	47,9
15	Карамзин, Бедная Лиза	410	5002	182	44,4	3031	60,5	48	11,7	387	7,9	180	43,9	1584	31,6
16	Карамзин, Остров Борнгольм	200	3274	112	56,0	2193	66,9	26	13,0	259	8,0	62	31,0	822	25,1
17	Всего	2582	44049	1413	54,7	29611	67,3	326	12,7	2344	3,1	843	32,6	12094	29,6

[1] Неавторская письменная речь в таблице не учтена.

Таблица 1 (продолжение)

№№ пп	Автор и название произведения	Всего		В сплошном авторском повествовании				В авторских ремарках				В речи персонажей			
		число предложений	число слов	число предложений		число слов		число предложений		число слов		число предложений		число слов	
				число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
	IV. Малые жанры XIX—XX вв. (выборка 1)														
18	Пушкин, Выстрел	298	3704	206	69,1	2899	78,3	36	12,1	139	3,7	56	18,8	666	18,0
19	Пушкин, Метель	291	3156	212	72,9	2716	85,0	29	9,9	86	3,8	50	17,2	354	11,2
20	Пушкин, Пиковая дама	675	6584	366	54,2	4300	65,1	80	11,9	297	4,6	229	33,9	1987	30,3
21	Пушкин, Кирджали	164	1699	120	73,2	1386	81,2	14	8,5	67	3,6	30	18,3	246	14,6
22	Бестужев-Марлинский, Мореход Никитин	719	10126	399	55,5	7379	72,5	79	11,0	512	5,6	241	33,5	2238	21,9
23	Гоголь, Майская ночь	857	7993	212	24,7	2915	36,5	128	14,9	1067	13,4	517	60,4	4011	50,1
24	Гоголь, Нос	572	7213	226	39,5	4287	59,5	86	15,0	757	10,4	260	45,5	2169	30,1
25	В. Одоевский, Черная перчатка	452	6954	225	49,8	5135	73,4	60	13,3	326	5,2	167	36,9	1493	21,4
26	Лермонтов, Максим Максимыч	246	2729	96	39,0	1745	64,4	37	15,1	184	6,0	113	45,9	800	29,6
27	Лермонтов, Тамань	267	3298	145	54,4	2417	73,3	40	14,9	276	8,3	82	30,7	605	18,4
28	Григорович, Бобыль	427	5620	113	28,8	2593	46,4	81	19,0	509	8,6	233	52,2	2518	45,0
29	Тургенев, Хорь и Калиныч	344	3542	158	45,9	2317	64,4	49	14,3	325	10,6	137	39,8	900	25,0
30	Тургенев, Лес и степь	135	1643	132	97,8	1629	99,1	1	0,7	4	0,3	2	1,5	10	0,6
31	Л. Толстой, Набег	481	6759	248	51,6	5069	74,5	83	17,2	590	9,3	150	31,2	1100	16,2
32	Л. Толстой, Три смерти	414	3718	142	34,3	1822	49,2	73	17,6	429	11,1	199	48,1	1467	39,7
33	Лесков, Чертогон	295	3198	138	46,8	2253	70,3	46	15,6	297	9,4	111	37,6	648	20,3
34	Гаршин, Attalea princeps	220	2187	95	43,2	1219	55,5	29	13,2	175	8,6	96	43,6	793	35,9
35	Чехов, Белолобый	119	1577	74	62,1	1281	80,0	15	12,6	174	12,4	30	25,3	122	7,6
36	Чехов, Ионыч	435	5222	180	41,4	3368	64,8	83	19,1	687	12,7	172	39,5	1167	22,5
37	Л. Андреев, Большой шлем	176	2781	118	67,0	2364	84,3	23	13,1	245	9,7	35	19,9	172	6,1
38	Л. Андреев, Так было	646	7465	452	70,0	6515	86,9	37	5,7	350	5,1	157	24,3	600	8,0
39	Тынянов, Подпоручик Кижо	662	7151	543	82,0	6498	90,3	51	7,7	391	6,1	68	10,3	262	3,6
40	Всего	8895	104322	4600	51,7	72107	69,1	1160	13,1	7887	7,6	3135	35,2	24328	23,3
41	Общий итог (по четырем выборкам)	83122	961125	31448	37,8	556058	57,8	12086	14,6	82466	8,5	39586	47,6	322601	33,7

Таблица 2

Художественная проза. Речь персонажей[1]

№№ п/п	Автор и название произведения	N	V	n_s	n_{max}	n_p	p	$\bar{n}$
1	I. Большие жанры 60-х гг. XIX в.							
	Всего[2]	35313	281086	63	108	4	11,9	7,9
	II. Древняя литература							
2	«Слово о полку Игореве»	75	895	18	46	10	12,0	11,9
3	«Повесть о приходе Батыя на Рязань»	28	472	—	—	—	—	16,8
4	«Задонщина»	43	776	—	—	—	—	18,0
5	«Повесть о Петре и Февронии»	65	1193	—	—	—	—	18,3
6	«Повесть о Савве Грудцыне»	78	1757	23	89	14; 16	6,4	22,5
7	Всего	289	5093	39	101	6	2,1	17,6
	III. Литература XVIII в.							
8	«Гистория о российском матросе...»	82	1542	20	74	6	9,7	18,8
9	Чулков, Горькая участь	5	75	—	—	—	—	15,0
10	«Живописец» (1772). Сатирические ведомости	35	509	—	—	—	—	14,5
11	«Живописец» (1722). Отрывок из Путешествия в *** И *** Т ***	28	422	—	—	—	—	15,0
12	Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву (отрывки)	155	1673	24	49	10	7,7	10,8
13	Фонвизин, Чистосердечное признание...	66	915	—	—	—	—	13,8
14	Крылов, Каиб	228	4523	23	78	8	5,7	19,8
15	Карамзин, Бедная Лиза	180	1584	22	39	4	12,8	8,8
16	Карамзин, Остров Борнгольм	62	822	—	—	—	—	13,2
17	Всего	841	12065	46	79	4; 8	6,5	14,3
	IV. Малые жанры XIX—XX вв. (выборка 1)							
18	Пушкин, Выстрел	56	666	—	—	—	—	11,8
19	Пушкин, Метель	50	354	—	—	—	—	7,0
20	Пушкин, Пиковая дама	229	1987	23	57	3	10,4	8,6
21	Пушкин, Кирджали	30	246	—	—	—	—	8,2
22	Бестужев-Марлинский, Мореход Никитин	241	2238	21	92	3	12,8	9,2
23	Гоголь, Майская ночь	517	4011	24	45	3	12,7	7,7
24	Гоголь, Нос	260	2169	18	39	4	11,9	8,3
25	В. Одоевский, Черная перчатка	167	1493	20	68	3	11,9	8,9
26	Лермонтов, Максим Максимыч	113	800	14	42	4	13,2	7,0
27	Лермонтов, Тамань	82	605	15	40	3	19,5	7,3
28	Григорович, Бобыль	233	2518	29	61	7	7,7	10,7
29	Тургенев, Хорь и Калиныч	137	900	16	29	5; 6	14,6	6,6
30	Тургенев, Лес и степь	2	10	—	—	—	—	—
31	Л. Толстой, Набег	150	1100	16	63	4	16,0	7,3
32	Л. Толстой, Три смерти	199	1467	18	29	4	13,5	7,3
33	Лесков, Чертогон	111	648	11	34	1	18,9	5,8
34	Гаршин, Attalea princeps	96	793	17	31	5	12,5	8,2
35	Чехов, Белолобый	30	122	—	—	—	—	4,0
36	Чехов, Ионыч	172	1167	15	35	2	18,5	6,7
37	Л. Андреев, Большой шлем	35	172	—	—	—	—	4,9

Таблица 2 (продолжение)

№№ п/п	Автор и название произведения	N	V	n_0	n_{max}	n_p	p	$\bar{n}$
38	Л. Андреев, Так было	157	600	12	21	3	22,9	3,8
39	Тынянов, Подпоручик Киже	68	262	9	11	4	29,4	3,8
40	Всего	3135	24257	36	92	3	12,0	7,7

[1] В таблицах 2—7 указаны следующие основные параметры: 1) N — число предложений в тексте; 2) V — число слов в тексте; 3) n_0 — первая точка обрыва функции (т. е. отсутствие в тексте предложения данного размера); 4) n_{max} — самое длинное предложение в тексте; 5) n_p — наиболее вероятный размер предложения; 6) p_{max} — вероятность n_p; 7) δn — ширина функции, взятая на половине максимального значения; 8) $\bar{n}$ — средний размер предложения в тексте $\left(\frac{V}{N}\right)$; 9) $(\Delta n)^2$ — среднее квадратичное отклонение $\left[\sum_{i=1}^{n} pn^2 - (\bar{n})^2\right]$; (10) Mi — медиана; 12) Q_1 — нижний квартиль; 14) Q_3 — верхний квартиль; 16) D_9 — девятый дециль [указывают верхнюю границу промежутка, в котором располагаются соответственно половина (Mi), первая четверть (Q_1), первые три четверти (Q_3), девять десятых D_9) всего числа предложений]; 11) V_{Mi}; 13) V_{Q_1}; 15) V_{Q_3}; 17) V_{D_9} — указывают размер текста, покрываемого соответственно первой половиной (V_{Mi}), первой четвертью (V_{Q_1}), первыми тремя четвертями (V_{Q_3}) и девятью десятыми (V_{D_9}) всего числа предложений.

Величины P, V_{Mi}, V_{Q_1}, V_{Q_3}, V_{D_9} указаны в процентах; величины n_0, n_{max}, n_p, δn, Mi, Q_1, Q_3, D_9 измеряются в словах (величина δn устанавливается при аппроксимировании функции).

Для небольших текстов («малые жанры») было нецелесообразно вычислять такие параметры, как δn, $\overline{(\Delta n)^2}$, Mi, Q_1, Q_3 D_9, V_{Mi}, V_{Q_1}, V_{Q_3}, V_{D_9} и в отдельных случаях некоторые другие, так как для небольших выборок эти показатели имели бы случайный характер.

[2] $\delta n = 6$.

Таблица 2а

№№ п/п	Автор и название произведения	Mi	V_{Mi}	Q_1	V_{Q_1}	Q_3	V_{Q_3}	D_9	V_{D_9}
	I. Большие жанры 60-х гг. XIX в.								
1	Гончаров, Обрыв	5	20,1	3	7,7	9	44,8	14	69,8
2	Достоевский, Преступление и наказание	5	17,7	2	3,7	10	39,6	18	62,9
3	Достоевский, Идиот, ч. 1	7	19,3	3	4,4	13	42,8	22	68,9
4	Лесков, Некуда	5	22,3	2	3,7	9	47,1	14	68,1
5	Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадурши	9	34,9	4	7,2	13	49,4	19	71,4
6	Л. Толстой, Казаки	4	26,7	2	6,6	6	46,6	10	79,8
7	Л. Толстой, Война и мир, т. I	5	23,5	2	4,3	9	45,6	14	67,4
8	Л. Толстой, Война и мир, т. II	5	21,6	3	8,0	9	43,7	16	68,4
9	Л. Толстой, Война и мир, т. IV	5	34,6	2	5,6	7	49,2	11	71,2
10	Л. Толстой, Война и мир, Эпилог, ч. 1	5	20,3	—	—	—	—	—	—
11	Л. Толстой, Война и мир (всего)	5	24,4	3	9,7	8	42,7	14	68,4
12	Тургенев, Накануне	5	20,9	3	7,7	9	43,8	15	67,2
13	Тургенев, Отцы и дети	5	21,6	3	7,9	9	45,8	15	70,7
14	Тургенев, Дым	5	17,2	3	6,5	10	40,4	18	64,6
15	Чернышевский, Что делать?	6	20,1	3	5,0	11	40,0	18	68,4
16	Всего[1]	5	21,12	3	7,9	9	43,6	15	67,2
17	II. Древняя литература (всего)	13	24,7	—	—	—	—	—	—
18	III. Литература XVIII в. (всего)	10	20,3	5	5,4	18	44,3	31	73,5
19	IV. Малые жанры XIX—XX вв., выборка 1 (всего)	5	19,8	3	8,6	9	42,1	16	69,0

[1] $(\Delta n)^2 = 51{,}3$.

Таблица 3

Художественная проза. Авторские ремарки в диалоге

№№ п/п	Автор и название произведения	N	V	n_o	n_{max}	n_p	p	$\bar{n}$
1	I. Большие жанры 60-х гг. XIX в. Всего[1]	10429	70259	50	89	2	30,1	6,7
	II. Древняя литература							
2	«Слово о полку Игореве»	23	147	—	—	1	—	6,4
3	«Повесть о приходе Батыя на Рязань»	9	93	—	—	4; 8	—	10,3
4	«Задонщина»	21	194	—	—	9	—	9,2
5	«Повесть о Петре и Февронии»	57	730	—	—	3	—	12,9
6	«Повесть о Савве Грудцыне»	65	869	—	—	3;5;7;9	—	13,4
7	Всего	175	2033	23	92	3	13,1	11,6
	III. Литература XVIII в.							
8	«Гистория о российском матросе . . .»	67	730	17	38	4	20,8	10,9
9	Чулков, Горькая участь	4	47	—	—	5		11,7
10	«Живописец» (1772). Сатирические ведомости	21	107	—	19	2	52,3	5,1
11	«Живописец» (1772). Отрывок из Путешествия в *** И *** Т ***	14	96	—	18	2	21,4	6,8
12	Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву (отрывки)	27	110	—	14	1	33,3	4,1
13	Фонвизин, Чистосердечное признание...	54	306	8	55	2	51,8	5,6
14	Крылов, Каиб	69	370	11	25	2	30,4	5,3
15	Карамзин, Бедная Лиза	49	406	10	33	2	36,7	8,3
16	Карамзин, Остров Борнгольм	26	259	—	33	2	46,1	10,0
17	Всего	331	2431	26	55	2	29,9	7,6
	IV. Малые жанры XIX–XX вв. (выборка 1)							
18	Пушкин, Выстрел	36	139	9	13	2	47,2	3,8
19	Пушкин, Метель	29	86	8	8	2	58,6	2,9
20	Пушкин, Пиковая дама	80	297	9	18	2	36,2	3,7
21	Пушкин, Кирджали	14	67	7	21	2	50,0	4,8
22	Бестужев-Марлинский, Мореход Никитин	79	512	9	38	2	37,9	6,4
23	Гоголь, Майская ночь	128	1067	15	30	2	13,3	8,3
24	Гоголь, Нос	86	757	18	30	2	18,6	8,8
25	В. Одоевский, Черная перчатка	60	326	8	33	2	46,6	5,4
26	Лермонтов, Максим Максимыч	37	184	10	16	2	29,7	4,9
27	Лермонтов, Тамань	40	276	12	35	2	30,0	6,9
28	Григорович, Бобыль	81	509	16	32	2; 4	19,7	6,3
29	Тургенев, Хорь и Калиныч	49	325	7	48	2	24,5	6,6
30	Тургенев, Лес и степь	1	4	—	—	—	—	—
31	Л. Толстой, Набег	83	590	14	63	2	22,8	7,1
32	Л. Толстой, Три смерти	73	429	14	26	2	34,2	5,8
33	Лесков, Чертогон	46	297	6	21	2	23,9	6,4
34	Гаршин, Attalea princeps	29	175	5	29	2	48,3	6,0
35	Чехов, Белолобый	15	174	—	—	2	20,0	11,6
36	Чехов, Ионыч	83	687	13	77	2	25,3	8,2
37	Л. Андреев, Большой шлем	23	245	4	20	3; 14	13,0	10,6
38	Л. Андреев, Так было	37	350	11	25	2; 8	13,5	9,4
39	Тынянов, Подпоручик Киже	51	391	9	21	3; 4	13,7	7,6
40	Всего	1160	7887	36	77	2	28,2	6,8

[1] $\delta n = 1$.

Таблица 3а

№№ п/п	Автор и название произведения	M_i	V_{M_i}	Q_1	V_{Q_1}	Q_3	V_{Q_3}	D_9	V_{D_9}
	I. Большие жанры 60-х гг. XIX в.								
1	Гончаров, Обрыв	3	26,7	2	17,0	5	44,3	9	67,2
2	Достоевский, Преступление и наказание	4	17,6	2	5,1	8	41,6	15	68,1
3	Достоевский, Идиот, ч. 1	4	25,3	2	9,3	7	47,7	12	71,1
4	Лесков, Некуда	5	22,3	2	6,2	9	47,2	14	68,7
5	Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадурши	5	20,6	2	5,3	10	39,9	14	53,3
6	Л. Толстой, Казаки	3	19,5	2	12,6	7	44,9	11	67,8
7	Л. Толстой, Война и мир, т. I	5	20,4	2	7,1	10	43,5	16	67,5
8	Л. Толстой, Война и мир, т. II	4	17,3	2	7,9	10	43,5	17	65,6
9	Л. Толстой, Война и мир, т. IV	4	18,2	2	4,4	8	41,1	15	69,6
10	Л. Толстой, Война и мир, Эпилог, ч. 1	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Л. Толстой, Война и мир (всего)	4	16,6	2	7,6	9	40,7	16	67,8
12	Тургенев, Накануне	3	21,8	2	14,9	5	40,1	11	64,4
13	Тургенев, Отцы и дети	3	18,5	2	12,1	7	40,8	14	62,6
14	Тургенев, Дым	3	15,3	2	8,9	8	40,7	15	61,5
15	Чернышевский, Что делать?	5	16,2	2	5,6	9	28,1	24	60,9
16	Всего[1]	4	20,3	2	8,8	8	41,2	15	66,6
17	II. Древняя литература (всего)	7	17,2	4	—	14	—	24	—
18	III. Литература XVIII в. (всего)	3	13,8	2	8,5	9	36,4	18	63,7
19	IV. Малые жанры XIX — XX вв., выборка 1 (всего)	4	20,1	2	8,5	8	40,8	15	67,4

[1] $\overline{(\Delta n)^2}=48,9$.

Таблица 4

Художественная проза. Авторское сплошное повествование

№№ п/п	Автор и название произведения	N	V	n_o	n_{max}	n_p	p_{max}	δn	$\overline{n}$
	I. Большие жанры 60-х гг. XIX в.								
1	Всего (по абсолютной величине)	24903	444259	95	223	10	4,31	21	17,8
2	Всего (усредненные данные)	24903	444259	—	—	6	4,80	19	17,2
	II. Древняя литература								
3	«Слово о полку Игореве»	117	1465	27	43	11	9,4	—	12,5
4	«Повесть о приходе Батыя...»	114	2240	29	93	22	6,8	—	19,6
5	«Задонщина»	53	941	28	46	8	13,2	—	17,8
6	«Повесть о Петре и Февронии»	80	1732	20	98	8	8,7	—	21,7
7	«Повесть о Савве Грудцыне»	168	3703	32	75	11	6,5	—	22,0
8	Всего	532	10081	50	98	8	6,2	—	18,9
	III. Литература XVIII в.								
9	«Гистория о российском матросе...»	178	4388	25	105	12	6,1	—	24,6
10	Чулков, Горькая участь	38	1640	—	115	—	—	—	43,2
11	«Живописец». Сатирические ведомости	207	5605	51	114	10	5,8	—	27,1
12	«Живописец». Отрывок из Путешествия в *** И *** Т ***	54	1075	—	71	13; 19	7,4	—	19,9
13	Радищев, Путешествие... (отрывок)	214	2487	18	46	8	7,9	—	11,6
14	Фонвизин, Чистосердечное признание...	236	4637	41	96	13	6,7	—	19,6
15	Крылов, Каиб	192	4555	37	94	17	8,8	—	23,7
16	Карамзин, Бедная Лиза	182	3031	24	56	7; 10	6,0	—	16,6
17	Карамзин, Остров Борнгольм	112	2193	33	58	15	7,1	—	19,6
18	Всего	1413	29611	63	115	10	4,9	—	20,9

Таблица 4 (продолжение)

№№ п/п	Автор и название произведения	N	V	n_0	n_{max}	n_p	p_{max}	δn	$\bar{n}$
	IV. Малые жанры XIX — XX вв. (выборка 1)								
19	Пушкин, Выстрел	206	2899	31	46	9	7,2	—	14,1
20	Пушкин, Метель	212	2716	33	52	6	8,9	—	12,8
21	Пушкин, Гробовщик	87	1407	25	42	17	6,8	—	16,1
22	Пушкин, Станционный смотритель	167	2588	30	62	13	10,7	—	15,5
23	Пушкин, Барышня-крестьянка	215	3716	33	64	5	6,0	—	17,3
24	Пушкин, Повести Белкина (общий итог)	887	13326	47	64	6	6,1	16	15,0
25	Пушкин, Пиковая дама	366	4300	27	47	7	7,9	13	11,7
26	Пушкин, Кирджали	120	1386	15	31	6	10,0	—	11,6
27	Бестужев-Марлинский, Мореход Никитин	399	7379	45	185	11	5,2	—	18,4
28	Гоголь, Майская ночь	212	2915	31	47	2; 10; 11	7,6	—	13,7
29	Гоголь, Нос	226	4287	40	98	6	5,5	—	18,9
30	В. Одоевский, Черная перчатка	225	5135	43	97	15	4,4	—	22,8
31	Лермонтов, Максим Максимыч	96	1745	29	74	9	7,2	—	18,1
32	Лермонтов, Тамань	145	2417	31	66	7	8,2	—	16,6
33	Григорович, Бобыль	113	2593	34	75	15; 20	6,1	—	22,9
34	Тургенев, Хорь и Калиныч	158	2317	30	132	5	6,4	—	14,6
35	Тургенев, Лес и степь	132	1629	23	87	3	11,2	—	12,3
36	Л. Толстой, Набег	248	5069	28	116	8	5,4	—	20,4
37	Л. Толстой, Три смерти	142	1822	23	60	12	13,2	—	12,8
38	Лесков, Чертогон	138	2253	26	45	7	7,2	—	16,3
39	Гаршин, Attalea princeps	95	1219	26	44	4	7,2	—	12,8
40	Чехов, Белолобый	74	1281	22	58	7; 8	6,7	—	17,3
41	Чехов, Ионыч	180	3368	35	101	6; 10	5,5	—	18,7
42	Л. Андреев, Большой шлем	118	2364	26	51	11; 19	5,9	—	20,0
43	Л. Андреев, Так было	452	6515	41	56	2	9,2	—	14,4
44	Тынянов, Подпоручик Киже	543	6498	36	48	5	8,4	—	11,9
45	Всего	5069	79818	65	185	5	5,1	18	15,7

Таблица 4 (продолжение)

№№ п/п	Автор и название произведения	N	V	n_o	n_{max}	n_p	p_{max}	δn	$\bar{n}$
	V. Малые жанры XIX — XX вв. (выборка 2)								
46	Погорельский, Лафертовская маковница	316	4890	39	59	11	7,3	—	15,5
47	В. Одоевский, Сказка...	55	1598	—	141	—	—	—	29,1
48	Гоголь, Старосветские помещики	230	5111	36	110	6	5,2	—	22,2
49	Лермонтов, Фаталист	98	1854	25	86	10	10,2	—	18,9
50	Григорович, Петербургские шарманщики	201	5739	38	126	21	4,4	—	28,5
51	Тургенев, Ася	631	9116	42	108	4	5,8	—	14,4
52	Л. Толстой, Поликушка	695	11481	52	109	6; 7	6,0	—	16,5
53	Гаршин, Четыре дня	410	3341	27	36	4	13,2	—	8,1
54	Гаршин, Сигнал	128	1620	29	59	6; 8	7,8	—	12,7
55	Чехов, Винт	31	432	—	36	9	19,3	—	13,9
56	Чехов, Дама с собачкой	207	4118	32	116	4	5,7	—	19,8
57	Короленко, Последний луч	162	2396	29	44	17; 28	7,4	—	13,1
58	Короленко, На затмении	248	3261	34	55	7	6,8	—	13,1
59	Короленко, Сон Макара	529	6422	36	53	4	8,5	—	12,1
60	Короленко, Парадокс	184	3784	40	84	10; 20	6,0	—	20,6
61	Куприн, Тапер	120	2396	32	76	8	6,6	—	20,0
62	Бунин, Антоновские яблоки	231	3798	36	73	15	6,1	—	16,4
63	Бунин, Последнее свидание	114	1142	19	38	8	10,5	—	10,0
64	Тынянов, Малолетный Ветушишников	697	9875	42	62	5	6,3	—	14,2
65	Всего [1]	5287	82374	61	141	4	5,3	16	15,6
66	«Тенденциозная» выборка [2]	5221	95718	65	185	6	4,3	21	18,3

[1] Ср. соответствующие данные по прозе эпистолярной ($n_p = 7$; $p_{max} = 6{,}2$; $\delta n = 13$; $\bar{n} = 14{,}2$) и научной ($n_p = 20$; $p_{max} = 3{,}0$; $\delta n = 32$; $\bar{n} = 28{,}5$).

[2] В этой выборке учтены данные по следующим произведениям: Л. Андреев, Большой шлем, Так было; Бунин, Антоновские яблоки; Гоголь, Нос, Старосветские помещики; Григорович, Бобыль, Петербургские шарманщики; Куприн, Тапер; Лермонтов, Максим Максимыч, Тамань, Фаталист; Лесков, Чертогон; Бестужев-Марлинский, Мореход Никитин; В. Одоевский, Сказка..., Черная перчатка; Погорельский, Лафертовская маковница; Пушкин, Барышня-крестьянка, Гробовщик, Станционный смотритель; Л. Толстой, Набег, Поликушка; Тургенев, Хорь и Калиныч; Чехов, Белолобый, Дама с собачкой, Ионыч.

Таблица 4а

№№ п/п	Автор и название произведения	$\overline{(\Delta n)^2}$	Mi	V_{Mi}	Q_1	V_{Q_1}	Q_3	V_{Q_3}	D_9	V_{D_9}
	I. Большие жанры 60-х гг. XIX в.									
1	Гончаров, Обрыв	168,3	13	22,8	7	6,7	23	50,8	33	75,1
2	Достоевский, Преступление и наказание	121,4	13	25,5	7	8,2	20	46,8	29	71,9
3	Достоевский, Идиот	207,9	15	23,3	8	6,8	25	49,4	37	74,0
4	Лесков, Некуда	143,2	15	25,1	8	7,7	23	52,6	33	78,1
5	Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадурши	143,3	16	27,1	9	8,1	25	54,7	34	75,2
6	Л. Толстой, Казаки	92,3	11	23,9	7	9,2	18	52,7	26	74,5
7	Л. Толстой, Война и мир, т. I	—	14	23,3	8	7,2	23	50,0	33	73,9
8	Л. Толстой, Война и мир, т. II	—	16	27,2	9	7,7	24	54,1	34	75,9
9	Л. Толстой, Война и мир, т. IV	—	16	23,9	10	9,5	25	50,4	37	74,1
10	Л. Толстой, Война и мир, Эпилог, ч. 1	—	17	26,7	10	9,1	26	52,0	37	73,4
11	Л. Толстой, Война и мир, Эпилог, ч. 2	—	21	26,5	12	7,9	31	52,0	46	75,2
12	Л. Толстой, Война и мир (всего)	170,8	16	25,6	9	7,4	25	52,0	36	75,0
13	Тургенев, Накануне	151,7	12	22,1	6	6,8	20	46,6	32	71,3
14	Тургенев, Отцы и дети	208,3	13	22,4	7	7,6	22	48,4	32	71,9
15	Тургенев, Дым	266,3	13	19,7	7	6,8	23	45,8	35	70,5
16	Чернышевский, Что делать?	367,5	14	19,7	7	6,2	24	43,3	40	67,5
17	Всего (по абсолютной величине)	166,6	14	23,0	8	7,6	22	46,9	34	73,8
18	II. Древняя литература (всего)	—	16	26,4	9	7,7	24	52,3	37	76,9
19	III. Литература XVIII в. (всего)	—	16	23,5	10	8,5	27	50,2	39	72,1
20	IV. Малые жанры XIX — XX вв., выборка 1 (всего)	—	12	21,7	7	7,7	20	48,3	31	73,8
21	V. Малые жанры XIX — XX вв., выборка 2 (всего)	—	12	23,0	7	8,4	20	49,3	30	72,8
22	VI. «Тенденциозная» выборка (всего)	—	15	24,3	8	7,2	24	49,4	35	72,5

ремарка сообщает о дополнительном действии, сопровождающем акт говорения. Наконец, иногда в состав ремарки входит полное знаменательное предложение со своим подлежащим и сказуемым, но число таких ремарок невелико (например, в романе 60-х годов их количество не превышает 6,5%). Картина распределения предложений по их размерам и основные параметры этого компонента у разных авторов отмечены большим сходством (см. табл. 3, 3а); это связано с общим служебным характером ремарок и с преобладанием среди них чисто служебных двух- и трехсловных конструкций.

Основным компонентом художественной прозы является сплошное авторское повествование. В целом в романе на его долю приходится более 35% всех предложений и более 55% всего текста, а в малых жанрах (всех периодов) несколько более 50% предложений. Характер распределения предложений в авторском повествовании, как видно из табл. 4, 4а, существенно отличается от распределения предложений в речи персонажей и в ремарках и скорее напоминает распределение предложений в научной прозе[5].

Именно здесь представлены наибольшие индивидуальные отклонения от средней «нормы» в отношении всех параметров. И если можно использовать вероятностное распределение предложений в тексте по их размерам как показатель индивидуального стиля автора, то, конечно, эти индивидуальные особенности следует искать именно в сплошном авторском повествовании. Таких характерных индивидуальных особенностей обнаружить, однако, не удалось. Табл. 4, 4а свидетельствуют скорее об индивидуальном характере распределения в каждом произведении, чем о единстве распределения предложений в разных произведениях одного писателя. Ср., например, основные данные по «Казакам» и «Войне и миру» Л. Толстого, по двум романам Достоевского, по трем романам Тургенева. Параметры «Казаков» несравненно ближе к параметрам «Преступления и наказания», чем к параметрам «Войны и мира». Даже в пределах одного романа — «Войны и мира»— эти параметры меняются от тома к тому и даже от части к части. Если взять два таких существенных показателя, как средний и наиболее вероятный размер предложения, то можно убедиться, что, кроме Гаршина, ни у одного писателя эти показатели не отличаются устойчивостью. Очевидно, если и существуют характерные для каждого писателя особенности распределения размеров предложения, то для обнаружения их следует применить какие-то другие приемы анализа.

Полученные данные свидетельствуют о том, что основные параметры, характеризующие распределение предложений в сплошном авторском повествовании в художественной прозе, лежат в каких-то хотя и колеблющихся, но все-таки статистически определенных интервалах, значительно ниже тех, которые характерны для научной прозы (см. табл. 5), и несколько выше тех, которые характеризуют эпистолярную прозу (см. табл. 6). Насколько достоверны эти данные для распределения предложений в авторском тексте во всей новой русской литературе? Из ряда текстов делались выборки по 100 предложений и определялся средний размер предложения в таких выборках. Всего было сделано 166 таких выборок (из произведений Достоевского, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Тургенева, Чернышевского), и только в одной из них (первая сотня в «Дыме») средний размер достиг и превысил средний размер предложений в научной прозе. Из 44 повестей, очерков и рассказов XIX — XX вв. только в двух (у В. Одоевского и Григоровича) средний размер достиг уровня научной прозы. А ведь это все, в сущности, очень маленькие выборки, и размах колебаний в них, естественно, сильно возрастает. Трудно ожидать, что в необследованных текстах можно встретить массовое появление таких сотен, какую мы встретили одну на 16 600 предложений. После обследования выборки из малых жанров XIX—XX вв. была сделана вторая, контрольная выборка, приблизительно равная ей по объему, которая дала точно такие же результаты. При составлении из обеих выборок третьей, «тенденциозной», примерно равной по объему двум первым, где отобраны произведения

---

[5] Кривые, характеризующие плотность распределения предложений в разных видах текста в зависимости от размеров предложения, см. в статье: Г. А. Лесскис, О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX в., ВЯ, 1962, 2. По-видимому, эти кривые аппроксимируются при условии разделения на простые и сложные предложения функцией типа

$$p(x) = A\,exp\left\{\frac{-ln^2\frac{x}{a}}{\sigma^2}\right\}$$ (для сложного предложения вместо x берется $x-1$), где $a = n_p$, $\sigma = \frac{ln\frac{\delta n}{n_p}\sqrt{\left(\frac{\delta n}{n_p}\right)^2+4}}{\sqrt{ln2}}$.

Например, в авторском сплошном повествовании для простого предложения $a = 6$, $\sigma = 0{,}92$; для сложного предложения $a = 16$, $\sigma = 0{,}77$; соответственные значения для научной прозы $a = 13$ и 23; $\sigma = 0{,}66$ и 0,60.

Таблица 5

Научная проза

№№ п/п	Автор и название произведения	$\overline{(\Delta n)^2}$	M_i	V_{M_i}	Q_1	V_{Q_1}	Q_3	V_{Q_3}	D_9	V_{D_9}
1	Бутлеров, Введение к полному изучению органической химии	211,9	23	30,0	16	11,2	33	56,6	45	79,6
2	Ал-др Веселовский, Villa Alberti	351,0	28	26,7	17	8,9	42	55,9	56	78,6
3	Ключевский, Сказания иностранцев о Московском государстве	250,6	23	29,1	15	10,5	34	55,4	46	78,5
4	Потебня, Мысль и язык	258,3	27	28,4	18	10,6	39	57,1	51	78,8
5	Сеченов, Физиология нервной системы	195,0	25	29,0	17	10,8	36	58,5	47	76,0
6	Чернышевский, Эстетические отношения искусства к действительности	343,6	23	25,4	13	8,1	36	50,6	53	74,1
7	Всего (в абсолютных величинах)	249,2	24	27,9	16	10,2	36	56,6	48	77,7

Таблица 6

Эпистолярная проза

№№ п/п	Автор	$\overline{(\Delta n)^2}$	M_i	V_{M_i}	Q_1	V_{Q_1}	Q_3	V_{Q_3}	D_9	V_{D_9}
1	Достоевский	—	8	23,6	5	7,8	15	50,8	21	71,6
2	Ключевский	—	11	22,7	6	7,1	19	47,6	28	71,6
3	Л. Толстой	—	11	23,0	7	8,9	18	48,9	27	73,3
4	Тургенев	—	13	28,9	7	6,9	21	50,4	31	73,1
5	Чернышевский	—	12	23,3	6	6,5	20	47,2	31	72,5
6	Всего	111,9	11	23,8	6	7,2	18	47,7	28	72,8

с наибольшими параметрами, все-таки получаются данные, не выходящие за пределы интервала, характерного для авторского повествования в художественной прозе (см. табл. 4, 4а).

Из всех этих фактов можно сделать следующие выводы.

1. Каждый жанр письменной речи характеризуется своим распределением размеров предложений, своими параметрами, которые располагаются в более или менее устойчивых интервалах (ср. различия в параметрах «Что делать?» и «Эстетики» Чернышевского, «Войны и мира» и педагогических статей Л. Толстого, соответствующие различиям между художественной, научной и публицистической прозой).

2. Художественная проза характеризуется наличием в ней по крайней мере трех, а иногда — четырех составляющих ее компонентов, из которых каждый характеризуется своим распределением предложений по размерам.

3. Количественное соотношение этих компонентов, видимо, обусловлено общей художественной манерой данного писателя и особенностями данного произведения, но характер распределения предложений внутри каждого компонента колеблется всегда в пределах определенного типа.

4. Типы распределений предложений в каждом компоненте несколько различны для трех больших исторических периодов русской литературы — древней, XVIII в. и новой.

5. В пределах литературы XIX—XX вв. можно отметить только некоторые незначительные различия в параметрах авторского сплошного повествования больших и малых жанров (в среднем).

6. Сохраняя единство типа, характерного для всей художественной прозы в целом, распределение предложений в каждом произведении оказывается индивидуальным, характеризующим не стиль автора в целом, а манеру автора в данном произведении (ср. $\bar{n}$ в разных произведениях Пушкина: «Путешествие в Арзрум»— 10,9; «Капитан-

Таблица 7

Публицистика и ч. 2 Эпилога «Войны и мира»

№№ п/п	Автор и название произведения	N	V	n_a	n_{max}	n_p	p	δn	$\bar{n}$	Mi	V_{Mi}	Q_1	V_{Q_1}	Q_3	V_{Q_3}	D_s	V_{D_s}
1	Писарев, Мыслящий пролетариат	511	14815	59	107	20	3,9	—	28,9	25	26,4	—	—	—	—	—	—
2	Писарев, «Евгений Онегин»	730	18767	72	119	22; 27	3,5	—	25,7	22	26,3	—	—	—	—	—	—
3	Л. Толстой, О народном образовании	256	6782	43	129	13; 18	4,6	—	26,5	21	24,1	—	—	—	—	—	—
4	Л. Толстой, Воспитание и образование	504	11290	56	110	11	4,1	—	22,4	18	24,5	—	—	—	—	—	—
5	Л. Толстой, Прогресс и определение образования	396	9578	45	103	18	5,8	—	24,2	17	19,9	—	—	—	—	—	—
6	Статьи Писарева и Толстого вместе	2397	61232	80	129	18	3,8	31	25,5	21	24,9	12	7,5	32	51,1	47	75,5
7	Л. Толстой, Война и мир, Эпилог, ч. 2	544	13484	41	110	12	4,1	29	24,8	21	26,5	12	7,9	31	52,0	46	75,2
	Всего	2941	74716	—	129	—	—	—	25,4	—	—	—	—	—	—	—	—

ская дочка» — 11,5; «Кирджали» — 11,6; «Пиковая дама» — 11,7; «Метель» — 12,8; «История Пугачева» — 13,7; «Выстрел» — 14,1; «Арап Петра Великого»— 14,5; «Дубровский»— 15,2; «Станционный смотритель»— 15,5; «Гробовщик»— 16,1; «Египетские ночи»— 16,9; «История села Горюхина»— 17,1; «Барышня-крестьянка»—17,3. Подобное же разнообразие $\bar{n}$ отмечается в произведениях Л. Толстого: «Три смерти»— 12,7; «Казаки»— 14,0; «Поликушка» — 16,5; «Война и мир» — 19,2; «Набег»— 21,4).

Первый и последний пункты нуждаются в объяснении; дело, очевидно, не в манере и вкусах автора. Если бы это можно было объяснить сознательным или бессознательным предпочтением, отдаваемым автором конструкциям каких-то определенных размеров хотя бы в пределах данного произведения, то мы вправе были бы ожидать более или менее однообразного распределения предложений по их размерам в равных кусках одного текста. Однако в обследованном материале подобное распределение встречается только в виде исключения[6].

Все обследованные художественные произведения, а также книги Веселовского, Бутлерова, Ключевского характеризуются неоднородностью распределения предложений разных размеров в различных равных (по 100 предложений) кусках текста. Очевидно, эта особенность того же порядка, что и различия в средних размерах предложения между разными произведениями одного автора, а также различия между разными жанрами письменной речи.

*

Размер предложения можно рассматривать как функцию от его структуры. В этом легко убедиться, сравнив $\bar{n}$ и распределение простых и сложных предложений в текстах (см. табл. 8).

Существует прямая зависимость между средним размером предложения текста и числом сложных предложений в нем (разумеется, здесь, как и во всех статистических показателях, в каких-то, впрочем, огра-

[6] Сравнительно равномерное распределение отмечено только в книге Потебни «Мысль и язык» и в «Истории Пугачева» Пушкина (в первом случае отклонение $\bar{n}$ в каждой сотне предложений от $\bar{n}$ для всей книги составило $\pm$ 1,4, во втором $\pm$ 1,0).

Таблица 8

Автор и название произведения	$\bar{n}$	Предложения (в %)	
		простые	сложные
Л. Толстой, Казаки	14,0	61,5	38,5
Тургенев, Накануне	15,6	52,7	47,3
Достоевский, Преступление и наказание	15,6	53,8	46,2
Тургенев, Отцы и дети	16,4	48,7	51,3
Гончаров, Обрыв	16,9	52,5	47,5
Лесков, Некуда	17,6	53,6	46,4
Л. Толстой, Война и мир, т. I	17,7	53,4	46,6
Тургенев, Дым	17,9	49,1	50,9
Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадурши	18,6	41,6	58,4
Достоевский, Идиот	18,8	48,6	51,4
Чернышевский, Что делать?	19,4	40,4	59,6
Л. Толстой, Война и мир, т. IV	19,7	42,8	57,2
Л. Толстой, Война и мир, Эпилог, ч. 1	20,3	42,4	57,6
Всего по художественным текстам	17,2	49,3	50,7
Л. Толстой, Война и мир, Эпилог, ч. 2	24,8	30,2	69,8
Бутлеров, Введение...	26,3	31,3	68,7
Ключевский, Сказания...	26,8	30,9	69,1
Чернышевский, Эстетические отношения...	27,6	25,6	74,4
Сеченов, Физиология...	28,8	29,0	70,0
Потебня, Мысль и язык	30,2	22,3	77,7
Веселовский, Villa Alberti	31,5	18,1	81,9
Всего по научным текстам	28,5	26,2	73,8

ниченных, интервалах)[7]. И тексты научные и художественные[8] так же устойчиво характеризуются различиями в распределении простых и сложных предложений, как и средними их размерами.

В свою очередь, структура предложения может рассматриваться как функция от манеры изложения, от способа описания ситуаций; таким образом, представляется возможным установить зависимость между размером предложения и содержанием текста, хотя и трудно было бы оспаривать утверждение, что при желании любую мысль можно изложить предложениями как длинными, так и короткими. Анализ распределения по сотням предложений в книгах Бутлерова, Веселовского, Ключевского показывает, что $\bar{n}$ в них тем меньше, чем конкретнее содержание данной сотни предложений. Так, во второй части книги Веселовского, где автор преимущественно пересказывает содержание художественных произведений, преобладают более короткие предложения, чем в первой, где содержится больше анализа (для части A $\bar{n}$ — 34,4, для части B — 28,8).

При разбиении текста книги Бутлерова на 6 больших отрезков (I, II, III, IV, V, VI) по 1000 предложений в каждом также обнаруживается зависимость средних размеров предложений от содержания книги: $\bar{n}_I$ — 29,65; $\bar{n}_{II}$ — 26,60; $\bar{n}_{III}$ — 24,98; $\bar{n}_{IV}$ — 24,73; $\bar{n}_V$ — 26,51; $\bar{n}_{VI}$ — 25,27. 1 отрезок с самым высоким $\bar{n}$ содержит «Общую часть» — изложение методологии и общих законов органической химии, остальные пять отрезков приходятся на вторую часть книги, озаглавленную «Частности»,— там дано описание конкретных классов, групп и отдельных органических соединений.

[7] Обнаруженная нами зависимость между средним для данного текста размером предложения и соотношением в нем сложных и простых предложений, разумеется, не исчерпывает структурных различий между предложениями научного и художественного текста. Совершенно очевидно, что сама структура простого (и сложного) предложения научного текста иная, чем в тексте художественном, но рассмотрение этих различий не входит в задачи данной статьи, а должно составить предмет нового исследования.

[8] Здесь и далее под «художественным текстом» и «художественной прозой» подразумевается только сплошное авторское повествование.

Особенно очевидно зависимость размеров предложений от содержания обнаруживается в книге Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» при разбиении текста на сотни предложений. Всюду, где автор излагает (своими словами) «сказания иностранцев» (сотни №№ III, IV, V, VII, VIII, X, XI, XII, XIII, XIV, XVII, XVIII, XIX, XX), т. е. где содержатся конкретные описания страны, климата, почвы, городов, образа жизни, войска, суда, пыток, обрядов и ритуалов, средний размер предложений в сотнях ниже общего $\bar{n}$ для всей книги. В сотнях I, II, VI, IX, XV XVI, XXI, XXII, XXIII, XXIV, где содержится анализ темы, источников, классовых взаимоотношений русского общества, причин экономической отсталости, торговой политики, средний размер предложений выше общего $\bar{n}$[9].

Таким образом, произвол автора в выборе размеров предложений, обусловленный его «вкусом» и «манерой», если он и имеет место, существенно ограничен характером излагаемого содержания: чем содержание конкретнее, тем больше вероятность встретить в тексте короткие предложения, чем содержание абстрактнее, тем чаще встречаются длинные предложения. Очевидно, научному анализу, строящемуся по определенным логическим схемам, независимо от «вкусов» автора, соответствуют предложения несравненно больших размеров, чем преобладающему в художественном повествовании конкретно-чувственному, образному воспроизведению мира. Именно этим и объясняются различия в параметрах научной и художественной прозы.

Этим же обстоятельством — различием в степени конкретности (иначе—различием в степени преодоления дискретности воспроизводимых фактов действительности)— объясняются и различия в параметрах разных произведений и в распределении предложений в разных кусках текста одного произведения в художественной прозе. Прежде всего и легче всего в художественном тексте выделяется элемент, близкий по содержанию и по структуре к научному или, точнее, к публицистическому изложению,— авторские рассуждения à part, представляющие собой логические обобщения, выводы, предваряющие или завершающие конкретные, образные картины, содержащиеся в «сюжетной» части произведения.

Средние размеры предложений в кусках текста, содержащих этот элемент, располагаются в интервале научной прозы и публицистики. Таковы, например, рассуждения автора в «Идиоте» об отсутствии в России «практических людей» ($\bar{n}$ — 28,6), авторский анализ психологии сна ($\bar{n}$ — 33,2), рассуждение автора о литературных типах и об «обыкновенных» людях ($\bar{n}$ — 28,1) и т. п. Таковы рассуждения Толстого на философско-исторические темы в «Войне и мире», объясняющие до некоторой степени значительные различия в распределении предложений в этом романе и, скажем, в «Казаках», где публицистический элемент минимален. Для проверки этого предположения можно сравнить средние размеры предложений в двух частях «Войны и мира»— ч. 4, т. II и ч. 1, т. III, из которых в одной (ч. 4, т. II — осень и зима в Отрадном) вовсе нет исторической тематики и публицистический элемент сведен до минимума, а в другой (ч. 1, т. III — начало войны 1812 г.) преобладает изображение исторических событий и много места занимают теоретические выкладки автора. В ч. 4, т. II $\bar{n}_1$— 17,0; в ч. 1, т. III $\bar{n}_2$ — 22,1. Разность $\bar{n}_2 - \bar{n}_1 = 5{,}1$ можно с большим основанием отнести за счет отвлеченных теоретических рассуждений. Картина изменения средних размеров предложения по главам т. IV «Войны и мира» опять-таки обнаруживает эту зависимость[10].

Таким образом, наличие публицистического элемента следует признать одной из возможных причин, определяющих тот или иной характер распределения предложений в художественном тексте. Но он не является причиной единственной и даже, в большинстве случаев, не является главной причиной различий. Чисто «романическая» четвертая часть т. II «Войны и мира» имеет средний размер предложений — 17,0, тогда как в «Казаках» он — 14,0. «Романические» главы также очень часто существенно отличаются одна от другой размерами предложений (ср. в гл. XIX ч. 2, т. IV $\bar{n}$ — 10,7, а в гл. VII ч. 1 «Эпилога» $\bar{n}$ — 29,7). Наконец, в ряде случаев в художественном произведении вообще отсутствует «публицистический» элемент, однако и в таких произведениях обнаруживаются заметные различия в распределении предложений (ср., например, в «Метели» $\bar{n}$ — 12,8; в «Барышне-крестьянке» $\bar{n}$ — 17,5). Очевидно, и за вычетом «публицистических» авторских обобщений в художественном тексте остаются разнородные в отношении манеры изложения элементы.

Содержание авторского повествования в любом художественном тексте можно с известной долей условности схематически представить в виде сочетания следующих самых общих элементов: 1) сообщения о действиях персонажей (мимика, жесты, поступки); 2) сообщения о душевном состоянии персонажей; 3) сообщения о мыслях и словах персонажей (кроме тех, которые передаются в репликах самих персонажей);

[9] См. ВЯ, 1962, 2, стр. 92, рис. 6.
[10] См. ВЯ, 1962, 2, стр. 93—94.

4) описания внешности, характера и привычек действующих лиц, мизансцен, интерьеров, природы и т. п.; 5) сообщение собственных мыслей автора (оценки, анализ, рассуждения à part). По форме изложения каждый из этих элементов может быть описан дискретно — как последовательность единичных, изолированных фактов или суммарно — с объединением и обобщением ряда единичных, разрозненных и разновременных фактов в причинно-следственном единстве, устанавливаемом автором. Ср., например, такие два способа изложения у Толстого и Достоевского.

1. Дискретное сообщение о действиях: «На третий день праздника после обеда все домашние разошлись по своим комнатам. Было самое скучное время дня. Николай, ездивший утром к соседям, заснул в диванной. Старый граф отдыхал в своем кабинете. В гостиной за круглым столом сидела Соня, срисовывая узор. Графиня раскладывала карты. Настасья Ивановна-шут с печальным лицом сидел у окна с двумя старушками. Наташа вошла в комнату, подошла к Соне, посмотрела, что она делает, потом подошла к матери и молча остановилась» («Война и мир», т. II, ч. 4, гл. IX).

2. Суммарное описание действий: «29-го мая Наполеон выехал из Дрездена, где он пробыл три недели, окруженный двором, составленным из принцев, герцогов, королей и даже одного императора. Наполеон перед отъездом обласкал принцев, королей и императора, которые того заслуживали, побранил королей и принцев, которыми он был недоволен, одарил своими собственными, т. е. взятыми у других королей жемчугами и бриллиантами императрицу Австрийскую и, нежно обняв императрицу Марию-Луизу, как говорит его историк, оставил ее огорченною разлукой, которую она — эта Мария-Луиза, считавшаяся его супругой, несмотря на то, что в Париже оставалась другая супруга — казалось не в силах была перенести. Несмотря на то, что дипломаты еще твердо верили в возможность мира и усердно работали с этой целью, несмотря на то, что император Наполеон сам писал письмо императору Александру, называя его Monsieur mon frère и искренно уверяя, что он не желает войны, и что всегда будет любить и уважать его — он ехал к армии и отдавал на каждой станции новые приказания, имевшие целью торопить движение армии от запада к востоку. Он ехал в дорожной карете, запряженной шестериком, окруженный пажами, адъютантами и конвоем, по тракту на Позен, Торн, Данциг и Кенигсберг. В каждом из этих городов тысячи людей с трепетом и восторгом встречали его» (там же, т. III, ч. 1, гл. II).

3. Дискретное сообщение о душевном состоянии: «Наташа никуда не хотела выезжать и как тень, праздная и унылая, ходила по комнатам, вечером тайно от всех плакала и не являлась по вечерам к матери. Она беспрестанно краснела и раздражалась. Ей казалось, что все знают о ее разочаровании, смеются и жалеют о ней. При всей силе внутреннего горя, это тщеславное горе усиливало ее несчастие. Однажды она пришла к графине, хотела что-то сказать ей, и вдруг заплакала. Слезы ее были слезы обиженного ребенка, который сам не знает, за что он наказан» (там же, т. II, ч. 3, гл. XXIII).

4. Суммарное описание душевного состояния (анализ): «С того дня как Пьер, уезжая от Ростовых и вспоминая благодарный взгляд Наташи, смотрел на комету, стоявшую на небе, и почувствовал, что для него открылось что-то новое,— вечно мучивший его вопрос о тщете и безумности всего земного перестал представляться ему. Этот страшный вопрос: зачем? к чему? который прежде представлялся ему в середине всякого занятия, теперь заменился для него не другим вопросом и не ответом на прежний вопрос, а представлением *ее*. Слышал ли он или сам вел ничтожные разговоры, читал ли он или узнавал про подлость и бессмысленность людскую, он не ужасался как прежде; не спрашивал себя из чего хлопочут люди, когда все так кратко и неизвестно, но вспоминал ее в том виде, в котором он видел ее последний раз, и все сомнения его исчезали, не потому, что она отвечала на вопросы, которые представлялись ему, но потому, что представление о ней переносило его мгновенно в другую, светлую область душевной деятельности, в которой не могло быть правого или виноватого, в область красоты и любви, для которой стоило жить» (там же, т. III, ч. 1, гл. XIX).

5. Дискретная передача рассуждений персонажа: «Но подтвердилась ли? Но оправдалась ли? Почему с ним опять эта дрожь, этот пот холодный, этот мрак и холод душевный? Потому ли, что опять он увидел сейчас эти *глаза*? Но ведь он и пошел же из Летнего сада единственно с тем, чтоб их увидать! В этом ведь и состояла его „внезапная идея". Он настойчиво захотел увидать эти „давешние глаза", чтоб окончательно убедиться, что он непременно встретит их *там*, у этого дома. Это было судорожное желание его, и отчего же он так раздавлен и поражен теперь тем, что их в самом деле сейчас увидел? Точно не ожидал? Да, это были *те самые* глаза (и в том, что *те самые*, нет уже никакого теперь сомнения!), которые сверкнули на него утром, в толпе, когда он выходил из вагона Николаевской железной дороги; те самые (совершенно те самые!), взгляд которых он поймал потом давеча, у себя за плечами, садясь на стул у Рогожина» («Идиот», ч. 2, гл. V).

6. Суммарная передача рассуждений персонажей: «Почти все общество — туземцы, дачники, приезжающие на музыку,— все принялись

рассказывать одну и ту же историю, на тысячу разных вариаций, о том, как один князь, произведя скандал в честном и известном доме и отказавшись от девицы из этого дома, уже невесты своей, увлекся известною лореткой, порвал все прежние связи и, несмотря ни на что, несмотря на угрозы, несмотря на всеобщее негодование публики, намеревается обвенчаться на днях с опозоренною женщиной, здесь же в Павловске, *открыто, публично, подняв голову и смотря всем прямо в глаза*... Рассказывали, будто он нарочно ждал торжественного званого вечера у родителей своей невесты, на котором он был представлен весьма многим значительным лицам, чтобы вслух и при всех заявить свой образ мыслей, обругать почтенных сановников, отказаться от своей невесты публично и с оскорблением, и, сопротивляясь выводившим его слугам, разбить прекрасную китайскую вазу. К этому прибавляли, в виде современной характеристики нравов, что бестолковый молодой человек действительно любил свою невесту, генеральскую дочь, но отказался от нее единственно из нигилизма и ради предстоящего скандала, *чтобы не отказать себе в удовольствии жениться пред всем светом на потерянной* женщине и тем доказать, что в его убеждении нет ни потерянных, ни добродетельных женщин, а есть только одна свободная женщина; что он в светское и старое разделение не верит, а верует в один только „женский вопрос"» (там же, ч. 4, гл. IX)[11].

7. Дискретное описание: «На дворе был тот же неподвижный холод, тот же месяц, только было еще светлее. Свет был так силен и звезд на снеге было так много, что на небо не хотелось смотреть, и настоящих звезд было незаметно. На небе было черно и скучно, на земле было весело.

„Дурак я, дурак. Чего *ждал до сих пор?*" *подумал Николай и, сбежав на крыльцо*, он обошел угол дома по той тропинке, которая вела к заднему крыльцу. Он знал, что здесь пойдет Соня. На половине дороги стояли сложенные сажени дров, на них был снег, от них падала тень, через них и сбоку их, переплетаясь, падали тени старых голых лип на снег и дорожку. Дорожка вела к амбару. Рубленная стена амбара и крыша, покрытая снегом, как высеченная из какого-то драгоценного камня, блестели в месячном свете. В саду треснуло дерево, и опять все совершенно затихло» («Война и мир», т. II, ч. 4, гл. XI).

8. Суммарное описание: «*Уже были заморозки, утренние морозы* заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень уклочилась и ярко-зелено отделялась от полос буреющего, выбитого скотом, озимого и светло-желтого ярового живья с красными полосами гречихи. Вершины и леса, в конце августа еще бывшие зелеными островами между черными полями озимей и жнивами, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленых озимей. Русак уже до половины затерся (перелинял), лисьи выводки начинали разбредаться, и молодые волки были больше собаки» (там же, ч. 4, гл. III).

Что касается суммарного изложения мыслей автора, *то к нему относятся* прежде всего «публицистические» рассуждения, а также анализ изображаемых явлений (преимущественно психологический). Дискретное изложение мыслей автора трудно встретить в виде сплошного текста (поэтому здесь и не приводится образца), оно обычно включено в текст в виде оценок и кратких замечаний к сообщениям о действиях, душевных состояниях, к описаниям и т. д., а также и чаще всего в виде авторских ремарок к репликам персонажей.

Для каждой из перечисленных форм изложения характерны свои средние размеры предложения, которые можно примерно установить, анализируя достаточно большой набор небольших выборок из художественного текста (выборки должны быть небольшими, чтобы содержание их было более или менее однородным). 560 таких выборок было получено при расписывании авторского текста «Пиковой дамы», «Отцов и детей», «Накануне» и ч. 2, 3 и 4 «Идиота» по десяти предложений. Классификация этих выборок по средним размерам предложений приведена в таблице 9.

Классификация этих выборок по содержанию показывает, что все 97 выборок, имеющих $\bar{n} \leqslant 11$, содержат только дискретные сообщения, а все 165 выборок, имеющих $\bar{n} > 20$, содержат только суммарные сообщения. В интервале между ними выборки содержат сообщения обоих типов, причем чем выше $\bar{n}$, тем чаще встречаются суммарные сообщения. Впрочем у разных авторов картина в этом среднем интервале ($11 < \bar{n} \leqslant 20$) оказывается различной. Может быть, здесь и обнаруживаются индивидуальные предпочтения, отдаваемые разными писателями предложениям более коротким или более длинным: и дискретное, и суммарное изложение у Пушкина и у Тургенева несколько короче, чем у Достоевского. У Достоевского минимальный средний размер предложе-

---

[11] Дискретная передача мыслей и слов действующих лиц часто связана с формами так называемой несобственно-прямой речи, суммарная передача — обычно с формами косвенной речи. В 3-й и 4-й частях «Идиота», где обе эти формы используются довольно часто, несобственно-прямая речь имеет средний размер предложения 17,4, а косвенная речь — 28,3 (общий средний размер предложения в авторском повествовании в этих двух частях романа — 19,5).

Таблица 9

№№ п/п	Интервалы	«Пиковая дама»		«Накануне»		«Отцы и дети»		«Идиот»		Всего	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
1	В интервале речи персонажей (до 11)	19	51,4	33	26,2	28	18,4	17	6,9	97	17,4
2	В интервале переписки (до 14)	9	24,3	27	21,4	26	17,1	32	12,8	94	16,8
3	В интервале художественной прозы (до 20)	8	21,6	37	29,4	54	37,0	105	42,6	204	36,4
4	В интервале от 20 до 28	1	2,7	25	19,8	37	24,3	76	30,8	139	24,8
5	Больше 28	—	—	4	3,2	5	3,2	17	6,9	26	4,6
	Всего	37	100	126	100	150	100	247	100	560	100

ния в десятке — 7,4; у Пушкина — 6,1; у Тургенева — 5,3. Максимальный средний размер в десятке у Достоевского — 54,3; у Пушкина — 26,2; у Тургенева — 42,3. Однако у всех трех авторов все выборки, содержащие суммарное изложение, имеют более высокий средний размер предложения, чем выборки, содержащие дискретное изложение. Основные различия в картине распределения предложений в авторском тексте художественного произведения зависят от соотношения дискретного и суммарного моментов в авторском описании. Соотношение же это, как показывает наш материал, чаще всего бывает индивидуально для каждого произведения и определяется не просто «вкусом» автора, а авторским замыслом. Трудно допустить, что писатель постоянно сознательно использует предложения той или иной длины в том или ином месте текста, но дискретный или суммарный прием изложения материала он использует, очевидно, сознательно. В этом отношении наблюдается известная закономерность, обнаруживающая в ряде произведений связь между композицией произведения и манерой изложения. Если разбить текст художественного произведения на сотни авторских предложений и вывести средний размер предложения в каждой сотне, то графические схемы, передающие колебания этих средних по сотням, в ряде случаев будут приблизительно совпадать и будут находиться в каком-то соответствии с композицией произведения. Таковы, например, графические схемы «Казаков» и трех романов Тургенева[12]. Очевидно, что в местах подъема линий преобладает суммарное, а в местах спуска — дискретное изложение. В решающих, наиболее «острых» местах развития повествования обычно предпочитается непосредственный показ фактов. В «Пиковой даме» трем ставкам Германа соответствуют три десятка авторских предложений, имеющих самое низкое $\overline{n}$ (6,1; 6,2; 6,7), в «Старосветских помещиках», имеющих очень высокий средний размер предложений (22,2), сцена смерти Пульхерии Ивановны имеет $\overline{n}$ — 13,8; в т. IV «Войны и мира» главы, описывающие расстрел пленных (XI, ч. 1), смерть Элен (II, ч. 1), кн. Андрея (XV, ч. 1), Пети (XI, ч. 2), Каратаева (XIV, ч. 2), имеют самые низкие размеры предложений. Точно так же сцены объяснения в любви, как правило, описываются дискретно. Ср., например, в «Накануне» (объяснение Елены с Инсаровым) $\overline{n}$ — 10,7; в «Отцах и детях» (признание Базарова Одинцовой) $\overline{n}$ — 10,1 и (объяснение Аркадия с Катей) $\overline{n}$ — 13,5; в «Войне и мире» (объяснение князя Андрея и Наташи) $\overline{n}$ — 10,8 и (Николай и Соня) $\overline{n}$ — 13,4.

Графические схемы распределения средних размеров предложения по главам дают картину несравненно более сложную, но вместе с тем — и более интересную, так как определеннее обнаруживается зависимость использования автором дискретного или суммарного принципа изложения от темы и характера ситуации[13]. Чем ситуация динамичнее, тем, как правило, ниже средний размер предложения в главе. В главах с низким $\overline{n}$, как правило, развертываются те «предельные ситуации», с которыми связаны так называемые кульминационные пункты в развитии интриги. Вообще в главах, имеющих средний размер предложения ниже среднего для всего произведения в целом, обычно содержится диалог и, следовательно, сообщения о движениях персонажей, их мимике и жестах. В главах, средний размер предложения в которых выше среднего для всего произведения, обычно сообщаются сведения о предшествующих началу действия событиях, психологический анализ, описания обстановки, пейзажа, интерьера,

[12] См. ВЯ, 1962, 2, стр. 92, рис. 7, 8, 9.
[13] См. ВЯ, 1962, 2, стр. 93, 94.

портреты действующих лиц, развернутые характеристики[14] и авторские рассуждения. Диалог в таких главах обычно или отсутствует, или занимает незначительное место.

Следует, однако, иметь в виду, что все наши наблюдения имеют лишь статистическую достоверность, т. е. верны для какого-то достаточно большого числа выборок. В отдельных случаях приходится наблюдать, например, что ситуации сравнительно *незначительные* описываются дискретно, а ситуации очень значительные — суммарно. Если для Толстого вообще характерно пластическое изображение, а тем более оно характерно для наиболее значительных моментов повествования, то для Достоевского пластика (а значит и дискретность изложения) вообще не очень характерна, в том числе и для самых «предельных ситуаций».

*

Таким образом, при изучении стиля писателя мы не вправе рассматривать размеры предложений в его произведении как величину случайную, зависящую от «вкуса» автора, но не зависящую от других элементов стиля. Анализ достаточно больших и разнообразных по содержанию и манере изложения художественных текстов обнаруживает зависимость (в каких-то интервалах) распределения предложений в тексте по их размерам от дискретного или обобщенного характера описания ситуаций в авторском тексте. Средний размер предложения ($\overline{n}$) оказывается (в каких-то пределах) своего рода функцией от манеры изложения. В свою очередь, появление дискретного или обобщенного описания в данном месте текста произведения также не является случайным, а подчинено и композиционной структуре произведения, и общему замыслу автора, и, по-видимому, каким-то общим эстетическим принципам писателя. Это дает возможность использовать статистический анализ размеров предложений для характеристики индивидуального стиля (а может быть, и для характеристики некоторых жанров и даже литературных школ). Использование этого показателя дает возможность сопоставлять в удобообозримой форме сколь угодно разнородные тексты, трудно сопоставимые по другим элементам.

---

[14] Очень часто второстепенные персонажи, мало участвующие в интриге, в произведениях Толстого, Достоевского, Тургенева (а может быть, и других писателей) получают суммарные характеристики-описания в 1—2 гигантских предложениях (например, фразы-характеристики великосветских гостей у Епанчиных в романе *«Идиот» имеют* 77, 84, 122 слова, фраза — характеристика Арины Власьевны в «Отцах и детях» насчитывает 193 слова, М. И. Колязина — 73 слова и т. п.).

№ 3 1963

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В НОВЫХ РАБОТАХ УКРАИНСКИХ УЧЕНЫХ

Общее языкознание как часть языковедческой науки, рассматривающая общие закономерности функционирования и развития языка и определяющая методологию его изучения, выделилось в трудах ученых Украины как самостоятельная область исследований только в советский период. Научные исследования прежде всего сосредоточились на вопросах основных методологических положений, базирующихся на философии диалектического материализма, определяющей характер языка как общественного явления, освещающей его социальную природу и функции в органической связи с развитием человеческого мышления и познания, в неразрывной связи с историческим развитием общества. Наряду с этим большое значение для развития общего языкознания на Украине имели те работы историко-лингвистического характера, в которых освещалась и переосмысливалась передовая традиция дореволюционного классического украинского и русского языкознания, в первую очередь лингвистические (шире — историко-филологические, этнические) взгляды А. А. Потебни[1].

После лингвистической дискуссии 1950 г.[2] выходит в свет ряд важных работ общего характера. В 1953—1959 годах Л. А. Булаховский опубликовал новые сводные работы по общему языкознанию — «Введение в языкознание», ч. II (1-е изд.— Киев, 1953; 2-е изд. — Киев, 1954, на русском языке), «Очерки по общему языкознанию» (1-е изд.— Киев, 1955; 2-е изд.— Киев, 1959). «Введение в языкознание» было издано в СССР также на грузинском языке, а за рубежом — на болгарском, польском и китайском. Вопросы методологии советского языкознания освещены в ряде других его работ, например в книге «Вопросы исторического развития языков» (1951), где рассматриваются проблемы установления признаков языкового родства, хронологии исторических изменений в языках и ряд других. В этой работе, как и в более ранних, Л. А. Булаховский много внимания уделяет проблеме развития языка в ходе его истории. Формулируя в ряде моментов возражения О. Есперсену и В. Вундту, ученый при выяснении путей развития формальных элементов слова исходит из теории адаптации первоначально неформальных звуковых частей слов и выясняет роль языковых скрещений в изменениях грамматической структуры языка.

---

[1] Из многочисленных работ, посвященных наследию А. А. Потебни и раскрывающих его идеи, назовем следующие: Л. А. Булаховский, А. А. Потебня, Киев, 1952; его же, Потебня — лингвист, «Уч. зап. [МГУ]», 107, 1946; его же, Потебня — выдающийся лингвист, «Мовознавство», 1953, XI и др.; И. К. Білодід, Вклад О. О. Потебні у вітчизняну мовознавчу науку, «Наук. зап. [Київськ. держ. ун-ту]», X, 3, 1951; его же, «Язык и народность» А. Потебни в свете современности, сб. «А. А. Потебня и некоторые вопросы современной славистики», Харьков, 1962; В. М. Брахнов, О. О. Потебня — діалектолог, «Діалектологічні бюлетень», 1953, 4; П. М. Пелех, Питання взаємозв'язку мислення і мови в працях О. О. Потебні, сб. «Нариси з історії вітчизняної психології кінця XIX і на-чатку XX ст.», Київ, 1959; раздел «А. А. Потебня» в «Истории философской и общественно-политической мысли на Украине» Ин-та философии (Киев, 1962). В 1962 г., кроме харьковского, в Киеве вышел также юбилейный сб. «А. А. Потебня» Ин-та языковедения им. А. А. Потебни АН УССР; оба сборника посвящены вопросам научного наследия А. А. Потебни, в них опубликованы также некоторые его неизвестные работы и письма.

[2] Работы украинских языковедов предшествующего периода освещены в сб. «Дослідження з мовознавства в Українській РСР за сорок років», Київ, 1957.

Этим же вопросам посвящен ряд работ других украинских ученых, например: «К вопросу о неравномерности развития составных частей латинского литературного языка», В. Е. Черняховского («Труды Одесск. гос. ун-та», 146. Серия филол. наук, 5, 1956), А. А. Белецкого—«К вопросу о сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков» («Мовознавство», 1952, X), «Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков» (ВЯ, 1955, 2). В монографии А. А. Белецкого «Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)» (Киев, 1950) высказаны общие положения о принципах этимологизации, главный из которых заключается в том, что при установлении этимологии должен преобладать внутрисистемный анализ и этимология может быть надежной лишь в том случае, если констатация фонетических и семантических связей между словами подтверждается «историческим контекстом» слова в данном языке.

Ряд работ был посвящен научной популяризации принципов и положений марксизма-ленинизма; см. хотя бы «Вопросы языка в работах В. И. Ленина» А. С. Мельничука («Укр. мова в шк.», 1952, 1) и отчасти «Словарь лингвистических терминов» Е. В. Кротевича и П. С. Родзевич (Киев, 1957). В этих работах утверждается общественная сущность языка как основного средства общения людей, неразрывная связь языка и мышления, общая обусловленность развития языка развитием общества. При этом учитывается специфика языка по отношению к другим общественным явлениям, отсутствие прямого совпадения категорий языка с категориями мышления, имманентность ряда процессов языкового развития, т. е. отсутствие непосредственной связи между некоторыми явлениями языка и историей общества и т. п.

При разработке проблемы и с т о р и я я з ы к а и и с т о р и я о б щ е с т в а[3] украинские языковеды уделили много внимания общетеоретическим и практическим вопросам развития национальных языков народов СССР в связи с развитием социалистических наций, а также проблеме двуязычия. Назовем здесь статьи: «Марксистское учение о развитии национальных языков» А. С. Мельничука («Вісник АН УРСР», 1954, 9) и «Вопросы развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму» И. К. Белодеда и А. С. Мельничука (ВЯ, 1959, 5). В работе «Новые тенденции развития украинского языка в период перехода от социализма к коммунизму» И. К. Белодеда, А. С. Мельничука и В. М. Русановского (Киев, 1959) рассмотрен вопрос об изменениях в языках социалистических наций, в частности о создании в них общего фонда лексики и фразеологии, об изменениях во взаимоотношении функциональных стилей литературного языка, о взаимоотношении между литературным языком, народными говорами и просторечием в настоящее время.

Проблема с в я з и я з ы к а и м ы ш л е н и я исследуется не только языковедами, но и психологами и философами. Основными направлениями работ в этой области следует считать: изучение механизма простых и сложных («высших») ассоциаций человека в его отношении к проблеме связи явлений языка и мышления; изучение абстрагирующего характера мышления и его отражения в некоторых особенностях грамматического строя языка; применение ленинской теории отражения при изучении соотношения языка и мышления; вопрос о значении исследования языка в теории познания; изучение взаимодействия между словами, закрепляющими понятия о предметах или явлениях, и чувственными образами и представлениями о них на основе учения И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах.

Из ряда многих работ в этой области отметим наиболее характерные. Известный психолог Г. С. Костюк исследовал проблему высших ассоциаций человека в их связи с явлениями языка (см. его «Психологию», Киев, 1961), теоретически-экспериментальная разработка которой в настоящее время продолжается под его руководством в лабораториях Института психологии УССР. Ряд его работ посвящен взаимосвязи языка и мышления, слову как «сигналу сигналов» (по Павлову)[4]; этой теме посвящена также содержательная работа А. Н. Раевского «О взаимосвязи чувственного и рационального в содержании слова» («Наук. зап. [Ін-ту психології Мін. осв. УРСР]», XIII, 1959).

Выяснению психологической природы «внутренней речи», в частности степени ее «конденсированности» в зависимости от характера мыслительной деятельности, значения этой речи в мыслительном процессе вообще посвящены работы Б. Ф. Баева: «Взаимосвязи внешней и внутренней речи в решении мыслительных задач» («Наук. зап. [Ін-ту психології Мін. осв. УРСР]», IX, 1958); «К вопросу о зависимости функциональных особенностей

[3] Здесь следует упомянуть ряд выполненных украинскими языковедами работ по истории отдельных национальных языков (украинского, русского, английского, французского, немецкого, чешского, польского, греческого, молдавского и др.), по теоретической и практической топонимике.

[4] См., например, Г. С. К о с т ю к, Вопросы психологии мышления, сб. «Психологическая наука в СССР», I, М., 1959.

внутренней речи от содержания мыслительной деятельности» («Вопросы психологии», 1958, 6). Большой популярностью среди педагогической общественности пользуются работы И. Е. Синицы о психологических основах формирования и развития устной и письменной речи учащихся, об использовании письменной и устной разновидностей литературного языка в процессе обучения. На этом материале базируется вывод о том, что взаимосвязь между мышлением и речью не только сложна, но и противоречива, она обусловливается типологическими особенностями личности[5].

Другие из названных вопросов разрабатывались в статьях «Ленинская теория отражения и вопросы единства языка и мышления» С. Я. Когана («Праці Одеськ. держ. ун-ту. Збирник філол. фак-ту», III, 1953); «Значение языка в теории познания» П. К. Каменева (Киев, 1953); «Некоторые замечания о развитии абстракции в языке» Н. А. Каламовой («Ювілейна наукова сесія, присв. 300-р. Львівск. ун-ту. Тези доповідей секцій филології, журналістики та педагогіки», 1961); «О роли языковой функции в переходе от чувственного к рациональному» («Наук. зап. [Ін-ту философії АН УРСР]», IV, 1958), «О некоторых типических чертах во взаимоотношениях значения слова и понятия» Б. О. Лобовика («Укр. мова в шк.», 1958, 5).

Вопросы о связи языка и мышления рассматриваются также в работах Б. Г. Кубланова «Некоторые вопросы гносеологической структуры языка» («Праці кафедр суспільних наук [«Львівськ. держ. ун-ту]», 5. Питання філософії, 1959), В. М. Мигирина «Отношение между языком и мышлением в свете марксистско-ленинского учения о форме и содержании», «Части речи с точки зрения закрепления в языке абстрагирующей работы мышления» («Изв. Крымск. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», XXXIII. Кафедра русск. яз., 1, Симферополь, 1959).

Нельзя признать достаточным интерес украинских советских языковедов к вопросам общей фонетики и фонологии. Кроме освещения этого вопроса в курсах по общему языкознанию Л. А. Булаховского, И. И. Завадовского и М. Я. Калиновича, можно отметить работы И. П. Сунцовой.

Большое значение для сравнительно-исторического языкознания имеют известные работы Л. А. Булаховского по славянской акцентологии. Их теоретическая глубина, целый ряд новых и оригинальных решений спорных проблем привлекали и привлекают к ним общий интерес славистов. Помимо общеславистического значения, заключающегося в построении определенных акцентологических концепций, систематизации обширного материала, поисков новых путей для объяснения тех или иных явлений, работы Л. А. Булаховского по славянской акцентологии важны и для общего языкознания. Кроме прежних исследований Л. А. Булаховского, относящихся к реконструкции славянской акцентологической системы древнейшего времени, следует отметить ряд выполненных в последнее время его работ, посвященных акцентологии отдельных славянских языков (русского, украинского, болгарского, чешского, польского, сербского, кашубского и др.).

В последнее время разрабатывались вопросы экспериментальной фонетики, орфоэпии и фоностилистики. Исследования Л. А. Близниченко посвящены вопросам интонации в английском и украинском языках; см., например, его статьи «Из истории исследования теории речевой интонации в отечественном языкознании» («Наук. зап. [Київськ. держ. пед. ин-ту иноз. мов]», III, 1958), «Экспериментальное исследование интонации речи» (там же, IV, вып. 2, 1959). В области экспериментальной фонетики работают В. А. Скворцов — «О применении шлейфового осциллографа в экспериментальной фонетике» («Вісник Київськ. ун-ту», 1. Серія філології та журналістики, 1958, 1), «Об уменьшении влияния на осциллограмму отраженных звуковых колебаний основного сигнала» (там же, 1961, 3), И. П. Сунцова и др.—«Рентгенографирование речевых артикуляций» («Наук. щорічник [Київськ. держ. ун-ту] за 1956 р.», 1957).

В разработке вопросов, связанных с изучением грамматического строя языка, особенно синтаксиса, основное направление было определено работами В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, И. И. Завадовского, М. Я Калиновича, посвященными вопросам самого понятия, объема, содержания предложения, словосочетания, синтагмы, взаимосвязи предложения и психологического суждения. Активно работали по этой тематике сотрудники языковедческих кафедр Львовского гос. университета им. И. Франко, особенно Е. В. Кротевич. Ему принадлежит ряд работ по теории синтаксиса предложения и синтагматического членения речевого потока: «Структура сложноподчиненного предложения» (ВСЯ, 3, Львов, 1953), «Предложение и его признаки» (Львов, 1954), «Словосочетания как строительный материал предложения» (Львов, 1956). Назовем еще работу А. С. Мельничука «Понятие предложения в советском языкознании» (Киев, 1952), а также работы

[5] Этим вопросам посвящена работа: И. Е. Синиця, Особливості взаємозв'язку усної и писемної мови в учнів V—VIII класів, «Наук. зап. [Ін-ту психології Мін. осв. УРСР]», XVI, 1960, и др.

И. Г. Чередниченко «Период как синтаксическая конструкция в современном украинском языке» («Укр. мова в шк.», 1957, 2), «Предложение в системе многочленного высказывания и в структуре сложного предложения» (там же, 1959, 5) и др.

Продуктивными были в последние годы исследования в области общих вопросов грамматики и словообразования. Понятия «грамматическое значение» и «грамматическая категория» рассматриваются И. К. Кучеренко в работе «Теоретические вопросы грамматики украинского языка» (ч. 1, Киев, 1961). Теоретическими вопросами в области синтаксиса продолжали заниматься Е. В. Кротевич (см. его работы «О связях слов», Львов, 1959; «Слово, часть речи, член предложения», Львов, 1960, и др.), В. Н. Мигирин (см. его работу «Отношения между частями речи и членами предложения», «Научн. доклады высшей школы. Филол. науки», 1959, 1), Ю. Р. Геннер («О предикативности и модальности как грамматических категориях. Синтаксис, его предмет и задачи», Харьков, 1958). Среди работ по словообразованию заметное место занимает докторская диссертация И. И. Ковалика «Словообразование в славянских языках», части которой опубликованы отдельными изданиями (см., например, «Учение о словообразовании», Львов, 1958). Автор обосновал оригинальную классификацию словообразовательных величин (словообразовательный тип, разряд, категория); большой интерес вызывает также рассмотренный автором вопрос о словообразовательной омонимии, о различении понятий аффикса и аффиксемы и др.

Словообразовательные компоненты слова, их типы и определяемые ими структурные типы слов рассмотрены в работах Г. Ф. Ференса «К вопросу о типах словообразовательной формы слов» («Научн. ежегодник за 1956 г. [Черновицк. гос. ун-та]», I, 2, 1957), И. Т. Яценко «К вопросу об определении основы слова» («Тезисы докл. и сообщ. на научн. конференции Черкасск. пед. ин-та», 1959) и др. Возникновению и природе аффиксов (на материале романских и славянских языков) посвящена работа Н. А. Каламовой «Из наблюдений над происхождением аффиксов в различных языках» («Доповіді та повідомлення [Львівськ. держ. ун-ту]», 9, ч. 1, 1961).

Особо следует отметить работы Л. А. Булаховского, посвященные выяснению принципов и направлений действия грамматической аналогии в славянских языках. Помимо прежних работ [«Исследование в области грамматической аналогии и родственных явлений. Славянские атематические глаголы» («Уч. зап. Харьковск. ун-та», 1940, 19), «Разыскания в области грамматической аналогии в славянских языках» («Мовознавство», 1936, 8)], вопросы грамматической аналогии и родственных с ней явлений рассматриваются Л. А. Булаховским также в работе «Очерки по сравнительно-историческому методу в языкознании. Грамматическая аналогия и родственные явления» (сб. «Слов'янське мовознавство», I, Київ, 1958). Исследование вопросов грамматической аналогии (на материале украинского языка) продолжала под руководством Л. А. Булаховского А. М. Матвиенко, опубликовавшая статьи «Аналогия в украинском языке» («Исследования по украинскому языку», Киев, 1958), «Некоторые вопросы грамматической аналогии» («Мовознавство», 1961, XVI).

Может быть, больше, чем другим проблемам, украинскими языковедами было уделено внимания вопросам лексикологии и семасиологии. Этой тематикой много лет активно интересовался Л. А. Булаховский, общетеоретические взгляды которого в этой области нашли свое отражение и применение в его курсах по общему языкознанию. Рассмотрению принципов семасиологического исследования посвящена работа В. В. Мартынова «О принципе семасиологической объяснимости в сравнительно-историческом языкознании» («Праці Одеськ. держ. ун-ту. Збірник філол. фак-ту», III, 1953). Проблеме интернационализмов в языках посвящена работа А. А. Белецкого «Об интернационализмах» («Сборник филол. фак-та Киевск. ун-та», 1955, 8).

В результате интенсивной работы украинских языковедов в области лексикографии появился ряд теоретических исследований. Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР в числе своих печатных органов («Мовознавство», «Діалектологічний бюлетень», «Слов'янське мовознавство», тематические и аспирантские сборники) выпускает также «Лексикографічний бюлетень» (за период 1951—1962 гг. вышли I—IX выпуски), в котором помещаются и работы по теории перевода[6]. Отметим теоретически важные для составления словарей работы П. И. Горецкого «Методологические принципы составления общих двуязычных переводных словарей» («Лексикографічний бюлетень», I, 1951), А. А. Белецкого «К вопросу о словарях иностранных слов» (там же, II, 1952), Т. В. Зайцевой «Методологические основы нового украинско-русского словаря» (там же, I, 1951), С. Ф. Левченко «К вопросу о принципах составления словаря синонимов украинского языка» (там же, V, 1955).

К вопросам лексикологии и словообразования в определенной степени при-

[6] Теоретическим и практическим вопросам перевода посвящены, например, работы А. М. Финкеля, М. Т. Рыльского, И. А. Багмута и др.

мыкает проблема термина и терминологии. Расширение экономических, научных и культурных связей между странами, обмен технической информацией в условиях бурного технического прогресса в последние годы ставит перед терминологическими комитетами и комиссиями вопрос об унификации и, по возможности, интернационализации терминологии в границах родственных языков и в межнациональном масштабе. На Украине, при Президиуме АН УССР, работает Словарно-терминологическая комиссия, которая определяет принципы создания терминологических словарей. Уже издано 12 терминологических словарей. Общетеоретическая работа в этой области на Украине оставляет желать лучшего. Однако в последнее время появился ряд работ, посвященных теоретическим вопросам терминологии.

Заметное место в исследованиях украинских ученых занимают вопросы стилистики языка, или лингвостилистики. Для работ этого типа характерно то, что их результаты становятся достоянием истории литературного языка. На Украине школу истории литературного языка и лингвостилистики весьма плодотворно возглавлял Л. А. Булаховский. Кроме работ по истории русского литературного языка и русской стилистики, ему принадлежит ряд работ на украинском языке по общим вопросам и по стилистике украинского языка, работы, посвященные языку Т. Шевченко, и др. Ученики Л. А. Булаховского расширили и дифференцировали проблематику исследований в этой области. Назовем здесь монографию И. К. Белодеда «Вопросы развития языка украинской советской прозы» (Киев, 1955). В других работах автора, посвященных стилистическим средствам словообразования, развитию стилей в украинском языке, в частности под влиянием учения Ломоносова о трех стилях, языку и стилю произведений Т. Г. Шевченко, Ю. Яновского, А. Довженко и др., рассматриваются и общетеоретические вопросы стилистики. Теоретическим вопросам стилистики посвящена монография И. Г. Чередниченко «Очерки по общей стилистике современного украинского языка» (Киев, 1962).

Научно-теоретические положения Программы КПСС о развитии национальных языков народов СССР, о роли русского языка как языка межнационального общения в нашей стране вызвали к жизни целый ряд работ, посвященных развитию национальных языков, выяснению общих закономерностей и тенденций этого развития. Проблема «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций СССР», координируемая специальным Научным советом АН СССР во главе с акад. В. В. Виноградовым, разрабатывается на Украине под руководством специального научного совета АН УССР. Здесь осуществляются исследования закономерностей развития устного и письменного украинского литературного языка на современном этапе в его соотношении с народными и профессиональными диалектами, с учетом специфики его функционирования в городе и на селе, исследования его развития в семье братских языков социалистических наций [кроме упомянутых выше работ, см. также, например, передовые статьи в журнале «Мовознавство»: «Задачи и перспективы языковедческой науки в нашей республике» (1961, XVI); «Первоочередные задачи украинского языкознания в свете решений XXII съезда КПСС» (1961, XVII); передовую статью в журнале «Українська мова в школі» — «Задачи языкознания в свете решений XXI съезда КПСС» (1959, 3); работы И. К. Белодеда «Украинский язык среди языков социалистических наций СССР» («Вітчизна», 1962, 2), «Русский язык — язык межнационального общения народов СССР» (Киев, 1962) и др.].

Большое место в работах украинских лингвистов занимает проблематика межъязыковых связей. Вопросы русско-украинских языковых отношений изучались и изучаются в диахроническом и синхроническом планах, исследуются языковые взаимовлияния. Примером работ этого типа являются выполненные под руководством И. К. Белодеда монографии: «Русско-украинские литературно-языковые связи во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв.» Г. М. Гнатюк (Киев, 1957), «Вопросы русско-украинских языковых связей» Г. П. Ижакевич (Киев, 1954), а также «Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI — первой половине XVIII вв.» И. К. Белодеда, Г. П. Ижакевич и З. Т. Франко (М., 1962), «Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI — первой половине XIX вв.» И. К. Белодеда, Г. М. Гнатюк, Г. П. Ижакевич, З. Т. Франко (Киев, 1962). На эту тему опубликован также ряд работ других авторов. Украинско-белорусские языковые связи освещались в работах Л. А. Булаховского, П. Бузука, в ряде работ Института языковедения АН УССР. В подготовленной монографии А. П. Непокупного «Очерки по современным балто-славянским отношениям» затрагиваются вопросы лингвистической географии и сравнительной типологии, широко используются методы ареальной лингвистики. Проблемами глоттохронологического метода и установления родства языков на материале албано-балто-славянских отношений занимается О. С. Широков (см. его доклад «Применение лексико-статистического метода при установлении языкового родства», «Питання прикладної

лингвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22—28 вересня 1960 року», Чернівці, 1960).

Усилился интерес украинских ученых к вопросам природы языка, общего характера языковой структуры, взаимоотношения между языком и мышлением, к общим вопросам грамматического строя языков, экспериментальной фонетики, стилистики. Уделяется внимание новым методам исследования языковой структуры [7] — трансформационному анализу и статистически-математическому обследованию языка. Такие исследования приводятся в Институте языковедения АН УССР в контакте с Институтом кибернетики АН УССР и отделом математической лингвистики Киевского университета [8], в вычислительных лабораториях Киевского, Бердянского и др. пединститутов, в Харьковском, Черновицком и др. университетах; в экспериментальной фонетике применяется спектральный анализ; внедряется метод эксперимента при изучении потока звучащей речи (особенно в лабораториях экспериментальной фонетики Института языковедения им. А. А. Потебни, Киевского, Львовского, Черновицкого университетов). Новые вопросы нашли свое отражение в ряде работ украинских ученых.

В работе «Основные проблемы современного языкознания» («Ювілейна наукова сесія, присв. 300-р. Львівськ. ун-ту...») Е. В. Кротевич рассматривает вопросы специфики языкознания как общественной науки, характеризует систему языка как открытую продуктивную систему, постоянно находящуюся в процессе становления. Автор отрицает целесообразность неограниченного применения принципа изоморфизма к различным сторонам языковой структуры.

Ряд работ посвящен анализу понятий «язык» и «речь», выяснению их основных единиц. Например, в работе П. Кострубы «Высказывание как основная единица живого языка» (Львов, 1959) в качестве наиболее общего понятия единицы речи выделяется высказывание; в зависимости от содержания и формы высказывания различаются предложения (полные и неполные), эквиваленты предложений (лишенные сказуемого как основного формального признака предложения) и заменители предложений. В работе А. Демьяненко «Язык и речь. Языковые и речевые единицы» («Ювілейна наукова сесія, присв. 30-р. Львівск. ун-ту...») рассматривается соотношение языка и речи в общем плане, а также на различных уровнях систем языка и речи (синтаксической, морфологической, лексической и фонетической).

Некоторые общие вопросы развития языков мира на материале индоевропейских и финно-угорских рассматривает ужгородский языковед А. М. Рот в статье «К вопросу о внутренних законах развития языков» («Наук. зап. [Ужгородськ. держ. ун-ту], 37. Філологія, 1959). Касаясь соотношения аналитизма и синтетизма, автор отвергает традиционное утверждение о развитии всех языков мира в направлении к аналитизму, показывая на примере финно-угорских языков, что в процессе исторического развития могут взаимодействовать обе тенденции — и к синтетизму, и к аналитизму.

Примером исследования реализации лексических значений слова в контексте путем применения методики математической лингвистики является работа В. И. Перебейнос «Об использовании структурных методов для разграничения значений многозначного глагола» (ВЯ, 1962, 3), а также ее работа «К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии» (сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962). Статистические методы при исследовании фоностилистических средств речи применяет И. Г. Чередниченко в работе «К вопросу о фоностилистике и объектах фоностилистического наблюдения и исследования» («Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы», М., 1961).

В последнее время украинские языковеды опубликовали также работы по вопросам прикладной лингвистики; результаты некоторых из этих работ были доложены на межвузовской конференции в г. Черновцы [9]. Следует упомянуть также следующие работы: Н. М. Грищенко «Особенности кодирования и программирования алгоритма морфологического анализа для русского языка на ЭСМ „Киев"» («Проблемы кибернетики», 6, М., 1961), И. Галенко «Лингвистически-математические методы в языкознании» («Ювілейна наукова сесія, присв. 300-р. Львівськ. ун-ту...»), Н. Ф. Пелевина

[7] Структурализм подвергся критике со стороны А. С. Мельничука (см. его ст. «К оценке лингвистического структурализма», ВЯ, 1957, 6). Критическую оценку ряда приемов дескриптивизма см. также в работах: А. О. Білецький, Описова граматика як окрема лінгвістична дисципліна, «Наук. зап. [Київськ. держ. ун-ту]», VI, 1, 1947; его же, Описательное языкознание как отрасль общего языкознания, сб. «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961.

[8] Киевский университет произвел уже первый выпуск отделения математической лингвистики.

[9] См. «Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22—28 вересня 1960 року», Чернівці, 1960, а также информацию об этой конференции — ВЯ, 1961, 1.

«Установление этимологического тождества с помощью умножения вероятностей» («Научный ежегодник за 1959 г. Черновицк. гос. ун-та», Отдельный вып.— филол. фак-т, 1960) и некоторые другие.

В ходе дискуссии о фонеме и после дискуссии украинские ученые выступили с рядом работ о природе языкового знака и о знаковости языка. Примером этих работ являются: «Вопрос о фонеме в связи с проблемой знаковости языка» В. Н. Мигирина («Изв. Крымск. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», XXXIII. Кафедра русск. яз., 1, Симферополь, 1959), «О языковом знаке и знаковости языка» А. Демьяненко («Ювілейна наукова сесія, присв. 300-р. Львівск. ун-ту...»), ответы А. С. Мельничука на вопросы, предложенные оргкомитетом международного симпозиума по теме «Знак и система языка» (сб. «Zeichen und System der Sprache», II, Berlin, 1962). Независимо от различного толкования понятия фонемы, языкового знака и их соотношения авторы в конечном итоге приходят к выводу, что языковой знак — это исторически изменчивая, социальная, материальная языковая (и речевая) единица, отражающая объективно существующие предметы и явления в их связях и взаимоотношениях.

Обобщающей работой украинских славистов явится подготавливаемый к изданию в 1963 г. под руководством А. С. Мельничука курс «Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков», проспект которого уже опубликован (Киев, 1962). Украинскими языковедами был также выполнен ряд работ, или специально посвященных связям украинского языка с другими, неславянскими языками, или частично затрагивающих эти связи. Сопоставительному анализу фонетических и лексических явлений в украинском и английском языках посвящены работы Т. А. Бровченко, Л. И. Миловидовой, Г. А. Миклошевской и др., в немецком и украинском — Л. И. Прокоповой, в русском и корейском — Л. Скалозуб, в немецком, румынском и украинском — И. В. Шаровольского и др.; работы Е. В. Опельбаума касаются славянских, в частности древнерусских, элементов в немецком языке, работы С. С. Штефуровского — романских и славянских заимствований в немецком языке; О. Ф. Рипецкая исследует немецкие топонимы славянского происхождения.

Дальнейшая работа советских языковедов — специалистов в области общего языкознания, в частности языковедов украинских, должна определяться требованием глубоких теоретических исследований в области общественных наук и совершенствованием научных методов, что необходимо для плодотворного развития советской лингвистической науки.

И. К. Белодед

РЕЦЕНЗИИ

V. Kiparsky. **Der Wortakzent der russischen Schriftsprache.** Carl Winter, Universitätsverlag. — Heidelberg, 1962. 396 стр.

Работа известного слависта В. Кипарского «Словесное ударение в русском литературном языке» является обобщением изысканий автора в области истории русского ударения. В рецензируемую монографию в качестве составной части вошла и вышедшая в 1950 г. работа В. Кипарского «О колебаниях ударения в русском литературном языке» [1].

Главным предметом исследования является ударение в языке акцентуированных памятников XVI—XVII вв. Работа состоит из предисловия, в котором определяются понятия русской акцентологии, вступления, излагающего историю русской акцентологии, указываются задачи исследования и дается характеристика источников, использованных автором. Затем следуют разделы: I — существительные; II — прилагательные; III — местоимения; IV — числительные; V — глаголы; VI — наречия. В кратком заключении подводятся итоги исследования.

Как видно из перечня глав, автор стремится дать всестороннее описание ударения знаменательных слов русского языка. Автор прослеживает историю ударения большого числа слов, исконно русских и заимствованных, привлекая показания акцентуированных памятников русской письменности XVI—XVII вв., сведения из языка русской поэзии, главным образом XVIII в., а также из пособий и отдельных работ по русской грамматике и ударению. Основываясь на обратных словарях русского языка [2], автор стремится установить систему ударения современного русского языка и че-

[1] В. Кипарский, О колебаниях ударения в русском литературном языке. I. Односложные имена существительные («Annuaire de l'Institut finlandais d'études soviétiques», 1 (suppl.), Helsinki, 1950).

[2] H. H. Bielfeldt, Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart, Berlin, 1958.

рез историю ударения отдельных слов, входящих в устанавливаемые автором акцентологические типы, показать эволюцию системы русского ударения.

Как указывает сам автор (стр. 363), его монография занимает промежуточное положение между справочником и теоретическим исследованием. Как справочник работа очень ценна, а классификации, предлагаемые автором, сами по себе являются значительным теоретическим достижением. Но при сравнительно-историческом интерпретации фактов В. Кипарский высказывает ряд спорных положений. Таковы истолкование ударения на окончании в род. падеже ед. числа и в твор. падеже ед. числа односложных имен существительных III акцентологического типа (по классификации В. Кипарского), некоторые мысли об ударении имен прилагательных и глаголов. Мы остановимся ниже на указанных спорных положениях книги.

В первой главе В. Кипарский исследует ударение односложных имен существительных типа *сад*, *са́да*, мн. *сады́*, *садо́в* и т. п., которые автор определяет как III акцентологический тип. В некоторых существительных этого типа автор отмечает факультативное ударение на окончании в род. падеже ед. числа, особенно при отрицании *ря́да*, *шара́*, *шага́*. Одновременно с этим в адвербиализированных формах твор. падежа ед. числа этих имен можно наблюдать ударение на *-о́м*: *верхо́м*, *бего́м* и т. п. В. Кипарский отвергает мнение о происхождении ударяемого окончания в род. падеже ед. числа из форм двойственного числа[3]. По мнению автора, формы *два ря́да* и т. п. моложе, чем *два ря́да* (стр. 66). К этому выводу автор приходит, опираясь на наблюдение над языком памятников XVI—XVII вв., где формы типа *два ря́да* наблюдались чаще в более поздних памятниках.

Формы твор. падежа ед. числа с ударением на окончание *верхо́м*, *бего́м* и др. В. Кипарский также рассматривает как новообразования, вопреки мнению Хр. Станга[4] и Е. Куриловича[5], считающих ударение на окончании старой акцентовкой *и*-основ. Посылкой для вывода о том, что *бего́м*, *верхо́м* и т. п.— новообразования, является наблюдение над относительной частотой употребления указанных форм в памятниках. По наблюдению В. Кипарского, в древнейших текстах случаи с твор. на *-о́м* встречаются «не чаще, чем в современном языке» (стр. 61). Автор пытается дать объяснение с точки зрения семантики для форм с твор. падежом на *-о́м* и род. падежом на *-а́*, не предполагая общности происхождения этих форм. Твор. падеж ед. числа на *-о́м* в существительных III акцентологического типа рассматривается автором как результат омонимического отталкивания адвербиализированных форм *верхо́м*, *кругу́м* с ударением на окончании от неадвербиализированных форм *ве́рхом*, *кру́гом* и т. п.

Формы род. падежа ед. числа на *-а́* в именах существительных III типа служат, по мнению В. Кипарского, для выражения особых эмоционально-экспрессивных оттенков рассматриваемых слов (стр. 66 и сл.). Таким образом, формы род. падежа на *-а́* и твор. падежа на *-о́м* для В. Кипарского не связаны между собой генетически. С таким истолкованием нельзя согласиться. Чтобы произошло омонимическое отталкивание, необходимо наличие в языке акцентологических дублетов: *ря́да* и *ря́да*; *верхо́м* и *ве́рхом*. У В. Кипарского источник возникновения акцентологических дублетов не указан. Кроме того, как показывает Хр. Станг[6], колебания в ударении в Уч.[7] не объясняются различием адвербиализированных и неадвербиализированных форм; ср. твор. падеж ед. числа *ста́номъ* (183 a) и т. д., но *пред стано́мъ* (три раза 170 b, 180 b, 181 b); *задо́мъ* (97 a), *передо́мъ* (79 b), *чино́мъ* (21 b), но *чи́номъ* (10 a). В Хронографе по списку П. П. Вяземского Хр. Станг отмечает *садо́мъ ра́зума* (12)[8]. Не доказывают адвербиализацию и многие из приводимых В. Кипарским примеров; ср. его замечания (стр. 61) об употреблении *кругу́м* в Уч. (лл. 159, 211). Точно так же не обнаруживают особой эмоциональной окраски формы род. падежа ед.числа на *-а̀*, ср. в Уч.: *оу вся́кого ря́да*, *проме́жь вся́кого ря́да*[9]. Наконец, объяснение В. Кипарского не учитывает очевидной связи форм на *-а̀* в род. падеже ед. числа и в им. падеже мн. числа в рассматриваемом акцентологическом типе.

Более обоснованной представляется нам точка зрения Хр. Станга, который, как и В. Кипарский, отвергает традиционное объяснение род. падежа ед. числа на *-а̀* при подвижности ударения из

[3] Ср. R. Nachtigall, Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten, Heidelberg, 1922, стр. 148—149.

[4] Chr. S. Stang, Slavonic accentuation, Oslo, 1957, стр. 80.

[5] J. Kuryłowicz, Intonation et morphologie en slave commun, «Rocznik slawistyczny», XIV, 1938, стр. 17.

[6] Ср. Chr. S. Stang, указ. соч., стр. 80 и сл.

[7] Уч.=«Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, М., 1647» (старопечатная книга).

[8] Chr. S. Stang, указ. соч., стр. 80 и след.

[9] См. документацию: Chr. S. Stang, La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, 1647», Oslo, 1952, стр. 12.

двойственного числа. Хр. Станг объясняет формы с ударением на окончании в род. падеже ед. числа и им. падеже мн. числа на *-ā* и в твор. падеже ед. числа на *-дм* особым происхождением типа подвижного ударения существительных мужского рода с ударением на окончании в им. падеже мн. числа. Вслед за Р. Нахтигалем[10], А. А. Шахматовым[11] и Л. А. Булаховским[12] Хр. Станг возводит рассматриваемые конечноударяемые формы к подвижной акцентологической парадигме *u*-основ.

Согласно Хр. Стангу, в *u*-основах с подвижным ударением в твор. и местн. падежах ед. числа ударение было на окончании еще в балто-славянский период (ср. литов. *sūnumì*). Под влиянием твор. и местн. падежей ед. числа, а частично под влиянием конечноударяемых *u*-основ ударение на окончании распространилось и на окончание род. падежа ед. числа *u*-основ с подвижным ударением (в общеславянский период род. падеж ед. числа подвижных *u*-основ имел ударение на корне). Затем под влиянием сочетаний род. падежа ед. числа со словами *один*, *два*, *три*, *четыре* ударение на окончании проникло в им. падеж мн. числа. При взаимодействии *o* -и *u*-основ могли возникнуть указанные колебания ударения, причем в именах с подвижным ударением формы с ударением на корне представляли в род., твор., местн. падежах ед. числа и в им.-вин. мн. числа старые *o*-основы, а формы с ударением на окончании в тех же падежах — старые *u*-основы[13].

Во втором разделе книги В. Кипарский предлагает следующую классификацию ударения полных суффиксальных прилагательных: 1-я группа — полные производные имена прилагательные, сохраняющие ударение производящего слова, ср. *краеве́дческий — краеве́д*, *а-* и др.; 2-я группа — прилагательные, имеющие ударение на суффиксе независимо от ударения производящего слова; 3-я группа — прилагательные, распределяющие ударение по закону Х. Хартмана[14]: *бо́бовый*, *ра́ковый*, *воровско́й*, *земляно́й* и др.

Однако В. Кипарский включает в 1-ю группу некоторые суффиксальные прилагательные ошибочно. Так, прилагательные с суффиксом *-чат*, относимые автором к 1-й группе, имеют ударение, находящееся на слоге непосредственно перед суффиксом, независимо от ударения производящего слова; ср. *жело́бчатый* к *же́лоб*, *-а*; *коро́бчатый* к *ко́роб*, *-а*; наряду с *суста́вчатый* и др., где ударение деривата и производящего слова совпадает.

Неправомерно отнесение к указанному акцентологическому типу и прилагательных с суффиксом *-ск-*, которые распределяют ударение согласно закону Хартмана[15], ср. *городско́й*: *го́род*, *-а*, мн. *города́*, *-о́в* и др. Неправильно включать в рассматриваемую группу и прилагательные с суффиксом *-ебн*: *судебный*, *целе́бный* и др., имеющие всегда ударение на суффиксе. Приводимые В. Кипарским примеры *сва́дебный*, *уса́дебный* недоказательны: прилагательные *уса́дебный*, *сва́дебный* образованы от слов *уса́дьба*, *сва́дьба* с суффиксом *-н-* и распределяют ударение по закону Хартмана. Очевидные ошибки автора вытекают из эклектического смешения традиционного понятия словообразовательного суффикса с «исходом», механическим объединением рифмоподобных слов [В. Кипарский объединяет, например, в один суффиксально-акцентологический тип слова *драгу́н*, *бегу́н* и *галу́н*; *приста́в*, *бура́в* и *замаза́в* (стр. 98).].

Во 2-ю группу прилагательных (прилагательные с ударением на суффиксе, независимым от ударения производящего слова) автор ошибочно включает прилагательные с суффиксом *-енн-*. Как мы установили, прилагательные с суффиксом *-енн-* образованы либо от имен существительных с неподвижным ударением на корне, либо — с неподвижным ударением на окончании[16]. Если производящее слово имеет ударение на корне, прилагательное-дериват сохраняет ударение производящего слова на корне: *ка́чественный*, *вѐдомственный*, *отѐчественный* и др. Прилагательные, образованные от имен существительных с ударением на окончании, имеют ударение непосредственно перед суффиксом *божѐственный*, *торжѐственный* и др. Прилагательные *та́йственный*, *во́йственный*, *общѐственный*, *тождѐственный*, *тожѐственный* в отношении места ударения образуют исключение. Привлекаемый В. Кипарским для определения ударения прилагательных с указанным суффиксом слова *гуме́нный* и др., заведомо образованные от существительных посредством суффикса *-н-* и получающие ударение по закону Хартмана, недоказа-

[10] R. Nachtigall, указ. соч., стр. 146—149.

[11] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, М., 1952. стр. 105 и сл.

[12] Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к литературному русскому языку, Харьков, 1937, стр. 92.

[13] Ср. Chr. S. Stang, Slavonic accentuation, стр. 81 и сл.

[14] Ср. H. Hartmann, Studien über die Betonung der Adjektiva im Russischen, Leipzig, 1936.

[15] Ср. В. А. Редькин, Система ударения суффиксальных полных прилагательных в современном русском языке, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XXIII, 1962, стр. 208.

[16] См. В. А. Редькин, указ. соч., стр. 207 и сл.

тельны (стр. 261). Отметим, что В. Кипарский прав, полагая, что прилагательное *тожéственный* (*тождéственный*) имеет вторичное ударение из более раннего *тóжéственный*. То же самое можно сказать о *войнственный*, ср. в Ист.: *вбинственного чину* (233); *вбинственному дѣлу* (14)[17]. Вероятно, и остальные два исключения являются новообразованиями.

К 3-й группе В. Кипарский относит прилагательные, распределяющие ударение по закону Хартмана. Эти прилагательные развивают ударение на корне, если производящее слово имеет ударение на корне: *рáковый*, ср. *рáк*, *-а*; *бýковый*, ср. *бýк*, *-а*; предконечное — если производящее слово имеет неподвижное ударение на окончании: *бобóвый*, ср. *боб*, *бобá*; *овсяный*, ср. *овéс*, *овсá*; *ýмный*, ср. *ум*, *умá* и др. Если производящее слово имеет подвижное ударение, прилагательное-дериват имеет ударение на окончании: *ушнóй*, ср. *ýхо*, *-а*, мн. *ýши*, *ушéй*; *родовóй*, ср. *рóд*, *-а*, мн. *роды́*, *-бе*; *на родý*; *в родý*; *городскóй*, ср. *гóрод*, *-а*, мн. *городá*, *-бе*; *волосяно́й*, ср. *вóлос*, *-а*, мн. *вóлосы*, *волóс*, *волосáм* и др. (стр. 16).

Указав, что значительное число прилагательных с суффиксом *-ов-* следует закону Хартмана (стр. 261—262), В. Кипарский дает перечень исключений из закона Хартмана. Большую часть исключений составляют прилагательные с ударением на окончании, благодаря чему В. Кипарский делает вывод, что в русском языке имеется недвусмысленная тенденция к развитию ударения на окончании (стр. 264). Однако этот вывод по меньшей мере поспешен. Можно указать целый ряд слов, заменивших ударение на окончании предконечным ударением: *пуховы́х* (Уч., 219); *домовы́х* (С., 12); *суровóму* (Л., 47). То же самое в других суффиксальных типах, подпадающих под действие закона Хартмана: *в деревянно́м* (Ист., 222); *оловянно́й* (Д., 84); *оловяны́е* (Д., 23)[18]. В сборнике Софийской библиотеки № 1460, исследованном Л. Васильевым, отмечено: *бѣсовскóму*, *бѣсовскóй*, *плотскóю*, *короткóе*, *сладкóму*, *крѣпкóму*, *в вѣчнóе*, *должнóе*, *мощнóе*[19]. Ср. также *в очнóй* (С., 210); *честнóй* (Д., 79); *на грязны́хъ* (С., 7). Ср. в современном русском литературном языке: *пухóвый*, *домóвый*, *сурóвый*, *деревя́нный*, *оловя́нный*, *бесóвский*, *плóтский*, *корóткий*, *слáдкий*, *крéпкий*.

Рассматривая исключения, приведенные В. Кипарским, можно обнаружить прилагательные, образованные от заимствованных слов. Автор приводит далеко не полный перечень этих прилагательных. А между тем обнаруживается, что одна группа заимствований развивает ударение на окончании независимо от ударения производящего слова: *стиховóй*, *нулевóй*, *рулевóй*, *полковóй*, *штыковóй*, *болтовóй*, *винтовóй*, *гуртовóй*, *постовóй*, *килевóй*, *штилевóй*, *стилевóй*, *шпилевóй*, *душевóй*, *шлюзовóй*, *циркóвой*, *цикловóй*, *штормовóй*, *штурмовóй*, *типовóй*, *центровóй*, *буровóй*, *шпуровóй*, *марсовóй*, *курсовóй*, *гонтовóй*, *текстовóй*, *целевóй*, *мастеровóй*.

В другой группе опять-таки независимо от ударения производящего слова развивается ударение на предконечном слоге (им является суффикс *-ов-*): *лилóвый*, *перлóвый*, *лаврóвый*, *тигрóвый*, *кедрóвый*, *тенорóвый*, *литрóвый*, *оркестрóвый*, *семестрóвый*, *триместрóвый*, *басóвый*, *продуктóвый*, *фруктóвый*, *портóвый*, *дюймóвый*, *фрахтóвый*, *почтóвый*, *марганцóвый*.

По-видимому, в прилагательных, образованных от самых старых заимствований, было ударение на окончании, ср. *к полковóй* (Уч., 129 и др.); *полковы́мъ* (С., 131); *мастеровóй* (С., 21); *мастеровы́хъ* (С., 144) и др. В таком случае можно предположить, что прилагательные с предконечным ударением, образованные от заимствованных слов, либо заменили свое первоначальное ударение на окончании предконечным, ср. у А. С. Пушкина: «...летя на тройке *почтовы́х*...» («Евгений Онегин»), как это произошло в словах *пуховый*, *деревянный* и др., либо образовались позже тех прилагательных, которые имели ударение на окончании, сразу с предконечным ударением. В любом случае это означает, что развитие ударения на окончании прилагательных в современном русском языке прекратилось. Прилагательные с ударением на окончании образуют непродуктивную группу, а продуктивным является предконечное ударение, которое развивается в тех случаях, когда в XVII—XVIII вв. возникало ударение на окончании.

Неверно трактует В. Кипарский ударение прилагательных с суффиксом *-ист-*.

---

[17] Ист.=Палицын Авраамий, келарь Троицо-Сергиева монастыря, История в память предыдущим родем. Рукопись XVII в., Рукописный фонд Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Л., шифр Q IV 352.

[18] С.= «Соборное уложение», М., 1649 (старопечатная книга); Л.=«Книга лошадиного учения» (рукопись XVII в., перевод с франц. яз.), Рукописный фонд Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, шифр F XI 1; Д.=«Домострой» в рукописи собрания Н. М. Коншина, Рукописный фонд Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, шифр Q XVII 149.

[19] Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии, сб. ОРЯС АН СССР, I, 2, Л., 1929, стр. 133—134.

Отглагольные прилагательные, вопреки мнению В. Кипарского, не зависят от ударения производящего глагола. На самом деле ударение этих прилагательных зависит от наличия или отсутствия в этих прилагательных приставки. Бесприставочные отглагольные прилагательные с суффиксом *-ист-* имеют ударение на суффиксе, приставочно-суффиксальные — на слоге непосредственно перед суффиксом, независимо от ударения производящего глагола: *сквозйстый*, *леденйстый*, но *извйлистый*, *изгйбистый*, *залйвистый*, *разгбнистый* (заметим, что в рассматриваемых прилагательных не всегда возможно бесспорно выделить отглагольные прилагательные в противоположность отыменным). Такое же ударение в отглагольных прилагательных с суффиксом *-лив-*, которые В. Кипарский отказывается объяснять (стр. 266—267): *гадлйвый*, ср. *гáдить*, *гáжу*, *гáдишь*; *щебетлйвый*, ср. *щебетáть*, *щебечý*, *щебéчешь*; *но догáдливый*, ср. *догадáться*; *выноблйвый*, ср. *выносúть* и др.[20]. Отыменные прилагательные развивают ударение в зависимости от ударения производящего слова. Ударение на корне наблюдается, если в производящем слове неподвижное ударение на корне: *вьюжливый*, *сбвестливый* — с суффиксом *-лив-*; *туманистый*, *мýскулистый* — с суффиксом *-ист-*. Ударение на суффиксе наблюдается в указанных прилагательных, если производящее слово имеет подвижное или неподвижное ударение на окончании: *смазлйвый*, *стыдлйвый*, *плечйстый*, *речйстый*[21].

Свою теорию предлагает В. Кипарский и для объяснения ударения *i*-глаголов. В. Кипарский пытается объяснить ударение *i*-глаголов с точки зрения закона де Соссюра (стр. 299). Согласно теории В. Кипарского, в праславянском языке существовало два акцентологических типа: с неподвижным ударением на корне (*мéрю*, *мéришь*) и с маргинальным ударением на последнем гласном слова (*рожý*, *родйшь*, др.-русск. *родитě*). Рецессивное ударение возникло, по мнению автора, в русском языке перед XVI в. (*ношý*, *нóсишь*). Как полагает автор, отсутствует связь между ударением производящего слова и деривата. Реконструкцию рецессивного акцентологического типа Хр. Стангом[22] автор не принимает в расчет.

Теория В. Кипарского покоится на ошибочном заключении, что рецессивное ударение наблюдается только в русском и в отдельных случаях в сербском языках. В действительности рецессивный тип ударения (русск. *ношý*, *нóсишь*) наблюдается во всех славянских языках, сохранивших следы праславянских акцентологических отношений; ср. чакав. *pâlīn*, *pâlīš*, *pâlī*, *pâlīmo*, *pâlīte*, *pâlē*; словен. *mǫ̑tim*, *mǫ̑tiš*, *mǫ̑ti*, *mǫ̑timo*; *mǫ̑tite*, *mǫ̑tijo*; чеш. *koupím*, *koupíš*, *koupí*, *koupíme*, *koupíte*, *koupí*; кашубо-словин. *mlôucą*, *mlôucïš*, *mlôucï*, *mlôucïmä*, *mlôucïcä*, *mlôucoą*. Наличие в приведенных примерах следов нового акута корневого гласного доказывает принадлежность глаголов к рецессивному акцентологическому типу. Как справедливо считает Хр. Станг, в сербскохорватском, словенском и по косвенным свидетельствам в словацком языках формы 1-го лица на *-m*, заменившие старые формы на *-q*, присоединяют это окончание к основам 2-го и 3-го лица и имеют акцентологическую характеристику указанных основ — новый акут (в диалектах русского языка новый акут обнаруживается в формах с ударением на корне: *нóсишь*, *нóсит* и др. в виде закрытого *ó*). Поэтому представляется весьма правдоподобной гипотеза Хр. Станга о том, что русский тип *ношý*, *нóсишь* отражает праславянские акцентологические отношения: **kup'ǫ̂* **kupîši*, **kupîtь*, **kup'ǫ*, **kúpīši*, **kúpitь*[23] (ударение оттянуто с циркумфлекса *î* с образованием нового акута).

Убедительной представляется и теория Хр. Станга о наличии точного соответствия между ударением производящего имени и глаголов на *-i*: неподвижному ударению имени на корне соответствует накорренное неподвижное ударение глагола, ср. *мéра*, *мéры* — *мéрю*, *мéришь* и т. д. Неподвижному ударению на окончании имени соответствует рецессивное ударение глагола: *женá*, *жены́*, мн. (др.-русск.) *жены́*, *жен*, *женáм* — *женю́*, *жéнишь*, чакав. *ženîti*: *žẽnīš*; подвижному ударению имени соответствует маргинальное ударение глагола: *рóд*, *рóда*, мн. *роды́*, *-бе*; *в роду́* — *рожý*, *родйшь* (др.-русск. и диал. *родитě*)[24]. Весьма вероятно, что изменение ударения глаголов с *i*-основой было вызвано изменением ударения в производящем слове, что, однако, еще нуждается в исследовании.

Главную ценность работы В. Кипарского составляют примеры из памятников. К сожалению, при подаче примеров автор не всегда свободен от субъективизма. Так, например, ошибочно считая, что краткие формы прилагательного *жив*, *живá*, *жúво*, *жúвы* имели в праславянском языке акут при неподвижном ударении (на самом деле указанное прилагательное имело подвижное ударение еще в балто-славянский период, а цир-

[20] Ср. В. А. Редькин, указ. соч., стр. 206.

[21] Ср. там же, стр. 206.

[22] См. Chr. S. Stang, Slavonic accentuation, стр. 108 и сл.

[23] Chr. S. Stang, указ. соч., стр. 109.

[24] Там же, стр. 112.

кумфлекс получило в праславянский период по закону Мейе — Ван-Вейка[25], ср. литов. *gývas* жен. род *gyvà*, приводимые Хр. Стангом из Даукши[26]). В. Кипарский приводит только заведомо вторичные ударения жен. *жйва* и под. из библии 1900 г., скорее всего болгарского происхождения (стр. 269). Примеры подвижного ударения, наблюдаемые во всех памятниках XVI—XVII вв., ср. *живá* — им. падеж жен. рода (Житие Аввакума по Дружининскому списку № 746, Библиотека АН СССР, Л., лл. 238, 268). В. Кипарский не приводит. Вообще реконструкции В. Кипарского зачастую построены на неправильном истолковании славянских параллелей. Серб. *нòв*: *нòво* Кипарский ошибочно считает рефлексом акута (стр. 274). При истолковании серб. *мòкар*, *мòкро* как отражение старой неподвижности ударения не учитывает, что в литературном сербском языке это заведомо вторичная форма[27].

Несмотря на очень спорную, а иногда просто ошибочную трактовку теоретических вопросов русской акцентологии, книга В. Кипарского является интересным и полезным исследованием. Можно считать образцовым, например, исследование перестройки ударения в существительных на *-a/-ja*, где В. Кипарский показывает замену праславянской системы из трех акцентологических типов русской системой из шести акцентологических типов — с четырьмя подвижными, неподвижным на корне и неподвижным на окончании: 1) *тя́жба*, *-ы*; 2) *бадья́*, *бадьи́*; 3) *борода́*, *бороды́*, вин. *бо́роду*, мн. *бо́роды*, *борбо́*, *борода́м* — с ударением на окончании, кроме вин. ед. и им.-вин. мн.; 4) *вода́*, *воды́*, вин. *во́ду*, мн. *во́ды*, *вод*, *во́дам* — от предшествующего отличается ударением на корне во мн. числе; 5) *блоха́*, *блоха́*, мн. *бло́хи*, *бло́х*; *блоха́м*; 6) *арба́*, *арбы́*, мн. *а́рбы*, *а́рб*, *а́рбам*.

Автор показывает на примерах из памятников, когда произошло перераспределение существительных на *-a/-ja*, между указанными новыми акцентологическими типами и какие слова вошли в каждый из этих типов.

Много интересных фактов содержится в разделе об ударении односложных имен существительных, уже известном русскому читателю по отдельному изданию («О колебаниях ударения...»). Несомненно, что вся книга явится полезным справочником для акцентологов-славистов при условии критической проверки излагаемых В. Кипарским фактов.

В. А. Редькин

[25] В. А. Дыбо, О древнейшей метатонии в славянском глаголе, ВЯ, 1958, 6, стр. 55 и сл.

[26] Chr. S. Stang, указ. соч. стр. 9 и сл.

[27] Ср. J. Rozwadowski. Historia języka polskiego, «Wybór pism», I, Warszawa, 1959, стр. 110.

F. Hiorth. **Zur formalen Charakterisierung des Satzes.**— *Mouton and Co, 's-Gravenhage*, 1962. 152 стр. («Janua linguarum. Studia memoriae Nicolai van Wijk dedicata», Nr. XX).

Интерес к исследованиям в области синтаксиса в последнее время растет. Именно в анализе синтаксических отношений многие начинают видеть разгадку до сих пор не разрешенных тайн языковой структуры. Поэтому заслуживает внимания каждая новая попытка иначе подойти к описанию синтаксиса.

Книга норвежского языковеда Ф. Юрта совмещает практические и теоретические результаты исследования структуры немецкого предложения. Как указывает сам автор, выбор именно немецкого материала оказался в известном смысле случайным, конечная цель проведенной работы была — найти общие принципы синтаксического описания.

При сопоставлении научных описаний необходимо знать следующее: 1) каковы в данной системе единицы, которые описываются; 2) каковы в данной системе единицы, которыми описываются эти первые. Как же решает эти вопросы Юрт? Описывающими единицами в его системе являются классы слов (части речи). Таким образом, всякая описываемая единица представляется им в виде цепочки символов, каждым из которых обозначается определенный класс[1]. Каждой такой цепочке символов, естественно, может соответствовать множество реальных единиц текста. Так, например, структура — *ASVU* может выражаться в виде следующих предложений: (1) *Blanker Hass herrscht hier*; (2) *Kleine Kinder wohnen oben*; (3) *Weisse Wäsche hängt draussen*; (4) *Arme Menschen leben dort* и многих им подобных.

Этот метод автор называет методом описания по частям речи («Wortartmethode»). Десятичленная система отнюдь не предлагается здесь в качестве единственной или во всяком случае лучшей. На протяжении нескольких глав автор детально разбирает те трудности и неясности, в результате которых крайне

[1] Юрт принимает систему из десяти частей речи в следующей символике: *A* — прилагательное, *F* — местоимение, *G* — артикль, *I* — междометие, *K* — союз, *N* — числительное, *I* — предлог, *S* — существительное, *U* — наречие, *V* — глагол.

сложно отнести то или иное слово к определенной части речи (главы «Трудность и правила...». «Метаупотребление»). В приложении к книге приводится список структур немецкого предложения, описанных по-иному: в терминах двух классов слов — класса *A* и класса *B*. В данной системе к классу *A* принадлежат прилагательные, местоимения, артикли, числительные и существительные, к классу *B* — междометия, союзы, предлоги, наречия и глаголы. Собственно говоря, вся книга композиционно является как бы большим и обстоятельным введением к последней части — перечню основных видов немецкого предложения в *символах, перечисленных выше* (*работа* над составлением этого списка проводилась автором на практическом материале).

Что же является у Юрта основной синтаксической единицей, описываемой при помощи классов слов? В качестве такой единицы Юрт предлагает атомарное предложение («atomar Satz»). В книге приводится несколько определений того, что понимает автор под этим понятием. Одно из них (последнее — на стр. 64), по-видимому, можно считать окончательным. Атомарное предложение — это такое предложение, содержание которого не может быть выражено более короткими предложениями на том же языке. Атомарное предложение, в понимании Юрта, может быть очень длинным и состоять из многих членов (*Sie erheben fast jede Woche einen solchen Vorwurf mit monotoner Regelmässigkeit*) или быть кратким и нераспространенным (*Man arbeitet systematisch*). Атомарное предложение противопоставляется молекулярному, т. е. предложению в более обычном понимании — отрезку от точки до точки или заменяющего знака. Молекулярные предложения сводятся к атомарным путем редукции. Так, например, молекулярное предложение *Das Mädchen ist hübsch und traurig* сводится к двум атомарным предложениям: (1) *Das Mädchen ist hübsch*; (2) *Das Mädchen ist traurig*. Молекулярное предложение *Die Sonne scheint und die Nachbarn gehen spazieren* сводится к двум атомарным: (1) *Die Sonne scheint*; (2) *Die Nachbarn gehen spazieren*.

Основное требование, соблюдаемое при данной операции,— требование «лексической идентичности»: атомарные предложения должны включать те же значащие лексические единицы, что и первичные молекулярные. Атомарные предложения могут быть определенным образом усложнены. В частности, в них могут быть введены так называемые «операторы желания» («Wunschoperatoren»). Поэтому предложение *Er glaubte, er könne gegen den Strom spazieren* является также атомарным. Атомарными, по мнению автора, являются и предложения с *wenn... dann*, так как они не сводятся к более кратким предложениям. Так, предложение *Wenn wir hart arbeiten, dann werden wir nicht verhungern* не сводится, как утверждает Юрт, к двум атомарным: (1) *Wir arbeiten hart*; (2) *Wir werden nicht verhungern*.

Юрт рассматривает соотношения между атомарным и молекулярным предложениями, с одной стороны, и простым и сложным предложениями — с другой. Отношения эти таковы. Возможно последовательное совпадение этих единиц: есть случаи, когда атомарное предложение является простым, а молекулярное предложение есть сложное предложение. Однако существуют предложения, которые являются простыми, но не атомарными. Простое предложение *Marlon Brando und Gary Cooper sind Filmstars* не есть атомарное, так как оно сводится к двум, более кратким: (1) *Marlon Brando ist ein Filmstar*; (2) *Gary Cooper ist ein Filmstar*. Существуют и обратные случаи: предложение *Wenn der Kuckuck ruft, so ist der Frühling da* является, согласно Юрту, атомарным.

Самостоятельной проблемой, поднятой в книге Юрта, является проблема формального описания того, как одни предложения выводятся из других, принимаемых в качестве исходных. Эти правила порождения Юрт называет правилами образования, специально оговаривая их отличие от трансформационных правил, принятых в системе Хомского.

Юрт приводит двести новых предложений, порождаемых из одного исходного — *Die Eltern verzeihen ihrem Sohne seine Untaten*; при этом перечисляются 15 правил порождения этих двухсот предложений. Для уяснения того, что́ именно понимает автор под этими правилами и под «новыми» предложениями, обратимся к русским аналогиям. Применяя правила Юрта, мы научимся из исходного предложения *Брат читает книгу* получать предложения: *Брат читал книгу, Брат будет читать книгу, Братья читают книгу, Братья читали книгу, Брат читает книги, Брат читал книги, Братья читают книги, Книга читается братом, Книга будет читаться братом, Книга читается братьями. Книги будут читаться братьями* и т. д. Обобщая сказанное, можно заметить, что предложения, порождаемые по методу Юрта, отличаются от исходных составом грамматических единиц, характеризующих члены атомарного предложения,— составом граммем: изменяются граммемы времени, граммемы числа, граммемы залога и т. п.

Таковы вкратце основные положения книги Юрта. Кроме уже упомянутых проблем, значительное место в ней занимает обзорно-литературная часть (анализ различных предложенных другими авторами определений того, что такое

предложение, что такое часть речи и т. д.). Большое место уделено и проблемам терминологического порядка.

По-настоящему центральной идеей книги является противопоставление атомарных предложений как основных синтаксических единиц, выбранных автором, ядерным структурам и их трансформационным производным, предлагаемым в качестве основных единиц школой «трансформационной грамматики»[2]. Эта полемика в явном и неявном виде пронизывает книгу Юрта.

Различие между этими двумя подходами к формальному описанию предложения принципиально. Хомский предлагает модель языка, построенную таким образом, когда из исходных ядерных структур, не сводимых друг к другу, выводятся остальные структуры, причем выводятся согласно определенной последовательности правил порождения. Эта теория есть теория иерархии синтаксических отношений. При этом, однако, не ставится вопрос о том, какие структуры встречаются реально в текстах на данном языке (естественно, что порождающая грамматика, по Хомскому, может порождать предложения с грамматически правильной и a priori возможной структурами, которые могут все же не встретиться в достаточно большом тексте).

Исходная позиция Юрта противоположна. В его системе нет места понятиям «дерева» фразы, «иерархии синтаксических отношений» и даже «синтаксических отношений» вообще. В его концепции русские предложения (1) *Человек пьет воду*, (2) *Человек высокого роста пьет воду*, (3) *Человек пьет воду очень быстро*, (4) *Большой человек пьет холодную воду* являются четырьмя атомарными предложениями, которые имеют соответственно различную структуру и записываются различными цепочками символов. С другой стороны, предложения *Человек с бородой пьет воду* и *Человек с удовольствием пьет воду* будут считаться одним атомарным предложением со структурой SPSVS (в символике Юрта).

Юрт перечисляет 515 неповторяющихся атомарных структур, найденных в проанализированных им немецких текстах. К. Брокгауз в специальном приложении к книге Юрта приводит график увеличения числа атомарных структур немецкого языка по мере возрастания обследуемого текста. Брокгауз высказывает предположение о том, что окончательное число атомарных предложений в немецком языке не должно превышать 2500.

Реальная «глубина» проводимых Юртом атомарных предложений неопределенна. Так, первое по порядку предложение *Viele historische Werke beschäftigen sich schon heute ausschliesslich mit Allgemeinaussagen über das Verhalten grosser Menschengruppen* имеет довольно сложную структуру. Однако это предложение считается атомарным и равным в этом смысле такому предложению, как *Dieser Vorgang ist individuell* (№ 26).

Сравнивать описание, предложенное Юртом, с методом анализа по НС невозможно, поскольку в системе Юрта предложение линейно, оно не имеет внутренней организации, единицы его, по определению, равноправны, и, следовательно, оно не имеет «составляющих».

Автора книги интересует вопрос, может ли подобное описание быть пригодным для целей машинного перевода. Подобное решение автоматического перевода «по предложениям» уже предлагалось[3]. При таком подходе каждое предложение описывается через классы образующих его слов; составляется словарь, единицами которого служат «слова», состоящие из неповторяющихся структур (буквы, составляющие эти слова, есть обозначения классов). Сам же перевод состоит в пословной передаче единиц этого словаря. Близким к этому подходу является еще один из предложенных методов машинного перевода — так называемый «метод линейного контекста»[4], согласно которому инвентаризируются все встречающиеся в данном языке трехчленные конструкции вида: класс слева + центральный класс + класс справа. Определению подлежит центральный класс. Элементы этой конструкции совсем необязательно должны быть связаны друг с другом синтаксическими отношениями.

Метод формального анализа, предложенный Юртом, вряд ли может оказаться, на наш взгляд, экономным способом машинного перевода. В случае его применения оказалось бы необходимым иметь правила перевода для каждой из 2500

[2] См. Н. Хомский, Синтаксические структуры, сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962; М. Халле, Фонологическая система русского языка, там же; Н. Хомский, Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике, ВЯ, 1962, 4; R. Lees, Grammar of English nominalizations, Baltimore, 1960.

[3] См. A. D. Booth, L. Brandwood, J. R. Cleave, Mechanical resolution of linguistic problems, London, 1958.

[4] A. Koutsoudas, A. Humecky, Ambiguity of syntactic function resolved by linear context, «Word», XIII, 3, 1957; A. Koutsoudas, A. Humecky, Linguistics and mechanical translation, «Word», XV, 3, 1959; A. Humecky, A. Koutsoudas, Some further results on the resolution of ambiguity of syntactic function by linear context, «Language and speech», IV, 3, 1961.

возможных атомарных структур, в свою очередь каждая из которых, как было показано выше, может соответствовать различным описаниям в виде «дерева» и, следовательно, отражать различные синтаксические отношения.

Однако перечень атомарных предложений немецкого языка, приведенный Юртом, весьма интересен с точки зрения тех реальных комбинаций, которые предлагает естественный язык, в сопоставлении с возможностями, предлагаемыми порождающей грамматикой этого же языка. Эти зафиксированные в тексте структуры предложения есть те ограничения, которые реальный язык накладывает на факты языковой модели. Природа этих ограничений во многом неясна, их описание в действительности осуществляется статистическими методами описания языковых данных. Юрт сам видит различие между своим методом и методом Хомского в том, что «Хомский придает основное значение общему выведению языковой модели и лишь во вторую очередь — непосредственному применению использованных понятий. В настоящей работе имеет место обратное» (стр. 95). Различие между этими двумя методами есть различие между описанием того, «что может быть в принципе», и описанием того, «что встретилось реально». Соотношение между ними есть соотношение между структурными и статистическими методами описания языка. В этом смысле оба метода не противоречат, а, напротив, дополняют друг друга.

Т. М. Николаева

G. Herdan. **Type-token mathematics.** — Mouton and Co, 's-Gravenhage, 1960, 448 стр. («Janua linguarum», IV).

Эта книга представляет собой одну из немногочисленных существующих монографий по применению статистических методов в языкознании. Нам известны всего четыре подобные работы: две из них принадлежат перу П. Гиро [«Les caractères statistiques du vocabulaire» (1954 г.) и «Problèmes et méthodes de la statistique linguistique» (1960 г.)], две другие написаны Херданом: «Language as choice and chance» (1956 г.) и рецензируемая работа. Как указывает автор, данный труд является продолжением предыдущей книги; автор развивает высказанные ранее идеи, вводя новые методы и новый материал. Чтобы подчеркнуть связь между двумя книгами, автор сохранил в своей новой работе тот же порядок изложения и даже прежние заглавия основных разделов.

Заглавие книги «Type-token mathematics» содержит основные понятия, которыми далее оперирует автор, и потому не лишне будет остановиться на их толковании. Термин «type» здесь обозначает какой-либо элемент языка или речи: это может быть слог, фонема, слово или же количественная характеристика такого элемента, как число слогов в слове, число слов в предложении, число фонем в слоге. «Token» — это появление соответствующей единицы в тексте, причем в качестве «token» может рассматриваться как данное конкретное появление элемента, так и сумма всех таких появлений, т. е. частота слова, фонемы и т. п. Например, если в качестве «type» выбирается слово, то соответствующее ему понятие «token» представляет собой совокупность всех употреблений данного слова в тексте; если «type» — это длина предложения по числу слов, то «token» — это количество предложений данной длины в тексте. Таким образом, заглавие книги говорит о том, что автор изучает количественные соотношения между инвентарем лингвистических элементов и их употреблением в тексте.

Книга состоит из пяти частей: 1) стилистическая статистика (stylostatistics), 2) статистическая лингвистика, 3) язык и теория информации, 4) лингвистическая двойственность, 5) статистический анализ лингвистических наблюдений. Названия первых двух частей по сути дела условны. В первой части рассматриваются главным образом количественные отношения между текстом и его словарным составом (в качестве «type» выбирается преимущественно слово). Поскольку статистическая структура текста на уровне слов в известной мере отражает особенности конкретного текста или автора, эта часть и озаглавлена «стилостатистика», хотя никакой особой статистической концепции стиля в ней не содержится.

Во второй части, носящей столь общее заглавие — «Статистическая лингвистика» — в качестве «type» выбраны разные элементы: фонемы, сочетания фонем, слово данной длины, интервал между последовательными появлениями данного слова в тексте и т. д., вообще различные элементы или характеристики, которые, по мнению автора, не зависят от «функционального» или «индивидуального» стиля, а только от особенностей речи как таковой. Заглавие третьей части — «Язык и теория информации» — уже дает представление о ее содержании. В четвертой части, наименее богатой фактическим материалом, развивается так называемый принцип лингвистической двойственности, введенный автором в его монографии 1956 г., где этому принципу также посвящена отдельная часть. Пятая часть книги содержит некоторые сведения общего характера по теории вероятностей и ма-

тематической статистике. Кратко рассматриваются методы оценки результатов наблюдений над текстом, способы организации случайной выборки и т. д. К книге приложены большая библиография, статистические таблицы и словарь статистических терминов.

С нашей точки зрения, наибольший интерес представляют первые две части книги, прежде всего по богатству фактического материала. В первой части рассматривается главным образом статистическая структура текста на уровне слов. Изучается соотношение между количеством различных слов и их повторяемостью в тексте данной длины, дается критический обзор литературы, посвященной изучению зависимости Ципфа. Рассматривается вероятность повторения слова из словника определенного текста в случайной выборке из этого текста. Подробно рассматривается так называемая «мера концентрации словаря» — характеристика K, предложенная Юлом в его известной монографии «Статистические методы изучения словаря литературных текстов». Автор изучает распределение слов, обладающих заданным признаком в тексте данной длины, например распределение слов романской этимологии в текстах Чосера. Подробно анализируется зависимость объема словника от длины текста. Отдельная глава первой части посвящена вопросам применения корреляционного анализа к исследованию словарного состава. Здесь обсуждается работа Кретьена о распределении слов различной этимологии в говорах Новой Гвинеи и данные Моргенталера по статистике словарного состава текстов Нового Завета.

Во второй части книги основное место занимает анализ соотношения между частотами фонем в словаре и тексте. Использованы данные Трубецкого, Трнки и Фаулера. Кроме того, Хердан повторил на английском материале знаменитое исследование Маркова, изложенное в работе «Пример статистического исследования над текстом Евгения Онегина» и сравнил полученные результаты с данными Маркова. Рассматривается также распределение слов по длине в словаре и в тексте (данные Френча, Кёнига и Картера, а также Саймона и Гуда), распределение интервалов между появлениями данного слова в тексте и проч.

Третья часть книги, посвященная изучению языка методами теории информации, нам представляется мало удачной. В ней, пожалуй, наиболее ясно сказывается отсутствие ориентации книги на определенного читателя, которая в подобных работах нам кажется необходимой. Действительно, для лиц, впервые знакомящихся с приложением методов теории информации к описанию фактов языка, изложение недостаточно систематично и, попросту говоря, слишком сложно. Для лингвистов, уже знакомых с общей постановкой проблемы, нет необходимости читать еще раз о подходе к языку как к коду или о математических условиях оптимального кодирования, а именно этому посвящена половина текста третьей части.

Кроме того, третья часть книги, к сожалению, не отражает большинства очень интересных работ по исследованию информационных характеристик речи и языка в зависимости от конкретных условий передачи информации. В этом отношении и главным образом по постановке лингвистических проблем несравненно более удачной представляется нам работа Е. В. Падучевой на ту же тему[1].

Из краткого обсуждения первых трех частей книги видно, что ценность монографии Хердана, независимо от существенных недостатков, о которых мы будем говорить ниже, заключается в том, что в ней так или иначе представлена основная проблематика, связанная с изучением языка и речи статистическими методами. Фактический материал книги заимствован в большинстве случаев из опубликованных работ различных авторов (мы имеем в виду не только исходный статистический материал, но в значительной степени и математические зависимости). Изложение строится следующим образом: рассматриваются статистические ряды, фиксирующие непосредственные наблюдения над текстом, затем или уточняется уже предложенная автором этих материалов зависимость, или предлагается новая.

В связи с этим многие главы книги представляют собой как бы отдельные статьи и заметки, иногда преимущественно полемического характера. Примером может служить гл. XI части II, где вначале рассматривается работа Спанг-Ханссена о распределении интервалов между последовательными появлениями определенного слова в тексте, затем раздел из книги Юла «Статистические методы изучения словаря литературных произведений», посвященный распределению слов, начинающихся с данной буквы алфавита. Далее автор полемизирует с Гиро по поводу его работы о распределении заимствованных слов, начинающихся с данной фонемы в словаре французского языка. При этом полностью воспроизведены статистические таблицы, содержащиеся в обсуждаемых трудах, но отсутствует четкая формулировка проблемы, так что остается неясным, почему задача о распределении интервалов (имеющая, кстати, большую литературу) объединена с задачей о распределении слов, начинающихся с данной фонемы или буквы. Подобный характер изложения делает

[1] См. гл. VI в кн. О. С. Ахмановой и др. «О точных методах изучения языка» (М., 1961).

всю структуру книги чрезвычайно неотчетливой.

В четвертой части книги изложены теоретические основы подхода автора к исследованию лингвистических проблем. Здесь излагается сущность принципа «лингвистической двойственности». Понятие двойственности заимствовано автором из проективной геометрии — раздела математики, где этот принцип связан с конкретными математическими свойствами описываемых соотношений между объектами. Принцип двойственности, в частности, выражается в том, что для всех формулируемых в этой геометрии теорем допустима замена определенных объектов на другие, находящиеся с первыми в определенных отношениях, при этом теоремы остаются верными. Эти отношения и объекты называются двойственными, соответственно и теоремы взаимно двойственны, если одна превращается в другую при замене каждого элемента и каждой операции двойственным элементом и двойственной операцией.

Принцип лингвистической двойственности, по мнению Хердана, заключается в том, что в лингвистических «теоремах» понятия «type» и «token» являются взаимно двойственными. Не говоря уже о том, что автор не смог привести убедительных построений, которые бы продемонстрировали целесообразность подобного подхода, следует подчеркнуть, что принцип двойственности ни в математике, ни вообще в теории познания не имеет такого значения, как например, аксиоматический принцип и т. п. Автор пытается придать этому принципу некое самодовлеющее значение в плане теории познания и положить его в основу построения «математической лингвистики». Мы не будем останавливаться на многочисленных неоправданных аналогиях и мало продуктивных рассуждениях, которыми заполнен данный раздел. Заметим лишь, что хотя Хердан в самом начале книги говорит о том, что его концепция языка и речи определена соссюровской антиномией «langue» — «parole», он интерпретирует ее принципиально неправильно, рассматривая «langue» как генеральную совокупность, а «parole» как выборку из этой генеральной совокупности. Правда, в решении конкретных задач автор как будто не следует этой ошибочной точке зрения.

Одной из важнейших проблем в области приложений статистических методов к описанию языка и речи является вопрос о том, в отношении каких параметров целесообразно рассматривать речь как стационарный случайный процесс. Основные исследования в этой области пока что касались только незначащих элементов речи — фонем и букв письменного текста. Однако эта серьезная проблема не нашла в фундаментальном труде Хердана достаточного отражения.

Резюмируя сказанное выше, подчеркнем, что литература по статистическим методам в языкознании весьма обширна, работы написаны на совершенно различных уровнях в смысле математической формулировки задач и рассеяны по различным, часто неязыковедческим изданиям, которые к тому же не всегда доступны нашему читателю. Поэтому нам представляется, что книга Хердана при всех ее недостатках будет полезна читателям как своеобразный компендиум по применению статистических методов в языкознании.

Р. М. Фрумкина

***P. C. Paardekooper*. Inleiding tot de ABN-syntaksis.** — 's-Gravenhage, Den Bosch, 1960. 71 стр.

Лингвистическая концепция П. К. Паардекопера не претерпела сколько-нибудь значительных изменений за пять лет, отделяющих его «Syntaxis, spraakkunst en taalkunde» (1955 г.) от рецензируемой работы. Книга содержит сжатый очерк основных синтаксических понятий и методов, которые были применены Паардекопером в его вышедших ранее более обширных трудах. Паардекопер свел свои грамматические разыскания в одну серию, объединив все свои работы сквозной нумерацией глав. Несмотря на то, что рецензируемая работа вышла в свет гораздо позже других, она была задумана как общетеоретическое выступление ко всей серии и составляет начальную («нулевую») главу серии[1].

Объектом описания является идиолект, или индивидуальный язык отдельно взятого человека. П. К. Паардекопер описывает свой собственный идиолект, причем методом исследования становится ме-

[1] P. C. Paardekooper, Inleiding tot de ABN-syntaksis, 's-Gravenhage, 1960; его же, Syntaxis, spraakkunst en taalkunde, 's-Gravenhage, 1955; его же, ABN-spraakkunst. Voorstudies, tweede deel, 's-Gravenhage, 1958; его же, ABN-spraakkunst. Voorstudies, derde deel, 's-Gravenhage, 1960. Книга «Syntaxis, spraakkunst en taalkunde» была проанализирована С. А. Мироновым (ВЯ, 1957, 6). Заметим, что ABN расшифровывается как «het algemeen beschaafd Nederlands», т. е. «общий литературный нидерландский язык». В этот термин вкладывается особый оттенок, но мы будем говорить просто «голландский язык».

тод интроспекции, или «сознательной рефлексии». Руководствуясь своим собственным «чутьем языка», Паардекопер каждое высказывание на своем идиолекте признает либо допустимым, либо сомнительным, либо недопустимым.

П. К. Паардекопер определяет синтаксис как «науку, которая изучает сочетание слов, а также их сочетаемость» (стр. 1). Он считает, что единицы языка нельзя определить, отправляясь от значений. Если исходить из значений, то *schimmel* «белая лошадь» и *wit paard* «белая лошадь» должны считаться одним словом, а *onnadenkenheid* «легкомысленность» должно заключать в себе четыре слова соответственно числу ощущаемых здесь «семантических моментов». По равенству грамматического значения (причина и ее следствие) должны быть признаны одинаковыми следующие синтаксические конструкции: *doordat het regent wordt alles nat*, *het regent zodat alles nat wordt*; *het regent en alles wordt nat*.

П. К. Паардекопер заключает, что «первейшей задачей языковеда является последовательное и полное описание языка на основе означающего» (стр. 59). Эту главную часть языкознания П. К. Паардекопер предлагает назвать «учением об означающем», или «учением о форме» («betekenaarleer of vormleer»). Когда такое «учение о форме» будет создано, П. К. Паардекопер ничего не имеет против того, чтобы дополнить его также учением о значении, но первостепенной задачей языковеда является именно изучение языковой формы.

Форма понимается широко. Синтаксическая форма, или грамматическая значимость («grammatikale waarde») имеет своим объективным проявлением так называемые позиционные возможности («plaatsmogelijkheden») слова или группы слов. Так, *bank* «скамья» и *bank* «банк» с точки зрения синтаксической формы равносильны, или обладают одной и той же грамматической значимостью, объективным свидетельством чему является одинаковость позиционных возможностей: *die mooie nieuwe* ***bank*** («geldhandelsgebouw»); *die mooie nieuwe* ***bank*** («zitplaats»). Напротив, *week* «неделя» и *week* «мягкий» по форме различны благодаря различию в их позиционных возможностях: *een mooie* ***week*** («zeven dagen»); *een* ***week*** *puddinkje* («zacht»).

Однако это воспринимаемое различие в позиционных возможностях слов и групп слов должно иметь какое-то значение, и П. К. Паардекопер оказывается перед необходимостью подразделить лексическое и грамматическое значение. Он говорит, что «лексикологическая часть означаемого (т. е. лексическое значение.— *П. Д.*) свойственна лишь одному слову, грамматическая (т. е. грамматическое значение.— *П. Д.*) свойственна целому ряду слов» (стр. 13—14).

То обстоятельство, что соотнесение звукового комплекса с лексическим значением носит произвольный характер, делает совершенно непонятным, что́ значит форма в лексике и как ее можно изучать формально. П. К. Паардекопер приходит к выводу о необходимости изъять науку о лексике, или лексикологию, из языкознания.

Что же касается синтаксиса, то Паардекопер придает ему такое большое значение, что, по его словам, «все в языкознании есть синтаксис» (стр. 65). Синтаксис имеет два измерения, или две оси (парадигматическую и синтагматическую) и соответственно две объективно регистрируемые единицы: парадигму и синтагму. «Синтагма есть горизонтальное сочетание элементов. Парадигма — вертикальное сочетание элементов. В одном высказывании реализуется только один член парадигмы. Синтагма находится внутри высказывания» (стр. 15). «Все члены парадигмы имеют общим хотя бы один элемент их грамматической значимости» (там же). Парадигмы еще называются грамматическими группами («spraakkunstgroep»).

Характерной особенностью строения синтагмы является то, что она может иметь части, повторяющие строение синтагмы в целом, а эти части в свою очередь могут иметь сложное строение и т. д. Например: *Когда я увидел, что он сказал правду, что, когда они пришли домой, шел дождь, то я поверил ему во всем.*

Хотя по определению все члены синтагмы должны быть налицо, иногда некоторые члены могут опускаться: *Приходи тогда сегодня вечером немного раньше домой*; *Приходи тогда домой*. Поэтому синтагма дополняется понятием модели («patroon»). Синтагма — это понятие, противоположное парадигме, это линия, составленная из выходов линий парадигм на синтагматическую ось. Модель — это некоторый синтаксический образец, у которого есть ядро («kern») и определение («bepaling»). Разница между синтагмой и моделью, по выражению Паардекопера, в акцент е, а не по существу. Паардекопер выделяет глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные, союзные и предложные модели.

В уже упоминавшейся рецензии С. А. Миронова отмечается известная эклектичность концепции Паардекопера вместе с довольно обширным заимствованием ряда принципиальных положений из учения де Соссюра, глоссематики Ельмслева и из учений американских дескриптивистов. В качестве положительного момента С. А. Миронов отмечает стремление Паардекопера к структуральному анализу синтаксиса конкретного языка. В этой связи представляется

целесообразным высказать несколько дополнительных замечаний.

К. Б. ван Хэринген, хотя и причисляет Паардекопера к числу выдающихся голландских грамматистов, все же отмечает с известным упреком, что Паардекопер применяет свои грамматические принципы в «своей собственной довольно абстрактной и теоретической манере, которая не способствует доходчивости его произведений»[2]. Поэтому, несмотря на структурный подход, применяемый Паардекопером, фактическая ценность его синтаксических трудов оказывается гораздо меньшей в сравнении с менее претенциозными, но более подробными и исчерпывающими синтаксическими описаниями, составленными в традиционной манере[3].

В связи с проблемой исчерпывающего описания и в связи с переходом структуралистов к работе с порождающими грамматиками для заведомо ограниченных частей синтаксического строя языка может возникнуть необходимость отказа от применения структурального анализа синтаксиса конкретных языков во всем их объеме. Практическая неудовлетворительность, схематичность и эклектичность работ такого рода хорошо иллюстрируется как рецензируемой книгой Паардекопера, так и другими его трудами. Целесообразно поэтому отдельно оценить теоретические взгляды Паардекопера и их плодотворность или бесплодность в применении к конкретному лингвистическому материалу.

Паардекопер принимает теоретическое положение де Соссюра о строгом разграничении синхронии и диахронии. Это положение он доводит до крайних пределов в понятии идиолекта в строгом смысле. Идиолектом в строгом смысле он называет, например «язык одного определенного ребенка в возрасте, скажем, 4 лет и 3 месяцев» (стр. 4). Идиолект в строгом смысле — языковое состояние, моментальная съемка, синхронный срез. «Язык есть идиолект»,— говорит Паардекопер (стр. 5). Если сделать из этого тезиса логические выводы, то изучение языка вообще невозможно. Поэтому Паардекопер вводит понятие идиолекта в широком смысле. Идиолект в широком смысле — диахронный ряд, своего рода кинофильм, составленный из моментальных снимков.

Теоретическое предположение о необходимости строгого разграничения синхронии и диахронии имеет непосредственное отношение к практике. Хэринген совершенно справедливо пишет в этой связи, что в голландской лингвистике еще не выработано адекватного метода синхронной грамматики современного голландского языка. Лингвисты традиционного склада, продолжает он, переносят в современную грамматику ненужные архаизмы и недооценивают описательный и нормативный характер грамматики для современного состояния голландского языка. Лингвисты со структуралистическим уклоном[4] более всего работают в области фонологии и теории общего языкознания, привлекая факты голландского языка лишь эпизодически для иллюстрации своих общетеоретических положений.

Своеобразное, экстремистское толкование синхронии и диахронии в понятии идиолекта приводит Паардекопера к известному субъективизму в методе. Чувствуя это, Паардекопер специально останавливается на вопросе о надежности и объективности избранного метода. Он пишет, что из практических соображений[5] в качестве объекта изучения желательно избрать не более одного идиолекта. Таковым прежде всего является язык самого исследователя (стр. 3)

Изучая свой собственный «автономный идиолект», Паардекопер утверждает, что тем не менее он в состоянии контролировать надежность результатов, даваемых такой интроспекцией, так как «по моим спонтанным высказываниям другие люди могут проверить, правильно или нет я описал факты» (стр. 1). Это — очень спорное утверждение, но надо признать, что с точки зрения быстроты накопления фактов такой метод превосходит традиционный метод работы с материалами письменных памятников.

Но установка на идиолект, лишенный соизмеримого со скоростью языкового развития временнóго сечения, несомненно обедняет синтаксическое исследование, которое поэтому заведомо не будет исчерпывающим, или адекватным своему объекту — голландскому языку на современном этапе его развития.

Принимая положение де Соссюра о двух сторонах языкового знака, Паар-

[2] C. B. van Haeringen, Netherlandic language research, Leiden, 1960, стр. 57—58.

[3] Ср. H. T. den Hertog, Nederlandsche spraakkunst, Amsterdam, 1903.

[4] Структурализм в Голландии как течение, противопоставившее себя исторической лингвистике, возник около 1930 г. и связан с именами Ван-Гиннекена, Ван-Вейка и де Грота. Однако наряду с де Гротом и Ван-ден-Берком Паардекопер одним из первых приступил к структурному анализу синтаксиса голландского языка.

[5] Эти «практические соображения» заключаются в том, что если собирать материал по художественным произведениям или по высказываниям других лиц (телефонные разговоры как у Фриза или методом сплошной записи как в школе «тэнгосэйкацу» в Японии), то показания будут сбивчивыми в силу «автономности идиолектов».

декопер связывает его довольно произвольно с блумфилдианским требованием отказа от изучения значения и приходит к выводу о бессистемности лексики и ненаучности лексикологии, лишая последнюю права называться лингвистической дисциплиной.

Из собственно синтаксических положений соссюрианства Паардекопер заимствует понятие синтагматического и парадигматического ряда. Преломляя это понятие в своей концепции, Паардекопер приходит к понятиям синтагмы и парадигмы как основным и достаточным понятиям синхронного синтаксиса. В таком истолковании синтагма и парадигма превращаются в самые широкие и единственные понятия синтаксиса, а последний, в свою очередь, предстает перед нами как классификация парадигм и синтагм в плане установления некоторой иерархии между разновидностями тех и других. Формальными операциями при этом являются следующие: удаление-прибавление элементов в синтагме, заменимость элементов различных парадигм в синтагмах различного вида, возможность перестановки элементов синтагмы, возможные усечения синтагм и, наоборот, случаи необходимого присутствия всех или некоторых элементов синтагмы вместе и т. д. и т. п.

Синтагмы и парадигмы дополняются понятием модели. Заслуживает одобрения выделение полной абстрактной модели, определенным заполнением клеток которой может быть реализована любая конкретная модель. Паардекопер не владеет понятием трансформационного анализа и поэтому не стремится увязать между собой выделяемые модели. Введенной номенклатуры: парадигма, синтагма, абстрактная и конкретная модель — все же недостаточно для исчерпывающего описания синтаксиса такого языка, как голландский.

В частности, в синтаксической концепции Паардекопера не нашлось места для понятий слова, члена предложения и предложения, хотя в ходе своих рассуждений Паардекопер широко пользуется этими понятиями. Паардекопер, по-видимому, рассматривает понятие слова, члена предложения и предложения аксиоматически заданными извне, хотя сам он об этом нигде не говорит. Соотношение между предложением («zin»), высказыванием («taaluiting») и синтагмой («syntagma») остается невыясненным. Создается впечатление, что, строя свой синтаксис, Паардекопер считает традиционный синтаксис, базирующийся на понятии предложения и его членов, уже заданным, или построенным. Он как бы делает второй заход, упорядочивая традиционный синтаксис, вводя новые понятия. Сам же Паардекопер не воспринимает свою работу в таком свете.

Как теперь выяснилось, для формальных упражнений такого рода полезнее строить порождающие грамматики в виде исчислений, способных порождать цепочки символов с определенными синтаксическими свойствами [6]. Сплошное же описание всего многообразия моделей естественного языка, по-видимому, не может быть произведено в терминах структурализма, хотя бы в той его разновидности, которую создал для себя Паардекопер. Если стремиться к исчерпывающему описанию синтаксиса, то, видимо, нельзя не прийти в противоречие с любой априорной синтаксической схемой. Говоря словами Сарояна, мы должны разрешить человеку противоречить самому себе, если мы действительно хотим получить исчерпывающее описание естественного языка.

Как представитель малоизвестной у нас школы голландского структурализма Паардекопер не создал оригинальной синтаксической и общелингвистической концепции. В некоторых вопросах, как мы видели, он занимает неправильную позицию, причем такую, на которой больше не стоит современная структурная лингвистика. Однако заслуживает всяческого одобрения попытка Паардекопера более логично, пусть даже более схематично, но зато широко и проблемно поставить на обсуждение методы и приемы структурного описания естественного языка во всем его объеме на материале такого интересного языка, как голландский.

П. Н. Денисов

[6] В этой фразе слово «синтаксический» мы употребили не в смысле «относящийся к синтаксису естественного языка», а в смысле «относящийся к синтактике как части семиотики». Без такого разъяснения могут возникнуть различные недоразумения.

«***Памяти В. А. Богородицкого*** (К столетию со дня рождения). 1857—1957 (сб. статей)». — Изд-во Казанского ун-та, 1961, 390 стр.

1

Сборник «Памяти В. А. Богородицкого» состоит из четырех тематических разделов: 1) «Научная деятельность В. А. Богородицкого», 2) «История русского языка»[1], 3) «Диалектология», 4) «Во-

[1] В аннотации к сборнику выделен еще раздел «Современный русский язык» Однако статьи, относящиеся к этому разделу, обращены в основном к прошлому

просы татарского языкознания». Сборник открывается статьей А. Н. Мироносицкой «В. А. Богородицкий. Жизнь и научная деятельность (период 1868—1890 гг.)» (стр. 3—22), в которой рассказывается о годах учения Богородицкого в гимназии и в Казанском университете, о формировании взглядов ученого. Особо подчеркивается в статье роль И. А. Бодуэна де Куртене как учителя Богородицкого, его влияние на лингвистическое мировоззрение последнего. В статье Л. В. Златоустовой «Научная деятельность В. А. Богородицкого» (стр. 23—40) охарактеризованы важнейшие работы ученого по фонетике и диалектологии русского языка. И в этой статье указывается на то исключительное значение, какое имели в научной деятельности Богородицкого И. А. Бодуэн де Куртене и основанная им казанская лингвистическая школа.

В статье А. С. Фидровской «В. А. Богородицкий и сравнительное изучение языка» (стр. 41—55) показана роль выдающегося ученого как хранителя сравнительно-исторического метода в языкознании, обогатившего этот метод новыми идеями. Он выдвинул идею аналогического сопоставления языковых систем, которое отличалось от генетического тем, что сопоставлялись генетически не родственные языки. И в статье А. С. Фидровской, и в первой статье (А. Н. Мироносицкой) подчеркивается заслуга В. А. Богородицкого в развитии идеи синхронности и диахронности. В статье А. Н. Вознесенского «Опыт историко-литературного изучения художественных произведений в трудах проф. В. А. Богородицкого» (стр. 77—83) излагаются взгляды ученого на сущность литературного произведения, на особенности анализа содержания и формы, на взаимную внутреннюю связь поэтического и научного методов «постижения истины». Статья А. А. Дементьева «О словах типа *молотилка*, *сеялка* в русском языке» (стр. 84—93) посвящена главным образом выяснению происхождения подобных слов. В. М. Марков напечатал в сборнике вторую часть своей статьи «К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке» (стр. 94—109)[2].

Весьма любопытна по теме и использованному материалу статья Т. Н. Кондратьевой «Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX — начала XX вв.» (стр. 123—135). Автор рассматривает многочисленные случаи употребления имен собственных в качестве нарицательных (обычно эмоционально окрашенных) слов.

В статье А. С. Фидровской «О полногласных и неполногласных формах в белорусском и украинском языках» (стр. 136—148) показывается, что если в русском широко представлен параллелизм полногласных и неполногласных форм с семантической и стилистической дифференциацией параллелей (ср. *страна* — *сторона*, *глас* — *голос*), то в белорусском и украинском языках преобладают полногласные формы. Те немногочисленные неполногласные дублеты, которые употребляются в этих языках, обязаны своим происхождением не только южнославянскому (как в русском), но и западнославянскому влиянию (ср. из польского *крок*, *хлопец*, из чешского — *улада* и нек. др.). Автор подчеркивает малую продуктивность неполногласных форм (в рассматриваемых языках — по сравнению с русским) в словообразовательном отношении. Н. И. Маевская в статье «Аппозитивное употребление кратких причастий действительного залога по памятникам XI—XV вв.» (стр. 149—164) показывает, что в зависимости от порядка слов и места причастия в предложении меняется его грамматическая функция. (Так, например, употребленное непосредственно перед подлежащим, оно является определением, а употребленное при сказуемом — обстоятельством.) Автор статьи приходит к выводу, что в древнерусском языке краткие причастия имели две функции — аппозитивную и атрибутивную. Однако понимание автором термина «аппозитивный» противоречиво: в самом начале статьи автор присоединяется к А. А. Потебне, который положил в основу определения этого термина формальный признак («причастия, имеющие форму именительного падежа»), а в заключении статьи говорится об аппозитивности как об одном из значений краткого причастия, употребленного в форме именительного падежа.

В статье В. М. Маркова «Язык „Расходной книги“ Волоколамского монастыря» (стр. 165—194) этот памятник XVI в. характеризуется с фонетической и морфологической сторон. Особо отмечается аканье как характерная черта московского говора, сложившаяся уже в XV в. и ярко проявляющаяся в языке «Расходной книги». Интересны наблюдения автора над некоторыми явлениями, зависящими от места ударения в слове. Так, писец «Расходной книги» последовательно сохраняет в ударном слоге ѣ (приписывая «ятю» значение буквы-сигнала ударяемого звука), в то время как в заударных слогах пишется *е*. Об

состоянию русского языка, а не к современному (см. статьи А. А. Дементьева, В. М. Маркова, К. А. Федоровой, Т. Н. Кондратьевой).

[2] Первую часть этой работы см.: «Уч. зап. [Казанск. гос. ун-та]», CXVII, 2 — Гуманитарные науки, 1957.

аналогичной закономерности в написании ѣ и *е* пишет А. А. Горбунова в статье «Некоторые наблюдения над языком соликамских грамот XVII в.» (стр. 195—204). Статья С. П. Лопушанской «Суффиксальный способ выражения видовой соотносительности русского глагола» (стр. 205—214) посвящена исследованию соотношений глагольных видов на материале памятника XVII в. «Слово и дело государевы». Автор убедительно показывает, что в XVII в. суффиксальный способ различения видовых коррелятов был широко употребителен.

В статье В. И. Кодухова «Из истории глаголов говорения в русском литературном языке XVII—XVIII вв.» (стр. 215—231) прослеживаются особенности употребления глаголов типа *говорить*, *речи*, *молвить* и т. п. в таких произведениях, как «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Савве Грудцыне», «Житие Аввакума» (XVII в.), «Бедная Лиза» Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева (XVIII в.). Вызывает возражение рассмотрение автором указанных произведений в одном ряду (без каких-либо различий), тогда как эти произведения, весьма далекие друг от друга по языку и стилю, несомненно обладают различной степенью употребительности в них глаголов говорения.

Статьи М. Ф. Моисеенко, Ю. Ф. Романовой, В. И. Троицкого, О. П. Беляевой и А. М. Пашковского посвящены исследованию говоров Поволжья и Урала. М. Ф. Моисеенко в статье «Об одной особенности склонения имен существительных в русских говорах Казанского Поволжья» (стр. 232—246) рассматривает явление совпадения форм предложного, дательного и родительного падежей у слов женского рода *а*-основ (общее окончание *е*). Автор приходит к выводу, что эта диалектная особенность возникла под влиянием говоров центральных областей, откуда шло переселение в Поволжье на протяжении XVII, XVIII и даже XIX вв. Автором составлена карта распространения форм типа *у жене*, *у сестре*. В статье Ю. Ф. Романовой «Особенности говора Заводского сельсовета Чебоксарского района Чувашской АССР» (стр. 247—257) дается фонетическая и морфологическая характеристика говора, относящегося, как показывает анализ материала, к владимирско-поволжской группе северновеликорусского наречия. Статья В. И. Троицкого «Русские говоры Верхне-Камского края» (стр. 258—269) показывает неоднородность этих говоров, имеющих, наряду с оканьем, лабиализацией *о* в предударной позиции, неразличением *ц* — *ч* и другими типично северновеликорусскими чертами, также (в некоторых южных районах) — аканье и смягчение *к* после мягких согласных. О. П. Беляева в статье «К истории формирования чусовских говоров» (стр. 270—279) рассматривает исторические и этнические условия, при которых формировались уральские и, в частности, чусовские говоры. Статья А. М. Пашковского «О морфологических чертах русских говоров западных районов Свердловской области» (стр. 280—293) содержит ряд интересных наблюдений над морфологией исследованных говоров.

Л. П. Крысин

2

В сборнике «Памяти В. А. Богородицкого» значительное место отведено статьям, посвященным роли В. А. Богородицкого в изучении тюркских языков вообще, и особенно татарского языка. В статье Г. С. Амирова «В. А. Богородицкий и татарское языкознание» (стр. 56—69) подробно рассматривается работа В. А. Богородицкого в области тюркологии (характер татарского сингармонизма, эволюция родительного падежа, классификация тюркских языков и т. д.), татарского языкознания (экспериментальное изучение фонетики), а также в области подготовки кадров для Татарской республики. Охарактеризовав вышедшую к 15-летию Тат. АССР статью В. А. Богородицкого «О научных задачах татарского языкознания» как своеобразное завещание ученого, Г. С. Амиров показывает, как позднее оно было реализовано в трудах татарских языковедов. Статья дает очень краткую, но насыщенную фактами историю изучения татарского языка в последующие годы. Жаль только, что в этой работе дана преимущественно библиография исследований В. А. Богородицкого, а все упоминаемые труды других авторов даны без соответствующих ссылок.

В статье Е. Н. Ершовой «Значение трудов В. А. Богородицкого для развития лингвистических знаний в Туркменистане» (стр. 70—76) хорошо показано, как на основе работ по экспериментальной фонетике татарского языка А. П. Поцелуевский организовал экспериментальное исследование фонетики туркменского языка и его диалектов, нотную запись интонации туркменской речи. Автор усматривает также связь с идеями В. А. Богородицкого в работах туркменских лексикологов по изучению заимствований из русского языка. По мнению автора, большое значение имели труды В. А. Богородицкого в разработке методики преподавания русского языка в туркменской школе, выявлении типичных ошибок.

К этим статьям примыкает статья У. Ш. Байчуры «К истории изучения фонетики казанско-татарского языка (за период 1917—1957 гг.)» (стр. 379—

387). Но если авторы двух первых статей исходили из сопоставления трудов В. А. Богородицкого с тем, что было сделано его предшественниками, то У. Ш. Байчура оценивает деятельность всего предшествующего периода фонетики с точки зрения задач сегодняшнего дня. Поэтому, хотя он и признает заслуги В. А. Богородицкого в области изучения фонетики татарского языка, но стремится показать, что его ученики сделали большее, не упуская, впрочем, и их недостатков. С еще большей, не всегда оправданной строгостью отнесся У. Ш. Байчура и к своим современникам.

Тематика статей, посвященных татарскому языку, очень широка и разнообразна. Б. А. Серебренников в статье «Типологические особенности системы глагольных времен татарского языка и проблема его происхождения» (стр. 294—306) на основании сопоставления татарских глагольных форм с аналогичными формами других тюркских языков распределяет их на две группы: 1) формы, встречающиеся во всех тюркских языках, и 2) формы, имеющие ограниченное распространение. На основании сопоставлений второй группы глагольных форм он приходит к выводу, что «древний язык казанских татар... был... близок к узбекскому, уйгурскому и, отчасти, казахскому языкам» (стр. 305). Занесенный «вторжением кыпчакских племен на территорию нынешней Тат. АССР, татарский язык наслаивался на камско-булгарский и отчасти восточно-угрофинский языковой субстрат» (стр. 305—306). Статья Х. Курбатова «Грамматическая омонимия в современном татарском языке» (стр. 307—311) дает большое число фонетически совпадающих аффиксов с различными значениями (омоморфемы) и одинаково построенных синтаксических конструкций с разными значениями (омомодели). М. З. Закиев в статье «О наличии придаточных предложений в татарском языке» (стр. 312—320) включается в спор тюркологов о сложноподчиненных предложениях в тюркских языках. Считая главным критерием подчиненного предложения наличие предикативности, М. З. Закиев относит к числу их как предложения с подчинительными союзами (аналитический тип), так и предложения, подчинение которых выражается формой сказуемого (синтетический тип) или сочетанием глагольной формы с послелогами (аналитико-синтетический тип).

З. М. Валиуллина в статье «Главные члены предложения в русском и татарском языках (в сопоставительном освещении)» (стр. 321—330) последовательно сравнивает выражение подлежащего и сказуемого в русском и татарском языках различными частями речи, способы связи, место в предложении. Р. И. Бигаев и П. А. Данилов посвятили свою статью татарской литературоведческой терминологии (стр. 331—338). Их анализ приводит к выводу, что татарская литературоведческая терминология сложилась из собственно татарских слов и слов разного происхождения — интернациональных (греческих, латинских и слов западноевропейских языков), русских, арабских, персидских.

Д. Г. Тумашева в статье «О некоторых синтаксических и лексических особенностях тобольского говора (восточный диалект татарского языка)» (стр. 339—348) приводит весьма интересные материалы, указывающие на сложные отношения этого диалекта с казахским, алтайским и некоторыми другими тюркскими языками Западной и Южной Сибири. Вместе с тем они указывают и на особое положение этого диалекта по отношению к татарскому языку. Черты, появившиеся в нем под влиянием других языков в области фонетики, морфологии и лексики, существенно изменили его грамматический строй, и, вероятно, можно считать, что диалект находится на пути к образованию самостоятельного языка. Г. К. Якупова в работе «Некоторые лексические особенности говора заинских татар» (стр. 349—356) дает ценный лексический материал, состоящий из слов, отсутствующих в литературном языке, слов, употребляемых в другом значении, заимствований из русского языка и некоторых междометий. В конце приведены фразеологизмы.

В маленькой статье Р. Р. Шамгуновой «Некоторые глагольные формы параньгинского говора» (стр. 357—360) мы находим несколько интересных фактов своеобразного применения известных глагольных форм (наличие инфинитива на *-ырга*, *-мага*, *-сы*, отглагольных имен на *-ыш* и *-мак*; употребление причастия на *-ган* и на *-сы* в роли отглагольных имен), особые формы личного оформления, деепричастий. Интересна и форма на *-гае*, которую автор называет желательной и которая удивительно напоминает якутскую форму возможного наклонения или наклонения опасения на *-аайа-* ~ *-маайа*[3].

Статья Д. Г. Киекбаева «Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов» (стр. 361—371) посвящена использованию диалектных данных для истории татарского и башкирского языков и народов — их носителей. Однако объем статьи позволил лишь в общих чертах изложить основные положения, которые в дальнейшем потребуют от автора углубленной разработки и обоснования. В таком виде они хотя и очень заманчивы по своим далеко иду-

[3] См. Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, I — Фонетика и морфология, Якутск, 1947, стр. 203, § 142.

щим выводам, однако малоубедительны, так как строятся лишь на каком-либо одном признаке. Так, например, наличие сочетаний *-лт-*, *-нт-*, *-мт-*, *-мк-* на стыке конечной согласной основы и аффикса в горных диалектах башкирского языка, по мнению автора, «несомненно восходит к языку орхонско-енисейских надписей» (стр. 366). Это могло бы быть принято, если бы в говоре имелись и другие черты, связывающие его с древнетюркскими языками. Д. Г. Киекбаев несомненно прав в одном — диалектные различия в говорах башкирского языка часто повторяют межъязыковые тюркские соответствия (например, соответствие *-т-*, *-з-*, *-й-*: *коток— козок — койо* «колодец»), что говорит о сложных отношениях башкирского языка с родственными и неродственными языками. Однако это положение требует еще специального исследования и обоснования. Интересная статья Р. Х. Субаевой «К вопросу о взаимодействии тюрко-татарской и русской топонимики на территории Тат. АССР» (стр. 372—378) посвящена по существу освоению русским языком татарской топонимики. Она содержит любопытные материалы, показывающие фонетическую переработку татарских топонимов, обрастание русскими словообразовательными суффиксами и морфологическое переразложение их (например, восприятие названий с аффиксами на *-лы*, *-ле* как русской формы множественного числа).

Все перечисленные тюркологические статьи встречены тюркологами с большим интересом.

Сборник свидетельствует о том, сколь живы и плодотворны научные традиции, идущие от В. А. Богородицкого, в области русистики языка и в области тюркского, в частности татарского, языкознания.

Е. И. Убрятова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 7 по 10 декабря 1962 г. в Москве проходило Всесоюзное координационное совещание по вопросам синхронного и сравнительно-исторического изучения иранских языков, подготовленное Институтом языкознания АН СССР. В работе совещания приняли участие иранисты Москвы, Ленинграда, Душанбе, Ленинабада, Самарканда, Орджоникидзе, Цхинвали.

Вступительную речь на совещании произнес доктор филол. наук В. И. Абаев. На совещании было заслушано 14 докладов. Доклад «Об опыте работы по составлению грамматики таджикского языка» был представлен коллективом ученых — сотрудниками Института языка и литературы АН Тадж. ССР (Б. Н. Ниязмухамедов, М. Ф. Фазылов), кафедры таджикского языка ТГУ (С. Д. Арзуманов, Х. К. Каримов, Д. Т. Таджиев) и кафедры таджикского языка Душанбинского пединститута (М.Ф. Исматуллаев). Об опыте работы над грамматикой осетинского языка сделал доклад Н. Х. Кулаев (Орджоникидзе). В коллективном докладе М. И. Исаева, А. А. Керимовой, Л. А. Пирейко, Д. И. Эдельман (Москва) «Вопросы составления описательных грамматик иранских языков» были подвергнуты обсуждению различные точки зрения, отраженные в грамматиках иранских языков в связи с трактовкой падежа, залога, наклонения и вида. Докладчики считают, что в иранских языках, сохранивших один показатель косвенного падежа, противопоставляемый нулевому показателю, существует не многопадежная, а лишь двухпадежная система склонения, обычно с большой функциональностью косвенного падежа. Спряжение переходных глаголов в прошедших временах в докладе предлагается считать формальным вариантом обычного активного залога, а не пассивной конструкцией, как часто называется это спряжение в грамматиках.

С аналогичной точкой зрения по вопросу о категории падежа в курдском языке выступил Ч. Х. Бакаев (Москва), который в своем докладе «Из опыта работы над грамматикой курдского языка» также подчеркнул, что в курдском языке (курманджи) существуют только два падежа — прямой и косвенный, а не шесть-семь падежей, как нередко указывается в грамматиках курдского языка.

В докладе В. С. Соколовой (Ленинград) «О частях речи (по материалам шугнано-рушанской группы памирских языков)» был поставлен вопрос о классификации не имеющих в литературе четкого разграничения именных частей речи. Докладчик выделяет следующие части речи: имена, местоимения, числительные, наречия и глагол. При этом под именами объединяются слова, которые в зависимости от функционального употребления могут обозначать или предмет, или признак. На тему о частях речи по материалам осетинского языка представил доклад Н. Я. Габараев (Цхинвали) «О лексико-грамматической дифференциации имен существительных и прилагательных». В качестве основных разграничительных признаков между существительными и прилагательными Н. Я. Габараев выделяет семантику слов и их синтаксические функции. О модальных словах осетинского языка как об особой части речи зачитал доклад Х. А. Токазов (Орджоникидзе).

В. С. Расторгуева (Москва) в докладе «О характере соотношения форм в системе таджикского глагола» показала, что система таджикского глагола в целом строится на противопоставлениях личных форм по активному и пассивному залогам, модальности, видо-временным значениям, а также по лицу и числу. Е. Н. Шарова (Москва) в докладе «О выражении модально-временных отношений в персидском языке» на большом фактическом материале выявила смысловые различия в употреблении форм сослагательного и изъявительного наклонения в планах настоящего, прошедшего и будущего времени при употреблении их в различных предложениях.

Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) в докладе «Некоторые вопросы системности сложного глагола (по материалам курдского языка)» говорила о синонимических рядах сложных глаголов в курд-

ском языке и о системных связях между этими рядами и их залоговыми корреляциями. Большой интерес среди участников совещания вызвал доклад В. И. Абаева (Москва) «О составлении сравнительно-этимологического словаря иранских языков», в котором были намечены основные этапы работы и развернуты принципы построения словарной статьи такого словаря. В. А. Лившиц (Ленинград) в докладе «К проблеме кодификации Авесты» на основании замеченного им псевдоисторического написания авестийского слова, обозначающего название четырнадцатого дня месяца, выдвинул гипотезу о существовании письменного текста Авесты (или некоторых ее частей) в Парфии в I в. до н. э.

В докладе С. Н. Соколова (Ленинград) на тему «К возникновению форм новоперсидской флексии» сделана попытка объяснить указанные формы, исходя из одного обычного тематического спряжения на *а*. Член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников (Москва) прочел доклад на тему «О некоторых типологических параллелях персидско-таджикского изафета», где он сообщил о замеченных им параллелях в отдельных балканских языках (албанском, румынском) и предложил гипотезу о наличии изафета в скифском языке.

Участники совещания говорили о важности подобного рода совещаний и выразили пожелания, чтобы такие совещания созывались раз в два года. В резолюции совещания постановлено: просить Бюро ОЛЯ и Институт языкознания АН СССР о создании Научного совета по иранским языкам, в функции которого должны войти организация коллективных исследований и координация работ различных ирановедческих учреждений.

А. А. Керимова (Москва)

С 17 по 22 декабря 1962 г. на филологическом факультете Ленинградского университета была проведена Всесоюзная конференция по славянской филологии[1]. В конференции приняли участие представители научно-исследовательских институтов АН СССР, АН УССР, АН БССР, АН Латв. ССР, АН Лит. ССР, АН Эст. ССР, профессора и преподаватели университетов и педагогических вузов Алма-Аты, Вильнюса, Воронежа, Житомира, Киева, Куйбышева, Ленинграда, Львова, Минска, Москвы, Одессы, Перми, Петрозаводска, Пскова, Ровно, Самарканда, Саратова, Тамбова, Ужгорода, Фрунзе, Харькова, Черновиц и других городов Советского Союза, а также гости из Польши и Чехословакии.

Конференцию открыл Б. А. Ларин, напомнивший участникам, что Ленинградский университет был в XIX в. одним из очагов славистики со времени деятельности И. И. Срезневского и В. Ягича. Он хранит и развивает традиции А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы.

На пленарных и секционных заседаниях конференции было заслушано 90 докладов. Работали три секции: литературоведения и две лингвистических — по лексикологии и грамматике. Языковедческие доклады, вынесенные на пленарные заседания (вступительное и заключительное), были сделаны Н. А. Мещерским (Петрозаводск) — «Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской письменности», Ф. П. Филиным (Ленинград) — «О первом полногласии и времени его возникновения», Б. А. Лариным (Ленинград) — «Об одной славяно-балто-финской изоглоссе», В. И. Борковским (Москва) — «Два синтаксических этюда».

В докладе Н. А. Мещерского была показана связь библейских апокрифов, известных в старославянской письменности, с фрагментами ветхозаветных апокрифов на еврейском и арамейском языках, найденными в кумранских пещерах. Непосредственной темой доклада послужила история текста славянской книги Еноха. Вопреки установившемуся в науке мнению, докладчик, как и А. Вайан, считает первоначальной не пространную, а краткую редакцию этой книги, известную лишь в русских списках. По мнению докладчика, некоторые данные языка краткой редакции книги Еноха близки к памятникам, переведенным с еврейского языка в Киевской Руси XI—XII вв. Эти данные позволяют пересмотреть и вопрос об источниках славянского перевода. Все доказательства греческого происхождения основываются на показаниях более поздней пространной редакции. В действительности таким источником мог быть, судя по краткой редакции, еврейский и арамейский текст апокрифа, возникший в дохристианский период. Более близким источником, как полагает докладчик, был текст средневековой еврейской книги Еноха, сохранивший отдаленные черты своего кумранского архетипа.

Доклад Ф. П. Филина был основан на материалах старославянских и древнерусских памятников, сравнительно-историческом сопоставлении славянских языков и фактах заимствований. Докладчик считает, что эти данные позволяют довольно точно определить период сложения полногласия: VIII — первая половина IX в. Приблизительно в ту же эпоху образуются и другие восточнославянские особенности, изоглос-

[1] См. «Всесоюзная конференция по славянской филологии. Программа и тезисы докладов», Л., 1962.

сы которых полностью совпадают с общей границей восточнославянской речи.

В докладе Б. А. Ларина была исследована конструкция инфинитива с именительным прямого дополнения, пережиточно сохранившаяся доныне в севернорусских говорах. Эта конструкция давно привлекала внимание исследователей, однако до сих пор не была убедительно истолкована либо потому, что исследовалась в синхронном плане, что естественно не может дать положительных результатов в отношении явлений, стоящих вне господствующей нормы языка, либо потому, что исследования не выходили за пределы одного языка. Докладчик пришел к выводу, что объяснение этой конструкции станет сколько-нибудь плодотворным лишь при широком охвате ее распространения как во временном, так и в пространственном (лингво-географическом) плане. В частности более верную перспективу для суждений о ней можно получить при сопоставлении ее с аналогичными моделями балтийских и прибалтийско-финских языков. Такой подход позволяет понять употребление дополнений в именительном падеже не только при инфинитиве переходных глаголов, но и при личных формах глагола.

В докладе В. И. Борковского были изложены результаты исследования отрицательных предложений и конструкций «дательный самостоятельный» в древнерусском языке. Докладчик пришел к выводу, что оборот с одним отрицанием (*никто видел*) не был воспринят из чужого языка. Об этом говорят не только памятники древнерусской письменности, но и показания современных русских говоров. Точно также «дательный самостоятельный» в древнерусских памятниках не является заимствованным оборотом. По мнению В. И. Борковского, этот оборот представляет собой одну из особенностей славянского синтаксиса, в частности — восточнославянского.

Вопрос о взаимоотношении славянских языков и диалектов был одной из основных тем конференции. В докладе В. С. Ващенко (Днепропетровск) «О русско-украинско-болгарских межъязыковых контактах» рассмотрен один из видов таких контактов, до сих пор почти не изученный. Он представлен в маленьких островках переселенческих говоров, которые живут в окружении широких иноязычных массивов. Лексические заимствования ускоряют темпы воздействия языка окружающего массива на переселенческий говор. Фонетико-морфологическая система диалекта замедляет внешнее воздействие, но и на этой почве возникают новые языковые факты, создается транспозиционная норма переселенческого говора, направляющая процесс допустимых привнесений. Выступивший по докладу И. Е. Грицютенко (Львов) отметил, что в нем поставлен вопрос о своеобразном двуязычии, добавив, со своей стороны, что влияние русского языка на украинский литературный язык и украинские диалекты не одинаково: параллельные заимствования в них живут по-разному: в литературном языке они имеют опору, в диалектах не имеют.

В докладе Г. Ф. Шило (Львов) «Об одной славянской инновации» ставится вопрос о необходимости пристального изучения славянских пограничных говоров, что особенно важно в связи с подготовкой общеславянского атласа. Докладчик осветил отношения между юго-западными украинскими диалектами (карпатскими и поднестровскими) и болгарским и сербским языками, с одной стороны, и чешским — с другой. Существующие между ними лексические и грамматические параллели свидетельствуют, по мнению докладчика, либо о том, что в период общности эти диалекты не были так разрознены, как теперь (контакты, видимо, были в эпоху, когда предки болгар и сербов находились еще в Карпатах — IV в. н. э.), либо о том, что данная языковая группа в последующем развитии переживала тождественные явления. Необходимость иметь в виду эту последнюю возможность особенно подчеркнута в докладе анализом судьбы общеславянского суффикса *-am-* в западноукраинских диалектах, а также чешском, болгарском и сербском языках. Общие изоглоссы, как думает докладчик, образовались в разное время; одни — сербо-болгарско-украинские, возможно, еще до распада славян, другие — чешско-польско-украинские, видимо, в результате вторичного сближения этих диалектов.

В докладе И. Е. Грицютенко «Некоторые вопросы лексического взаимодействия родственных языков (на материале восточнославянских языков)» отмечается, что родственные языки заимствуют друг у друга прежде всего специфические элементы, характерные или отличительные для одного из взаимодействующих языков. То же происходит и при контактировании литературных языков и диалектов. Заимствующий диалект, как и язык, охотно усваивает недостающие элементы и противоборствует принятию параллельных компонентов. Взаимодействие родственных языков не изменяет их самобытной структуры, не влияет на свойственные им внутренние закономерности развития.

Доклад И. А. Дзендзелевского (Ужгород) «Восточнославянские лексические наслоения в говорах польского языка» был построен на материале атласа «Mały atłas gwar polskich» (I—III). Атлас показывает значительность восточнославянских наслоений в польских го-

ворах. Влияние украинского и белорусского языков на польский далеко не ограничивается сферой бытовой лексики, как это обыкновенно считалось. Территориально восточнославянское влияние распространяется на значительную часть Восточной Польши, где часты случаи польско-украинского и польско-белорусского билингвизма.

В докладе С. Ф. Бевзенко (Одесса) «К проблеме сравнительно-исторического изучения внутренней истории славянских языков (некоторые явления истории украинского языка на общеславянском фоне)» рассмотрен ряд специфических черт украинского языка, отличающих его от других восточнославянских языков, но объединяющих с западно- и южнославянскими, среди которых — явления различной древности, как унаследованные еще из праславянской эпохи, так и инновации (слияние древних *ы*, *и* в одном звуке *и* среднем, замена взрывного *г* фрикативным или фарингальным, рефлексация *ѣ* > *і* и т. д.; в морфологии — формы дат. падежа ед. числа существительных муж. рода на *-ові*, перенесение флексии *-ові* с дат. падежа на местный и др.).

Раскрытию процессов взаимодействия славянских языков в отдельных пластах их словарного состава на конференции были посвящены доклады М. А. Жовтобрюха (Киев) «Украинская публицистическая лексика середины XIX в. в ее связях с русской, польской и чешской» и Б. Я. Богородского (Ленинград) «Некоторые сербскохорватские элементы в русской морской терминологии». Вопрос о параллельном филологическом изучении славянских законодательственных текстов (Русская Правда, Полицкий и Винодольский статуты) был освещен в докладе Л. И. Коломиец (Харьков) «Наблюдения над терминологическими словосочетаниями в восточнославянских законодательных документах в связи со сравнительно-историческим их изучением». В докладе А. С. Герда, А. И. Корнева, М. П. Русковой (Ленинград) «О русских названиях рыб» освещено распространение лексики этого рода в современных славянских языках и диалектах. В. В. Акуленко (Харьков) выступил с докладом «Исторические источники интернациональной лексики в восточнославянских языках».

Результаты этимологических изысканий сообщались в докладе Ю. В. Откупщикова (Ленинград) «Из истории словообразования в славянских языках (чеш. *pramen*, русск. *рамень*)». Д. Земзаре (Рига) доложила «О названиях золота и серебра в балтийских и славянских языках». Анализу отдельных слов были посвящены доклады: М. А. Соколовой (Ленинград) «Из прошлого русской терминологии» по истории значений слов с корнем *стряп-* (*стряпать*, *стряпчий* и т. д.), О. С. Мжельской (Ленинград) «Лексические связи западнославянских языков и псковских говоров» — история слова *скорлупа* и его словообразовательных вариантов, Г. А. Лилич (Ленинград) «Переносное употребление качественных прилагательных в славянских языках» — сопоставительный анализ синонимов *густой* — *частый* и их соответствий в других славянских языках. К ним примыкали доклад А. А. Гребнева (Куйбышев) «О некоторых проблемах и приемах изучения лексики славянских языков в сопоставительном плане (чешско-русский план)» и доклад М. М. Копыленко (Алма-Ата) «Проблемы изучения славянской фразеологии древнейшей поры».

Оживленное обсуждение вызвали доклады В. В. Анохиной (Житомир) «Опыт периодизации истории книжнославянского языка» и И. Палёниса (Вильнюс) «О принципах построения курса истории литературного языка». В. В. Анохина, исходя из гипотезы о существовании единого книжного славянского языка у восточных, южных, а в ранний период и у западных славян, сделала попытку периодизации его внутренней истории, которую она рассматривает как историю норм языка. И. Палёнис выделил в качестве основных в советском языкознании два подхода к изучению истории литературного языка: а) стилистический и б) историко-грамматический. Кроме того, как считает докладчик, наблюдается тенденция объединить оба подхода. Первое направление признается в докладе неверным, так как история литературного языка в этом случае совпадает с исторической стилистикой и исчезает самый ее объект. И. Палёнис отдает предпочтение второму подходу: здесь объект изучается как определенная специфическая языковая система.

На конференции были заслушаны также доклад: И. Круопаса (Вильнюс) «О первых русско-литовских словарях», П. П. Плюща (Киев) «Задачи изучения языка Пересопницкого евангелия» и доклад М. И. Приваловой (Ленинград) «Из истории древнеславянского письма», где вновь ставится вопрос о связи глаголицы с древнегрузинским письмом и другими восточными алфавитами.

Соотношению словообразовательных особенностей славянских языков были посвящены доклады А. В. Бондарко (Ленинград) «К вопросу о глаголах движения в древнерусском языке», Т. М. Возного (Львов) «Глаголы с суффиксами *-ону-*, *-ану-*(*-ʾану-*) в восточнославянских языках», В. Ф. Ивановой (Ленинград) «Болгарские эквиваленты русских отглагольных образова-

ний на *-мый*», П. С. Сигалова (Ленинград) «О происхождении славянских инхоативных глаголов».

Проблемам фонологии и грамматики славянских языков было посвящено около 30 докладов. Среди них: доклад В. К. Журавлева (Минск) «Генезис одной общеславянской изоглоссы»[2]; Р. Г. Пиотровского (Ленинград) «Romano-slavica (Противопоставление твердых и мягких согласных в румынском языке)», где предлагались схемы для однозначной оценки славянских и румынских диалектов и непротиворечивые процедуры группирования фонем в одну систему; В. Т. Коломиец (Киев) «Взаимодействие фонематической и просодической сфер в истории звуковых изменений в славянских языках».

Большой интерес у участников конференции вызвали доклады, посвященные исследованию балто-славянских языковых связей: И. Казлаускаса (Вильнюс) «Из истории балтийского вокализма», В. Мажюлиса (Вильнюс) «О происхождении балто-славянской формы генетива», В. Амбразаса (Вильнюс) «Дательный самостоятельный в литовском языке», А. Валецкене (Вильнюс) «Образование полных (местоименных) прилагательных и их судьба в балтийских и славянских языках».

Результаты исследований в области исторического синтаксиса были изложены в докладах: С. И. Груздевой (Ленинград) «Формы имен в роли предикативного признака в старославянском языке», А. Г. Руднева (Ленинград) «Бессоюзные сложные предложения в историческом аспекте», А. С. Мельничука (Киев) «Общеславянские придаточные конструкции в форме причастных оборотов с относительными словами и подчинительными союзами», Л. И. Ройзензона (Самарканд) «Развитие древнелужицкого гипотаксиса», Э. И. Коротаевой (Ленинград) «Сопоставительная характеристика сложного предложения в период национального становления русского и польского языков», М. В. Федоровой (Воронеж) «Граница между простым и сложноподчиненным предложением в славянских языках», В. И. Кодухова (Ленинград) «О сопоставительном изучении сложного предложения (на материале болгарско-русских параллелей)», Г. Н. Акимовой (Ленинград) «Развитие относительных конструкций в современных восточнославянских языках», Л. А. Киселевой (Ленинград) «Союзные сравнительные конструкции в русском и чешском языках» и П. А. Дмитриева (Ленинград) «Постпозитивные определительные придаточные с повторяющимся антецедентом в сербскохорватском языке (сравнительно с русским языком)», Е. С. Андреева (Ленинград) в докладе «Из истории безличных предложений в чешском языке» познакомила со своими наблюдениями об эволюции безличного предложения по материалам произведений Яна Гуса и Томаша Штитного.

Одно из своих заседаний секция посвятила обсуждению проблематики числительных. Были заслушаны доклады: Т. Б. Лукиновой (Киев) «Словообразование некоторых славянских имен с корнями числительных», М. П. Ивченко (Ровно) «Синтаксические особенности имен числительных в восточнославянских языках» и А. Е. Супруна (Фрунзе) «Числительные и грамматический род в славянских языках».

В докладе Я. В. Мацюсович (Ленинград) «О системе склонения имен в русском и польском языках» были исследованы роль чередования звуков в системе склонения польского языка (сравнительно с русским). Проблемам славянского словообразования были посвящены доклады: А. И. Моисеева (Ленинград) «Некоторые вопросы словообразования имен существительных в русском, польском и болгарском языках», Е. А. Захаревич и В. С. Золотовой (Ленинград) «Экспрессивные функции словообразовательных средств имен существительных со значением лица в славянских языках» и Т. А. Ивановой (Ленинград) «Именное словообразование в Синайском патерике». В двух докладах по истории славяноведения был приведен новый архивный материал: А. В. Каупуж (Вильнюс) «Вклад профессора Виленского университета И. Н. Лобойко в развитие русско-польско-литовских культурных связей в начале XIX в.» и И. В. Арбузовой (Ленинград) «Университетские курсы В. Ягича в Петербурге».

Отметив плодотворность состоявшегося научного обмена мнениями, конференция признала необходимым организацию таких всесоюзных конференций по славистике не реже одного раза в два-три года. Для осуществления решений II Всесоюзной конференции избран распорядительный комитет во главе с акад. Лит. АН ССР Б. А. Лариным. III Всесоюзную конференцию решено созвать на Украине.

Л. С. Ковтун, П. А. Дмитриев

(Ленинград)

Различным проблемам, связанным с глоттохронологией и типологией, был посвящен симпозиум, проходивший 21 и 22 января этого года в 1-м МГПИИЯ. Участникам симпозиума был заранее разослан специальный вопросник. Программа симпозиума включала обсуждение 10 докладов.

[2] См. ВЯ, 1963, 2, стр. 8.

В нескольких докладах рассматривались вопросы, связанные с пониманием развития языка. Т. П. Ломтев (Москва) в докладе «Источники развития языка» предлагает четко разграничивать теорию развития языка от теории его изменения. Развитие предполагает наличие трех условий — его неизбежности, совершенствования системы и противоречия как движущего источника. Развитие — это необходимость, а не вероятностный процесс. Докладчик рассматривает развитие как рост поляризационных возможностей значимостей системы, увеличение ее семантической мощности. Г. С. Клычков (Москва) отстаивает ту точку зрения, что чаще развитие языка идет путем сохранения устойчивой модели, при изменении формулы ее заполнения, а не по линии увеличения количества противопоставлений. Принцип экономии диктует необходимость какого-то предела увеличения числа оппозиций. Т. П. Ломтев, уточняя свою позицию, приводит классификацию способов поляризации: 1) внутренняя или глобальная; 2) линейная и 3) поляризация перестановки. В теории развития рассматривается только увеличение первого вида поляризаций.

Л. П. Евдошенко (Кишинев) предлагает отказаться от дихотомической трактовки фонологической системы, а располагать фонемы в сетке координат. Тогда изменения фонологических систем можно представлять пространственно. Развитие же этих систем происходит путем перераспределения дифференциальных элементов фонем.

Необходимо ввести набор количественных критериев для оценки полноты системы, говорит Г. П. Мельников (Москва). Причем требуется учитывать не только количество связей, но и степень близости звуков, так как обычно физическая близость звуков ведет к их выпадению. Выступивший за ним В. М. Андрющенко (Москва) высказал мнение, что физическая близость звуков вызывает только их перераспределение; выпадение происходит за счет меньшего количества противопоставлений данной единицы системы с остальными.

Оживленная дискуссия разгорелась вокруг вопросов измерения лингвистического времени и лексикостатистики. Р. М. Фрумкина (Москва) в своем докладе «Математическая модель глоттохронологии» детально проанализировала четыре допущения, на которых основана модель глоттохронологии: 1) наличие постоянной скорости исчезновения слов списка; 2) вероятность любого слова сохраниться одинакова для всех слов списка; 3) сравниваемые языки развиваются независимо друг от друга; 4) все слова списка качественно однородны (наподобие атомов вещества в формуле радиоактивного распада). Четвертое допущение оказывается слишком сильным. Из-за этого формула $t = \frac{\log C}{2 \log r}$ превращается в вероятностную, и отсюда возникают существенные ошибки при оценке времени расхождения языков. Выводы С. Кретьена о недостатках метода глоттохронологии правильны[3], заключает докладчик.

А. Б. Долгопольский (Москва) пытается снять эти недостатки и излагает в своем докладе «Сохраняемость лексики и определение лингвистического времени» опыт построения глоттохронологии на основе списка наиболее сохраняемой лексики. Пусть в родственных языках A и B n понятий из этого списка сохранили свои морфемы, а $r - n$ сменили их. Запишем понятия в следующем порядке: $1, 2, \ldots, i, \ldots, n, n+1, \ldots j, \ldots, r$. Тогда вероятность $P(t)$ того, что за t единиц времени (столетий) понятия $1, \ldots, i, \ldots n$ сохранили морфемы, а понятия $n+l, \ldots j, \ldots r$ сменили их, вычисляется по формуле

$$P(t) = \prod_{1}^{n} [1 - (1 - p_i)^t] \cdot \prod_{n+1}^{r} (1 - p_j)^t,$$

где p_i и p_j — вероятность замены морфемы при понятии i (и j) за одну единицу времени. Вычисляется $P(t)$ для разных t. Значение t при наибольшем $P(t)$ и есть наиболее вероятное удвоенное лингвистическое время раздельного существования языков A и B. Астрономическое и лингвистическое время соотносится по формуле $t_a v = t_l$, где v — коэффициент, указывающий темп дивергенции $(0 < v < 1)$.

В. П. Конецкая (Москва) и Т. П. Ломтев высказались за различение лингвистического и астрономического времени; необходимо установить квант лингвистического времени.

О. С. Широков (Черновцы) письменно представил два доклада: «К методике измерения лингвистического времени» и «Глоттохронологические исследования в области славянских языков», — где излагались результаты серии работ в области глоттохронологии, выполненных им и его учениками за последние годы. Автор считает, что лексикостатистический метод можно улучшить, не только идя по пути А. Б. Долгопольского, но и при помощи учета связи устойчивости слова с его частотностью и привлечением ряда фонетических и иных критериев.

Для отдельных языковых групп необходимо опираться на зональные списки слов (наиболее ярко характеризующие

[3] См. C. D. Chrétien, The mathematical models of glottochronology, «Language», XXXVIII, 1, 1962, стр. 11—37.

степень родства языков и степень их расхождения) и зональные индексы скорости исчезновения слов *r*. Еще один путь к усовершенствованию глоттохронологии — ее сближение с методом А. Кробера. Докладчик различает его применение на материале фонетики, лексики и морфологии. Выделяются изоглоссы, позволяющие построить классификацию родственных языков в движении. Этот метод дает также хорошие результаты при оценке вторичного родства языков. В своем выступлении Г. С. Клычков указал на то, что модель М. Свадеша — упрощение модели А. Кробера, производная от нее. Он поддержал О. С. Широкова в его стремлении учитывать связь частотности слова с его сохраняемостью. А. Б. Долгопольский считает, что определенная корреляция между устойчивостью и частотностью имеется и что работы О. С. Широкова приближают нас к оценке этой корреляции.

«Утверждать, будто темп исторического развития задан извечно и неизменно — мистика, прикинувшаяся математикой», говорил в своем докладе «Принципиальное ограничение возможностей глоттохронологии и пути частичного снятия его» В. А. Никонов (Москва). Необходимо изучать внутренние закономерности языка, которые лишь опосредственно обусловлены историей. Лексика особенно тесно связана с развитием общества. В ней труднее всего установить единый для всех времен и народов темп изменений; менее проницаемы фонетика и грамматика. Поэтому надежней на них и базировать глоттохронологические построения. Относительную глоттохронологию можно основывать на консонантном коэффициенте (количественном соотношении гласных и согласных в речи), проявляющем высокую устойчивость[4].

Резко возражал докладчику А. Б. Долгопольский, по мнению которого глоттохронология не может быть основана только на грамматике, так как многие грамматические морфемы менее устойчивы, чем некоторые лексические. М. В. Раевский (Петрозаводск) положительно оценил возможности применения консонантного коэффициента для измерения темпов развития фонологических систем. Г. С. Клычков считает, что соотношение гласных и согласных может служить не целям глоттохронологии, а скорее типологии.

М. В. Раевский в докладе «К вопросу об измерении языкового развития» изложил некоторые соображения о возможностях измерять развитие фонологических систем методами, аналогичными методам глоттохронологии. Скептически высказавшись о возможности вывести константу скорости развития фонологических систем, докладчик призвал к созданию метода, предназначенного для измерения скорости заполнения лакун в фонологических системах (при их типологическом сходстве).

Доклад Ю. В. Рождественского (Москва) «Понятие типологического времени» представлял собой изложение концепции, восходящей к Е. Д. Поливанову и И. И. Мещанинову. Докладчик различает в типологии два параметра времени: 1) фиксирующего отношения языка и культуры; 2) построенного на внутрилингвистических факторах. Противоречие между ограниченностью языкового материала и бесконечностью выражаемых смыслов язык решает при помощи трех разнонаправленных движений: 1) комбинации языковых единиц; 2) созданием новых единиц; 3) изменением пропорции сочетаемости единиц разных уровней. По этим движениям можно определить скорость, путь и время развития языка. Типологическое время вычисляется из сопоставления двух констант — ресурсов, реализованных языком, и инноваций.

Г. С. Клычков в докладе «Развитие типологии индоевропейских языков» предлагает поставить в основу типологии «способ членораздельности» (соотношение между естественным фонетическим членением речи на звуки, слоги и такты и структурным ее членением на фонемы, морфемы и слова). Докладчик считает, что индоевропейские языки прошли через три типологических этапа — от корнеизолирующего строя к агглютинации, а затем к флексии. В протоиндоевропейском минимальной смыслоразделительной единицей языка — силлабофонемой — был слог; в общеиндоевропейском происходил распад силлабофонем на гласные и согласные фонемы. Сегментация силлабофонем привела к подвижности дифференциальных признаков и передвижение согласных стало типологической характеристикой индоевропейских языков, начиная с общеиндоевропейского. Прослеживая развитие в протоиндоевропейском силлабофонем с начальными гуттуральными, Г. С. Клычков приходит к объяснению возникновения тембров е и о, чередования по аблауту и образования языков кентум и сатем.

Л. С. Бархударов (Москва) заметил, что на новом этапе развития лингвистики старые идеи обретают новую доказательную силу — так мысль Ф. Боппа о том, что в протоиндоевропейском был один гласный (поскольку *i* и *u* — сонорные), возрождается в работе Г. С. Клычкова.

М. В. Раевский оценил убедительность гипотезы Г. С. Клычкова, но подчеркнул, что она нуждается в под-

[4] См. В. А. Никонов. Консонантный коэффициент, «Lingua poznaniensis», 1960, 8.

твержденіи конкретным материалом.

Анализ дискуссии во время симпозиума приводит к следующим выводам: 1) необходимо разработать теорию системы в развитии с учетом элементов необходимости и вероятности; 2) методика М. Свадеша может быть усовершенствована путем выделения списка устойчивых морфем, оценки корреляции устойчивости и частотности, сближения ее с методом А. Кробера, принятия в расчет фонологических и иных критериев (например, метода сличения «консонантных коэффициентов»); 3) целесообразно различать лингвистическое и астрономическое время и установить квант лингвистического времени; 4) типологическое время можно вычислять по соотношению внутриязыковых констант; 5) возможна относительная хронология, основанная на измерении скорости заполнения пустых клеток в фонологических системах.

В. М.

В № 1 за 1963 г. на стр. 166 сообщалось, что XXVI конгресс востоковедов состоится 1—8 августа 1963 г. Как сообщил в редакцию генеральный секретарь Международного союза востоковедов проф. Х. Шеель (Майнц), проведение конгресса отложено на неопределенное время.

О сроке проведения конгресса будет сообщено особо.

CONTENTS

Articles: The main results and tasks in the creation of written languages and the development of literary languages of the peoples of the USSR; **Discussions**: N. D. Andreyev, L. R. Zinder (Leningrad). On the notions of speech-act, speech, speech possibility and language; R. Ružička (Leipzig). On the transformational analysis of the so-called impersonal sentences in modern literary Russian; Y. S. Stepanov (Moscow). Some principles of transformational syntax in French; V. Miltner (Prague). On the distribution of different parts of the sentence in Hindi; Y. M. Lotman (Tartu). On the notion of structure in linguistics and literary criticism; On the Slavonic linguistic atlas; **Materials and notes**: N. G. Morozova (Moscow). On the «speechless» deaf mutes and their mastering of verbal speech; G. A. Haburgajev (Moscow). On the interpretation of case-syncretism in the Russian dialects; V. Z. Panfilov (Moscow). On the origin of noun-declination in the nivkh language; V. V. Ševoroškin (Moscow). On the Hittite-Luvian character of the Karian language; **Consultations**: M. V. Mačavariani (Tbilisi). On the interrelation of mathematics and linguistics; **Applied and mathematical linguistics**; G. A. Lesskies (Moscow). On the relation between sentence-length and the character of the text; **Critics and bibliography.**

SOMMAIRE

Articles: Les principaux résultats et tâches dans le domaine de la création des langues écrites et le développement des langues littéraires des peuples de l'URSS; **Discussions**: N. D. Andrejev, L. R. Zinder (Léningrad). Sur les notions de l'acte de discours, le discours, la possibilité de discours et la langue; R. Ružička (Leipzig). Sur l'analyse transformationelle des soi-disantes propositions impersonelles en russe littéraire moderne; Y. S. Stepanov (Moscou). Quelques principes du syntaxe transformationel du français; V. Miltner (Prague). Sur la distribution des différentes parties de la proposition en hindi; Y. M. Lotman (Tartu). Sur la notion de la structure en linguistique et en critique littéraire; Sur l'atlas linguistique slave; **Matériaux etnotices**: N. G. Morozova (Moscou). Sur les sourds-muets «sans parole» et leur maîtrise du langage verbal; G. A. Haburgajev (Moscou). Sur l'interprétation du syncrétisme des cas dans les dialectes russes; V. Z. Panfilov (Moscou). Sur l'origine de la déclinaison des noms en nivkh; V. V. Ševoroškin (Moscou). Sur le caractère hittite-louvien de la langue carienne; **Consultations**: M. V. Mačavariani (Tbilisi). L'interrelation des sciences mathématiques et la linguistique; **Linguistique appliquée et mathématique**: G. A. Lesskies (Moscou). Sur la relation entre la longueur de la proposition et le caractère du texte; **Critique et bibliographie.**

ИСПРАВЛЕНИЕ

в журнале «Вопросы языкознания», № 2, 1963 г.

На стр. 37 строка 14 снизу следует читать: *ой рывáт'*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи. Редакция заинтересована в получении кратких сообщений и заметок по конкретной тематике объемом до 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах.)

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

6. Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, *Н. А. Баскаков*, *Е. А. Бокарев*, *В. В. Виноградов* (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *А. И. Ефимов*, *Н. И. Конрад* (зам. главного редактора), *М. В. Панов*, *Г. Д. Санжеев*, *Б. А. Серебренников*, *Н. И. Толстой* (и. о. отв. секретаря редакции), *А. С. Чикобава*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XII

3

МАЙ — ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1963